Евгений Плющенко

Впервые откровенно о себе и других

Другое шоу

·РОСМЭН·

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Олимпийский чемпион Евгений Плющенко, в свои 24 года ставший легендой фигурного катания, часто дает интервью. Но редко бывает откровенным.

В своей книге он впервые рассказывает о тех трудностях и проблемах, с которыми довелось столкнуться на пути к славе: о голодном детстве, о дедовщине в фигурном катании, серьезных травмах, сопровождающих его с первых шагов, — без них немыслим большой спорт. Евгений рассказывает о своей личной жизни, о свадьбе, рождении сына и скандальном разводе. Об интригах вокруг мирового первенства по фигурному катанию и конфликтах, которые приходится преодолевать каждому мужчине. О закулисье самого популярного телешоу «Звезды на льду» и большой политики.

- Евгений Плющенко
  - 1. Турин. Я — олимпийский чемпион!
  - 2. Я не девочка, я — мальчик!
  - 3. Впереди всех
  - 4. Один в большом городе
  - 5. Фигуристы тоже могут драться
  - 6. Я вырасту, и вам будет очень плохо!
  - 7. Жизнь налаживается
  - 8. Золотой мальчик
  - 9. Поклонник и поклонницы
  - 10. Мои дорогие коньки
  - 11. Фигуры Плющенко
  - 12. Американская мечта
  - 13. Моя серебряная Олимпиада
  - 14. Плющенко и Ягудин. Кто тренеру Мишину дороже?
  - 15. Меня вычеркнули из списка
  - 16. Турин! Как много в этом звуке!
  - 17. Звезды на льду
  - 18. Шоу-мечта
  - 19. О любви
  - 20. Развод и девичья фамилия
  - 21. Я — депутат
  - 22. Группа поддержки
  - 23. Еще одна победа
  - Иллюстрации

Евгений Плющенко
Другое шоу

1. Турин. Я — олимпийский чемпион!

До конца произвольной программы остается меньше минуты. Делаю последнее вращение, подъезжаю к судьям, показываю на них и говорю в камеру: «Все!»

Я сделал это — я выиграл Олимпиаду! Я сделал все, что мог, и оказался на голову выше своих соперников.

Наконец-то я добился того, к чему стремился всю мою жизнь с того дня, когда впервые встал на коньки. Двадцать лет изматывающих тренировок, прыжков и вращений. И все ради того, чтобы однажды на несколько минут подняться на первую ступень олимпийского пьедестала.

Я шел к этой победе через травмы и дедовщину, через множество соревнований, в которых побеждал и проигрывал, через неустроенность и нищету, через страдания и лишения моих близких. И вот олимпийское золото, круглая медаль весом 750 граммов, у меня в руках…

На Олимпиаду я приехал в идеальной форме.

Выхожу на лед, чтобы откатать короткую программу и в какой-то момент, на предпоследнем прыжке, вдруг чувствую: еще мгновение — и я упаду. И тут происходит нечто странное: мне кажется, будто чья-то сильная и уверенная рука поддерживает под локоть и не дает мне поскользнуться.

Короткую программу я откатал безукоризненно, сделал все, что было задумано. Когда музыка закончилась и судьи выставили оценки, я понял, что по этой программе соперники меня не догонят. От своих конкурентов я оторвался на десять баллов, а это серьезная цифра.

Поэтому на произвольную программу я выходил спокойным. Где-то в глубине души осталось облако легкого волнения — ошибаться нельзя, особенно на сложных элементах. «Женя, соберись!» — сказал я себе.

И снова повторилась та же история. Я точно знаю, что на четверном прыжке должен был упасть. Но в последний момент вновь почувствовал, будто кто-то поддержал меня и помог сохранить равновесие.

До сих пор не могу понять, что это было. Крыло ангела-хранителя?.. Не знаю…

Когда во время выступления я сделал последний сложный элемент, вдруг понял: теперь осталось просто докататься. Я уже

чувствовал, знал, что выиграл эту Олимпиаду.

Надо было дождаться оценок, но в тот момент я уже не сомневался, что мне поставят самые высокие баллы. Иначе просто быть не могло.

В Турине все складывалось удачно: на жеребьевке мне выпало кататься впереди моих основных соперников. А это всегда хороший знак. Мне нужно было с самого начала как можно выше поднять планку, чтобы никто не дотянулся, и тогда меня уже никто не смог бы обойти.

Сидя после выступления на скамейке, я не чувствовал ничего, кроме опустошения. Было такое ощущение, будто после трудного дня, при сильной физической усталости я выпил бокал вина — меня словно повело. Я смотрел на оценки и никакой радости от победы не чувствовал. Я не чувствовал ни-че-го. Внутри была пустота, выжженная пустыня.

Словно на автомате пошел в раздевалку. Потом досматривал выступления своих соперников. Понимал, что досмотреть надо. А сам почти ничего не видел. Я стоял и думал: все-таки не зря я в спорте, не зря преодолевал трудности, не зря получал травмы.

Уже на пьедестале, когда подняли Российский флаг, когда зазвучал наш гимн, по телу побежали мурашки. Но адреналина не было, только усталость. Правда, усталость не совсем обычная, приятная.

Я отдал все свои силы, эмоции, всю свою энергию этой программе, зрителям и судьям. Крикнув «Все!» на последних тактах музыки, я выплеснул, кажется, последние сгустки своей энергии.

Потом я узнал, что за тысячи километров от итальянского города Турина, в моем загородном доме эту же фразу в это же самое время сказала моя мама.

В моей семье есть такая традиция: родные никогда не смотрят на меня в прямом эфире. Тем более если я выступаю на ответственных соревнованиях. А тут — Олимпиада, куда я ехал только за победой.

Мама включила телевизор и поставила на запись. Вся моя семья — родители, сестра и племянница — ушли в соседнюю комнату. Они смотрели другую программу и говорили о чем угодно, только не о моем выступлении. Все ждали звонка. Мама переживала страшно, она как никто другой понимала, насколько важна для меня эта Олимпиада. И когда домой позвонили и

сказали, что я только что откатал произвольную программу, что все хорошо, мама выдохнула: «Все!» Это слово мы сказали с ней, должно быть, в унисон.

2. Я не девочка, я — мальчик!

До сих пор жалею, что не сохранились мои первые коньки.

Они достались мне совершенно случайно. Мама пошла в магазин и взяла меня с собой. Мы встретили нашу знакомую и ее маленькую дочку. Девочка рыдала.

— Таня, ты представляешь, с таким трудом нам удалось купить коньки, доставали их через московских знакомых! А дочка ни в какую кататься не хочет.

— Там холодно и больно! — Девочка заливалась слезами. — Я все время падаю!

— Давай тогда Жене твои коньки подарим! — совершенно неожиданно предложила женщина.

— Давай! — Девочка сразу же перестала плакать.

— Ну что ж, я прямо сейчас и отдам Жене коньки. — Мама девочки надеялась, что ее дочь передумает.

Но та стояла на своем:

— Отдавай! Я не буду кататься.

Тогда женщина взяла у девочки коньки и повесила их мне на шею. Вот такая судьба.

Не исключено, что, если бы не эта встреча, родителям и в голову бы не пришло отвести меня в секцию фигурного катания.

Когда мы вернулись домой, я надел свои конечки, мама зашнуровала мне ботинки, и мы вышли на улицу. Я, счастливый, аккуратно ступал по хрустящему снегу, стараясь не упасть.

А в это время бывшая хозяйка коньков возвращалась домой, снова увидела нас:

— Вы почему по снегу катаетесь?

— А где же нам кататься? — удивилась мама.

— Езжайте во Дворец спорта, там есть секция фигурного катания. Мальчиков берут сразу, они нарасхват.

И мы поехали. Я стоял возле бортика и во все глаза смотрел, как катаются дети. Они скользили, падали, вставали и делали на льду какие-то фигуры. Самые простые, конечно, но это было так здорово! Мне тоже захотелось кататься.

— Хочу стать хоккеистом! — заявил я маме. В четыре года я был убежден, что только хоккеисты катаются на коньках.

Во Дворец спорта мама привела не только меня, но и мою старшую сестру Лену, которой тогда было девять лет.

Тренер Татьяна Николаевна Скала посмотрела на Лену:

— Эта девочка уже большая, она переросла фигурное катание, — затем посмотрела на меня: — А вот эту девочку я

возьму.

— Какая я вам девочка! — возмутился я. — Я мальчик!

— Тогда тем более берем! Коньки есть? Приходите в понедельник.

В четыре года я действительно больше походил на девочку: волосы длинные, глаза большие, а нос, наоборот, тогда еще был маленьким. С виду — такая маленькая, худенькая, миловидная девочка, а на самом деле — настоящий боец!

Я был очень гибким. Еще до появления в моей жизни коньков с удовольствием кувыркался, сворачивался в клубок. Родители смотрели на меня и смеялись:

— Женя, ты у нас пластилиновый!

Тренер тоже сразу это заметила:

— Знаете, ваш мальчик очень гибкий, — сказала она маме. — У нас нужно садиться на шпагаты, мостик делать, рыбку. Вот придете на следующий урок, посмотрите, как мы тянемся.

Нам показали, как правильно тянуться. И мама принялась за дело. Тянула она не только меня, но и мою сестру. Правда, Лена очень быстро поняла, что это больно, и решила, что ей шпагат точно не нужен.

Больно было до слез. Пока мама меня тянула, у меня несколько раз случались истерики, я хохотал и плакал одновременно.

— Мама! Что ты делаешь? Мне же больно!

— Еще немножко потерпи, и больно больше не будет, — уговаривала мама и продолжала меня растягивать.

— А ты жвачку мне купишь? — И я заливался истерическим смехом. За жвачку я готов был терпеть все, что угодно.

За четыре дня мама сделала то, на что у других родителей уходил месяц: я спокойно сидел в продольном и поперечном шпагате, задирал ноги за уши. Мне уже было не больно.

Потом я сам начал растягиваться. Брал два стула и провисал в шпагате — как Жан Клод Ван Дамм в фильмах, которые смотрели мои родители.

Тренер была просто шокирована, когда я пришел на занятия абсолютно растянутым мальчиком. Но, конечно, на льду у меня вначале ничего не получалось. Когда вышел на каток, я начал падать. Больно ушибался головой, падал на копчик. На руках живого места не было: я постоянно ранил руки о холодный и острый лед.

От обиды, что ничего не получается, от бессилия я плакал и уже не пытался встать на коньки, а просто полз к бортику. Татьяна Николаевна брала меня на руки, катала по кругу и

укачивала. Я успокаивался и снова выходил на лед.

Я был новичком, а ребята в нашей группе занимались уже полтора года. Они умели скользить по льду, делать ласточку и казались мне настоящими мастерами. А у меня разъезжались ноги, я все время падал, и надо мной, мелким неумехой, смеялась вся группа. Ну а я снова начинал пускать сопли.

В один из таких моментов ко мне подъехала Татьяна Николаевна Скала:

— Женя, ну что же ты плачешь?

— Они смеются надо мной!

— А ты старайся. Если будешь стараться, ты их обязательно обгонишь.

Она умела вселять в меня уверенность. Я выходил на лед и упорно тренировался, пока не сделаю нужный элемент: шаги назад или «елочку». На смешки и подколки со стороны старших я вообще перестал обращать внимание.

На тренировку мы с мамой обычно приезжали заранее. Перед нами катались мальчики-хоккеисты. Я стоял за бортиком и во все глаза смотрел на них. Я им завидовал: у них были клюшки, шайба, ворота! Я уже понял, что хоккей и фигурное катание — это два совершенно разных вида спорта.

— А давай еще на хоккей ходить! — упрашивал я маму.

— Ну не знаю, сынок. Давай посмотрим, как у нас будет по времени получаться. Вот ты научишься кататься хорошо, тогда и в хоккей пойдем.

Но когда я наконец научился, никакого хоккея мне уже не захотелось. Я влюбился в фигурное катание.

Я до сих пор меньше всего люблю вращения. Обожаю прыжки, дорожки и только потом — вращения. Так сложилось с самого детства.

…До сих пор такое случается: во время ответственных соревнований у меня из носа идет кровь. А в раннем детстве носовые кровотечения были настоящей бедой.

Однажды я ужасно перепугал своих близких. Кровотечение было такое сильное, что родителям пришлось вызывать «скорую». В ожидании приезда врачей мне несколько раз сменили простыни — кровь шла не переставая полтора часа. У меня ничего не болело, но мне было страшно, мне казалось, будто вся комната залита моей кровью. Я тогда еще не видел ни одного фильма ужасов и мог сравнить происходящее только с жуткой сказкой, в которой главный герой попадает в серьезный переплет. Причем этим главным героем был я сам. Пока все это думал, я потерял

сознание.

Потом мне рассказывали, что мое лицо буквально сливалось с подушкой — так оно побелело от потери крови. Даже врачи «скорой» не стали меня будить, пожалели. А перепуганной маме сказали, что у меня что-то с сосудами и надо пройти серьезное обследование.

Когда я пришел в спорт, такое стало со мной случаться значительно реже. Собственно, то же самое можно сказать и о сопровождавших меня до четырех лет соплях и кашле.

А вот с вестибулярным аппаратом беда была страшная. Я не переносил никакой транспорт, меня тошнило везде, любая поездка: в машине, автобусе, троллейбусе или трамвае — для меня оборачивалась настоящим испытанием.

— Мамочка, мне плохо! — предупреждаю я маму, и мы едва успеваем выскочить на остановке. Меня тошнит. Минут пятнадцать дышим свежим воздухом. Пересаживаемся на трамвай. Стоим впереди, где меньше всего укачивает. И когда наконец добираемся до Дворца спорта, я весь зеленый.

Из дома мы всегда выходили с мамой за два часа до начала тренировок — с запасом на вынужденные пересадки.

Зато на льду я совершенно забывал о том, что меня тошнит. Но только до тех пор, пока мы не начали делать вращения.

Тренер дает нам домашнее задание — крутиться на специальном диске. В течение года день за днем я встаю на этот диск, и все начинается сначала.

Я вращаюсь. Голова начинает кружиться, меня мутит, и в последний момент я выкидываю белый флаг.

— Меня сейчас вырвет! — кричу я.

Мама подхватывает меня и тащит в ванную. Короткая передышка. Я пью воду и снова встаю на диск.

Мама водила меня по врачам, рассказывала, как проходят мои «домашние тренировки». В детской поликлинике успокаивали, говорили, что это нормально, что у многих детей слабый вестибулярный аппарат и его просто надо развивать. Мы развивали. И через год я забыл, как это бывает, когда тебя тошнит.

К ненавистному домашнему диску я привык, и мы даже подружились. В свободное время я уже с удовольствием сам, без маминых напоминаний, на нем крутился.

Первое время, когда только изучаешь прыжки, надо рассчитать, когда сделать толчок, куда поставить ногу, как сгруппироваться. От скорости, когда вращаешься, разрывает руки. А если вращаешься уже двадцать лет, ты прекрасно знаешь, какую скорость набрать, как повернуться и сгруппироваться. Это все очень важно.

Когда становишься опытным спортсменом, и элементы вращения, и самый сложный прыжок выполняются на автомате. В это время включаются все внутренние ресурсы. Уже не думаешь, куда деть ноги и руки.

Но для того чтобы об этом не думать, мне пришлось пройти через боль, тошноту, рвоту, кровь. Уже позже, на льду, во время вращений на руках иногда появлялись кровоизлияния, кровь сочилась из-под ногтей. Порой становилось страшно оттого, что трудно было понять, что происходит с моим организмом. Но я перешагнул и через этот страх, перешагнул — и пошел дальше.

Я очень хорошо помню самые первые в своей жизни соревнования. Мама сшила мне костюм: в магазине купила дешевую сиреневую женскую сорочку, выкроила из нее рубашку, а брючки соорудила из чьих-то спортивных штанов, приобретенных в комиссионке.

На тех соревнованиях я занял шестое место из шестнадцати. Учитывая, что катался я всего три месяца, а ребята, с которыми состязался, — по полтора года, это был великолепный результат.

После такого экзамена тренер взялась за меня всерьез — сказала, что с моими способностями заниматься надо обязательно.

Наконец-то у меня все получается. Я моментально запоминаю программы, и тренер меня хвалит. А осенью, отзанимавшись чуть больше полугода, я — чемпион по своему разряду. С тех пор я уже никому не отдавал свое первое место.

3. Впереди всех

Мне семь лет. Я еду на соревнования в Самару и выигрываю детский конкурс «Хрустальный конек». Я впервые в жизни стою на пьедестале, меня поздравляют друзья, тренер и даже президент федерации фигурного катания!

Тогда мне подарили классную электронную игру «Воздушный бой». Мы ехали в поезде из Самары в Волгоград и всей командой сбивали самолетики.

Это было здорово. Я — самый младший участник турнира, все остальные спортсмены старше меня на три-четыре года. Тем не менее я оказался на голову выше всех. Выиграл в одни ворота.

После той победы я сам себе стал казаться гораздо выше ростом и взрослее.

У меня по жизни так получается, что я все время куда-то тороплюсь. Тороплюсь побеждать, тороплюсь взрослеть. Я даже умудрился поторопиться, когда рождался.

Мои родители жили в Хабаровском крае. Мама и отец уехали туда на заработки, строили БАМ.

Когда мама была на восьмом месяце беременности, однажды она вместе с маленькой Леной — моей старшей сестрой — решила съездить в соседний поселок, купить что-нибудь для меня, еще не родившегося.

Они вернулись, а вечером у мамы начались схватки.

Поселок, в котором жили мои родители и сестра, был маленьким. Больницы не было, только медпункт, где дежурила медсестра. Естественно, никакого акушера там никогда не было, женщины обычно ездили рожать в город Ургал. А поезд ходил один раз в два дня.

К счастью, в тот вечер как раз шел поезд. Вместе с родителями в Ургал поехала и медсестра, которая побоялась отправить роженицу без сопровождения медработника.

Мама мне рассказывала, что в поезде ехали одни солдаты, кроме нее и медсестры не было ни одной женщины. И тогда она решила, что обязательно должна доехать до больницы. Дала себе установку: рожать в поезде нельзя! Терпела десять часов и меня уговаривала потерпеть. Видимо, я ее послушался.

Родился я длинным — целых 57 сантиметров. В девять месяцев побежал, а в год уже гонял на маленьком велосипеде. Ноги у меня уже тогда были сильными.

Правда, из-за сурового климата постоянно простужался. На севере два раза переболел воспалением легких, мы с мамой

подолгу лежали в больнице. Меня все никак не могли вылечить, пичкали лекарствами, всего искололи. Организм весь разбалансировался, врачи обнаружили шумы в сердце.

Мама вначале верила в действенность лечения, но постепенно ее вера улетучилась, и она приняла волевое решение: не отдавать меня больше никаким врачам.

Она забрала меня из больницы и начала лечить сама. Выводила на свежий воздух, поставила на лыжи. А когда мне было три года, мы вернулись в наш Волгоград.

От моего первого тренера меня забрал к себе в группу директор Волгоградского дворца спорта Михаил Маковеев. В прошлом он был тяжелоатлетом и никакого отношения к фигурному катанию не имел. Зато дружил с тренером Ксенофонтовым, который однажды и предложил ему:

— Ну что ты занимаешься своей тяжелой атлетикой? Попробуй себя в чем-нибудь еще. Во Дворце спорта вон есть вакансия: тренер по фигурному катанию.

И Маковеев действительно попробовал. Он перешел от штанги к конькам, став тренером детской секции фигурного катания. Это он научил меня прыгать, так что к одиннадцати годам я уже делал все тройные прыжки и стал мастером спорта.

Маковеев давал нам невероятно большие нагрузки. В семь лет я бегал по 10–15 километров, плавал в бассейне на ускорение. Если делал «пистолетик», то обязательно по пятьдесят раз на одной ноге и столько же на другой. Мы работали с гирями, гантелями, штангой, постоянно растягивались. Играли в футбол, хоккей, волейбол и занимались борьбой.

Спортсмены работали у него из-под палки. Плохо прыгнул — будешь делать еще десять прыжков. Если провинился — беги кросс пять километров. Причем вместе с ним. Он был фанатом спорта, у него была сумасшедшая энергетика, которую он пытался передать нам. Это был очень строгий и жесткий человек, за что и получил свое прозвище — Полицай.

Маковеев был тренером-деспотом. Таких обычно никто не любит, и я тоже не любил (но уважал), хотя понял это значительно позже, когда познакомился с Алексеем Николаевичем Мишиным.

У Маковеева мы работали на постоянных перегрузках. Все упражнения — с утяжелением. Правда, Полицай не разрешал нам нагружать спину, боялся за наши позвоночники. Зато на ногах и руках у нас всегда было стабильно хотя бы по килограмму.

Меня не покидало ощущение, что из нас готовят не фигуристов, а бойцов спецназа. За четыре года он сделал из меня мощную спортивную машину. И, как ни странно, это здорово мне

помогло, когда я приехал в Петербург. Хочу сказать ему огромное спасибо за его вклад и веру в меня.

В Волгограде у нас был отличный Дворец спорта: два огромных спортивных зала, зал с тренажерами. Когда приехал в Петербург, я был поражен, насколько здесь все оказалось хуже, чем в Волгограде: крошечный зал, очень плохой лед, на катке дикий холод. Я все никак не мог понять, как такое может быть: второй по значимости город в России, невероятно красивый. Именно здесь процветает фигурное катание, а условий никаких. Питерский спорткомплекс проигрывал волгоградскому по всем параметрам. Но почему-то так случилось, что Волгоградский дворец спорта просто закрыли, туда перебрался, как это ни дико звучит, вино-водочный склад, а на фигурном катании в этом городе поставили жирный крест.

4. Один в большом городе

— Татьяна Васильевна, Жене нужно ехать тренироваться в Петербург. — Такими словами Михаил Маковеев огорошил мою маму при встрече. — Наш Дворец спорта закрывается. Сейчас у нас сборы, а сразу оттуда мы поедем в Питер.

— Я не отпущу его! — Родители были категорически против моего отъезда. — О чем вы говорите? Жене всего одиннадцать лет! Ну закрыли секцию фигурного катания, и ладно. Пусть гуляет на улице, у него будет больше свободного времени. Будет заниматься другим спортом, например играть в футбол.

— Вы не имеете права! — отрезал тренер. — Он не ваша собственность!

— Как это не моя собственность! Чей же он, интересно?

— Он спортсмен, член сборной России!

А я к тому времени уже не мог жить без фигурного катания и больших перемен в жизни, переезда в Петербург не боялся. С шести лет я путешествовал по сборам, спортивным лагерям и соревнованиям. Правда, через месяц-два всегда возвращался домой, где меня ждали мама, папа, старшая сестра. Где меня любили и буквально сдували пылинки.

Я пошел к родителям:

— Мама и папа, как хотите, но я все равно поеду. Я не могу жить без спорта и фигурного катания!

И родители отпустили. Провожая меня в тот раз на сборы, они очень надеялись, что месяца через два-три я вернусь в Волгоград. Родители почему-то думали, что в Питере мне не понравится и я сбегу домой.

Недавно мы с ними вспоминали мой отъезд.

— Женя, я очень часто мысленно возвращаюсь к тому времени, — призналась мне мама. — Моей внучке Даше сейчас 11 лет. Мы ее никуда не отпускаем: в гимназию и из гимназии привозим на машине, даже за хлебом боимся одну отправить. А ведь ты в этом же возрасте один уехал в чужой огромный город. Что же я за мама такая была, что отпустила своего ребенка?

В Петербург мы приехали втроем: я, мой тренер и еще одна девочка, Таня Ермачек.

Через несколько дней нужно было ехать на сборы в Подмосковье, а пока — нам не дали ни квартиры, ни комнаты.

Нас всех троих разместили в какой-то крохотной каморке во

Дворце спорта. Мне дали кресло и стульчик под ноги — так я и спал.

Правда, в те ночи я почти не сомкнул глаз. Очень волновался. Понимал, что нужно будет много работать, чтобы чего-то добиться. Это в Волгограде я был чемпионом. А здесь… Кем я стану?

Наверное, именно тогда и закончилось мое детство.

Уже через несколько дней я поехал на сборы, где познакомился с ребятами, с которыми в течение нескольких последующих лет мне предстояло делить каток.

Питер поразил меня своими масштабами и красотой. Но этот огромный город на меня давил, я чувствовал себя совсем маленьким и беззащитным. Иногда мне казалось, что он просто раздавит меня и я в нем совсем потеряюсь.

Я жил в квартире у своего нового тренера Алексея Николаевича Мишина. В квартире, где останавливались приезжие спортсмены. Утром бежал на тренировку, потом — в школу, затем — снова на тренировку. И ужасно страдал от одиночества. Один в огромном городе, ни друзей, ни знакомых, ни родных. Но никогда не жаловался. Звонил родителям в Волгоград и весело кричал в трубку:

— У меня все нормально! Я занимаюсь, тренер меня хвалит.

На мой 12-й день рождения Алексей Николаевич отпустил меня на три дня домой. Был самый сезон, нужно было работать, но Мишин понимал, что мне надо отдохнуть, окунуться в домашнюю обстановку, почувствовать себя в центре внимания и заботы, согреться любовью близких.

К встрече я приготовился. Нам платили стипендию, и я откладывал какие-то деньги. С ними я и приехал домой.

— Мама, я хочу купить тебе подарок!

— Женя, откуда у тебя деньги? — насторожилась мама.

— Я же стипендию получаю, вот и насобирал.

Мы поехали на рынок и выбрали для мамы пальто. Ярко-синее. Мама в нем была очень красивая, и я безумно собой гордился.

А потом я вернулся в Питер, и начались будни. Я тренировался очень упорно, не уходил со льда, пока не получится новый элемент. Старался изо всех сил. Школу забросил, но совершенно по этому поводу не переживал.

Порядок в моей жизни начала наводить мама. Она приехала навестить меня через полгода и ужаснулась. Она сразу все поняла.

С тренировками проблем не было никаких: их я никогда не пропускал, работал до седьмого пота. Но когда мама пришла в школу, там ее ожидала совсем другая картина.

В Волгограде я был отличником: дома за моей учебой следили, со мной постоянно занимались мама и старшая сестра Лена. А здесь, предоставленный сам себе, я стал злостным прогульщиком.

— Мы практически не видим вашего сына, к тому же он отстает по всем предметам, — сказали маме.

И еще мама узнала, что я начал курить.

Вообще-то я попробовал курить еще в Волгограде, когда мне было семь лет. Стащил у папы папиросу и закрылся в туалете. Затянулся. Закашлялся страшно. На запах табачного дыма и мой кашель прибежала мама и устроила мне взбучку.

Через год я совершил «второй подход к снаряду». И об этом тоже стало известно родителям. Они вызвали меня на ковер.

— Мы туг с папой решили, что купим тебе хороших сигарет, — заявила мама. — Посадим рядом, и ты при нас выкуришь целую пачку.

— Нет, пачку я не буду. Я не смогу! — Я расплакался.

Так что до переезда в Питер с курением я завязал. А уж в Питере… Как туг откажешься, когда никто тебя не контролирует, а старшие спортсмены время от времени предлагают вместе покурить! Когда стоишь рядом со старшими ребятами в подворотне и затягиваешься, чувствуешь себя почти таким же крутым, как они.

Я, как гостеприимный хозяин, прокатил маму в метро, показал город. Она сделала из этого свои выводы и в очередной раз ужаснулась: ее ребенок болтается где хочет и никому не нужен. Маме все это, конечно, не понравилось.

Она позвонила папе:

— Ты знаешь, это страшное дело! Я его отсюда забираю.

Провела со мной беседу, купила билеты до Волгограда и набрала номер Мишина:

— Алексей Николаевич, мы уезжаем! Не надо нам такого фигурного катания!

Мишин тут же приехал. Вызвал маму на улицу — он не хотел, чтобы я слышал их разговор:

— Что вы творите! Зачем забираете мальчика, жизнь ему ломаете? Он у вас хороший спортсмен. Чем ему там заниматься?

— Ничем не будет заниматься, — ответила мама. — Пусть в школе учится нормально и будет заниматься другим спортом.

— Вы зря так! Потерпите немного. А хотите — переезжайте

сами!

— Да вы что? Как я приеду? У меня там дочка, муж. Да и денег у нас таких нет, чтобы жить в Ленинграде.

Тогда Мишин позвал меня:

— Жень, не слушай маму! Ты же спортсмен!

Затем снова с мамой:

— Напрасно вы так поступаете!

Короче, обиделся и уехал.

Мы с мамой поднялись в квартиру. Молчим. Наконец я не выдерживаю и говорю:

— Знаешь, мам, ты поезжай к Лене и папе, а я останусь. Я не смогу без спорта, правда.

И поехал на вокзал провожать маму. На самом деле мне ужасно было грустно оттого, что она уезжает, а я снова остаюсь один, никому не нужный. Но я держался и всю дорогу растягивал губы в улыбке. А когда поезд тронулся и, медленно набирая скорость, пополз в сторону Волгограда, не выдержал и побежал вслед:

— Мамочка! Мама! Мамочка!

Мама что-то говорила мне через стекло и плакала.

Я прожил один почти год. Исследовал питерские дворы, бродяжничал. Но исправно ходил на тренировки. Зато когда они заканчивались, никому не было дела, куда я иду и чем занимаюсь. У всех были свои заботы: у тренеров, у хореографов. А я был сам по себе.

Когда хотелось есть, я звонил в Волгоград, и мама мне рассказывала, как готовить суп, что в какой последовательности кидать в кипящую воду. Иногда я даже умудрялся жарить себе курицу. Но чаще питался бутербродами. В общем, ел главным образом то, что мог купить по дороге с тренировки.

А потом родители приняли решение, что мама приедет ко мне. Она больше не могла допустить, чтобы я жил один в чужом городе. Папа с сестрой остался в Волгограде и, чтобы всех нас прокормить, вкалывал на двух работах.

Мой отец из породы настоящих мужчин. Когда-то он служил в танковых войсках, был командиром танка. На БАМе работал плотником, столяром и каменщиком. Когда мы переехали в Волгоград, у нас были и квартира, и машина. Все было здорово. Тогда нам и в голову не могло прийти, что мы столкнемся с такими обстоятельствами, при которых денег порой не будет хватать даже на хлеб.

Правда, когда я только начал заниматься фигурным

катанием, отцу не очень все это нравилось.

— Иди лучше в футбол, — советовал он. — Или занимайся карате, как все мальчишки.

Но потом, когда папа понял, что у меня получается, стал поддерживать. Правда, виделись мы редко, он очень много работал: уходил, когда мы еще спали, а возвращался, когда ложились спать.

В Питере мы с мамой безумно скучали по отцу и Лене. И прекрасно сознавали: до каких-либо результатов еще очень далеко. А жизнь в Питере дорогая, денег, несмотря на жесткую экономию, катастрофически не хватало.

Отцу было не разорваться, и однажды они с мамой все-таки приняли решение, что нам следует вернуться домой. Папа занял денег и прислал нам. Мы купили билеты на поезд и пришли попрощаться с Мишиным.

— Мы больше так не можем, — сказала мама. — Нам очень тяжело, финансово мы не продержимся.

— Это ошибка. Дальше все будет по-другому. У вас очень перспективный и талантливый сын и надо подождать. Терпите.

Алексей Николаевич дал нам денег на продукты, и мы остались.

Но после этого мало что изменилось. Наоборот, стало еще хуже.

Алексею Николаевичу срочно понадобилась квартира, и нам пришлось съехать. Мы сняли крошечную комнату в коммуналке с соседями-пьяницами. Платили за нее 200 рублей — для нас и это была огромная сумма.

Я нервничал, и на тренировках у меня многое не получалось. Мама постоянно плакала.

Содержал нас по-прежнему папа, который работал почти круглосуточно.

Когда заканчивались деньги, мама звонила ему. Я до сих пор помню этот тревожный голос:

— Витя, когда ты пришлешь нам денег?

И папа передавал через проводника конверт.

Но случалось и такое, что у нас не оставалось ни копейки. За помощью к Мишину мы больше обращаться не смели: было ужасно неудобно, тогда он казался нам недоступным, и мы его даже побаивались.

В самые голодные дни мы с мамой шли собирать бутылки. Жили тогда на Петроградке, недалеко от Дворца спорта «Юбилейный». А за «добычей» ходили к Петропавловской крепости.

Мама садилась на лавочку, а я высматривал тех, кто пьет

пиво. Дожидался, пока человек допьет, подходил и тихо спрашивал:

— Можно у вас бутылку забрать?

Потом бежал к маме, и она прятала наш трофей в пакет. Когда мы понимали, что на сегодня хватит, шли в магазин и что-нибудь покупали. Иногда — очень редко — могли позволить себе даже пирожные. Но чаще всего бутылочных денег хватало только на батон хлеба — свежий и ароматный, с хрустящей корочкой. Тогда мне казалось, что ничего вкуснее белого мякиша и поджаристой корочки и быть не может.

Мама мне говорила:

— Да, мы собираем бутылки. Но ничего плохого в этом нет, не надо этого стыдиться.

А мне и не было стыдно. Я прекрасно понимал, что ничего плохого не делаю. Тем более что очень хотелось есть. Откусывая от только что купленного батона, я пытался успокоить маму:

— Мам, не переживай. Я буду много тренироваться. Я постараюсь заработать побольше денег, и когда-нибудь мы купим в Питере жилье. И папа с Леной к нам приедут.

Я просыпаюсь утром, пора собираться на тренировку. На столе лежит одно яблоко. Мама разрезала его на две равные части.

— Женя, половинку съешь прямо сейчас, остальное оставим на вечер. После тренировки пойдем собирать бутылки, тогда покушаем.

Мама все время думала о том, чем меня накормить. В один из таких дней, когда денег не было даже на хлеб, возле Дворца спорта она встретила директора «Юбилейного» Татьяну Анатольевну Меньшикову.

— Татьяна Васильевна, здравствуйте! Как ваши дела?

Мама не выдержала и расплакалась.

— С Женей что-нибудь? — испугалась Татьяна Анатольевна.

Мама рассказала ей, как мы живем. Меньшикова ужаснулась:

— Что же вы мне не сказали? — Она достала из кошелька 200 рублей. — Возьмите, пожалуйста. Это Жене. Накормите ребенка.

На следующий день она дала маме еще 100 рублей:

— А это от моего папы.

У нас появились деньги! Я был счастлив: сейчас мы пойдем и купим много еды!

От голода меня спасали сборы. Алексей Николаевич Мишин увозил меня с собой, и там я ел — по три раза в день.

Если у отца в тот момент были деньги, он забирал на это время маму в Волгоград. Если денег не было, она оставалась одна. На работу устроиться она не могла — не было прописки. Мама пила чай и шла собирать бутылки…

Я видел, как тяжело маме, и прекрасно понимал, как тяжело отцу содержать себя, Лену и нас в Питере. Это был очень сложный период, который длился не дни и не месяцы, а несколько лет. И я безмерно благодарен своим родителям за то, что это выдержали, не сломались, все преодолели. Что наша семья не распалась из-за этих трудностей, а, наоборот, стала мощной, сплоченной и очень дружной.

В одно утро я не смог встать с кровати.

Мне было 13 лет, я начал расти, костный скелет еще не сформировался, а нагрузки увеличивались с каждым днем. Чтобы выигрывать соревнования, я пахал как здоровый взрослый мужик: три тренировки в день, на которых я прыгал больше ста пятидесяти прыжков, кроме того, ежедневные занятия общей физической подготовкой, хореография.

У меня были растяжения, разрывы, жутко болела спина. Особенно сильные боли мучили с утра. Просыпаясь, я потихонечку сползал с кровати и через силу, медленно поднимался. И так несколько недель. Пока не свалился окончательно.

Мы с мамой пошли к врачу, мне поставили диагноз: ущемление седалищного нерва. Причина самая банальная — растущий организм не справлялся с чудовищными нагрузками. Восстанавливали меня самым простым методом — кололи обезболивающими средствами, делали блокаду, и я снова выходил на лед.

Нормального лечения не было, о реабилитационных центрах никто тогда не слышал. Мне нужно было расслабляться, плавать в бассейне, но до этого никому не было никакого дела. Об условиях восстановления тогда вовсе не думали. Всем важен был только результат — победа на международных соревнованиях любой ценой. Как дается такая победа, знает только сам спортсмен, его семья и тренер. Ни федерации, ни клубу, за который спортсмен выступает, не было до этого никакого дела.

Тогда я не понимал, что однажды из-за тяжелых травм моя карьера фигуриста может внезапно закончиться, что в какой-то из дней я просто не смогу встать. Из перспективного спортсмена, добывающего на соревнованиях медали для своей страны, я мог

превратиться в инвалида.

В 13–14 лет такие мысли в голову еще не приходят. Я думал о другом: надо очень много работать и ни о чем больше не думать, ни на что не обращать внимания. О моем состоянии заботилась мама, это она время от времени запрещала меня колоть, сама делала мне массаж, приводила своего истощенного от перенагрузок ребенка в чувство. Огромное спасибо ей за это.

5. Фигуристы тоже могут драться

Я никогда специально не учился драться. Когда-то отец подумывал о том, чтобы отдать меня в секцию карате, но в то время я уже вовсю занимался фигурным катанием. Родители никогда не говорили мне, что можно на кого-то поднимать руку, да и примера такого, естественно, не подавали. Но я с детства очень остро переживал любую несправедливость — по отношению к себе и окружающим. И если меня пытались задеть, обидеть, унизить, понимал, что за себя надо уметь постоять.

В десять лет я поехал на кубок России. В одном из городов, где мы остановились, я упросил старших ребят купить мне в магазине газовый баллончик. Почему-то мне очень хотелось иметь это средство защиты. Казалось, если баллончик будет лежать у меня в кармане, я почувствую себя более уверенно и точно смогу постоять за себя, ведь это слезоточивое оружие поможет мне держать оборону. Возможно, баллончик был мне нужен для того, чтобы чувствовать себя более взрослым.

По крайней мере тогда я был уверен, что газовый баллончик — это круто.

Мы приехали в Пермь. У нас было свободное время, и мы вчетвером: я, мой приятель и две девчонки — пошли тратить суточные; тогда нам казалось, что это целое состояние. Купили каких-то продуктов, но деньги у меня еще оставались. Вышли на улицу.

— Деньги есть? — Перед нами неожиданно возник какой-то шкет, на голову ниже нас, десятилетних.

— Какие деньги?

— Деньги есть? — переспрашивает пацан. Маленький, а такой наглый.

— Нет у нас денег. Иди отсюда, гуляй, мальчик!

Идем дальше. И вдруг слышим его пронзительный крик на всю улицу:

— У них точно есть деньги!

Оборачиваемся и видим, как к нам через дорогу двигаются несколько пацанов лет шестнадцати. Все что-то прячут под куртками — то ли камни, то ли палки — и грамотно нас обступают. Пока я пытался им объяснить, что у нас ничего нет, мой приятель и девчонки незаметно вынырнули из окружения и убежали.

Я остался один.

— Пацан, ты попал! Доставай деньги. — Парни явно расслабились.

И тут я вспомнил про газовый баллончик, который постоянно носил с собой — на всякий случай. Незаметно достаю его из кармана, целюсь в глумливые физиономии и изо всех сил жму на распылитель. Попадаю точно в цель!

Парни начинают чихать, корчатся, заливаются слезами. А я срываюсь с места.

До моей гостиницы бежать четыре остановки — в Перми это огромное расстояние.

Хорошо, что неподалеку оказалось здание, где тоже жили наши фигуристы.

Я залетел в вестибюль. Отдышался. Отсиделся полчаса. Но нужно было как-то пробираться к себе. Что делать? Ехать на троллейбусе? А вдруг они караулят за углом? И я принял решение: бежать!

Пробегаю буквально метров пятнадцать и вижу их в арке. Они стоят и трут глаза. Один поворачивается, видит меня и орет:

— Вот он!!!

Я в шоке. В голове единственная мысль, как включенная сирена: «Я пропал! Сейчас они меня догонят и искалечат». Вот тут я сказал большое спасибо своему волгоградскому тренеру Михаилу Маковееву, который заставлял нас гонять кроссы по десять километров. Я не бежал, я — летел!

К счастью, по дороге мне попались спортсмены из нашей гостиницы.

— От кого бежишь?

— Вон от них!

— Не переживай!

Тем временем преследователи, увидев старших пацанов, развернулись и пошли в другую сторону. А я под охраной взрослых отправился в свою гостиницу.

Газовый баллончик лежал в кармане. Я шел и думал: как здорово, что он у меня есть!

Когда я переехал в Петербург, мне часто приходилось стоять за себя.

Одноклассники меня не любили.

— Фу, фигурист! — морщились пацаны. — Этим видом спорта только девчонки занимаются!

Когда я это слышал, кулаки сжимались сами по себе, и я лез в драку.

В классе образовывались свои компании, а я пропадал месяцами на сборах, потом появлялся — и снова исчезал. Меня

считали белой вороной. К тому же я плохо учился. Еще и занимался нелюбимым моими одноклассниками видом спорта. Фигурист в обтягивающем костюмчике, который постоянно танцует!

Однажды после очередного оскорбления завязалась драка — не на жизнь, а на смерть. Я бил обидчиков ногами и руками, они — тоже. В драке мне порвали одежду. Весь рваный и всклокоченный, я влетел после звонка в класс. Учительница с первого взгляда все поняла и отпустила меня с урока.

Дрался я отчаянно. И мне было абсолютно не важно с кем. Меня не останавливало, если мои обидчики занимались боксом, как, впрочем, и то, что я далеко не всегда выходил из драки победителем.

Но именно после этих стычек меня начали уважать, в классе появились друзья-приятели. Ведь я сумел постоять за себя, а для пацана это очень важно. Если ты считаешь, что прав, а тебя несправедливо обижают, надо уметь давать сдачи.

В школе у меня случались конфликты не только с одноклассниками, но и с некоторыми учителями. Естественно, что с ними я не дрался — это как раз тот самый случай, когда кулаками делу не поможешь.

Я приезжал со сборов или соревнований, получал домашнее задание и… ничего не понимал. А помочь и объяснить было некому.

Иногда я после второй тренировки приходил в школу и занимался с учителем дополнительно. Но это было тяжело и получалось далеко не всегда. Нагрузки на тренировках постоянно росли, и на школьные уроки порой просто не оставалось ни времени, ни сил. Я приходил домой и выключался: засыпал прямо в одежде.

Некоторые учителя, конечно, шли навстречу. А некоторых мои занятия фигурным катанием раздражали, их злило мое постоянное отсутствие, и, когда я наконец появлялся в школе, они отыгрывались на мне по полной программе.

Я только что вернулся с очередных соревнований. Начинается урок.

— Сегодня пишем контрольную работу. Все работают в тетрадях, а Плющенко — у доски!

Меня месяц не было в школе, я отстал от одноклассников на бесчисленное количество домашних заданий и параграфов. И если бы сидел за партой, смог бы у кого-нибудь списать. А сольное выступление у доски сулило еще одну двойку. Мне всегда казалось, что в подобных ситуациях учительница получает

от происходящего какое-то особое удовольствие. Для меня же очередной выход к доске был равносилен нокауту или удару под дых.

В общем, с некоторыми преподавателями у меня шла взаимная тихая война, и можно теперь сказать откровенно, что мы не переваривали друг друга.

Зато когда я пришел в школу после победы на чемпионате мира среди юниоров, первой учительницей, которую встретил, оказалась та самая, которая беспощадно ставила мне двойки. Она тут же подскочила ко мне:

— Женя, ну ты же помнишь, как я тебе помогала?

Я едва сдержался, чтобы не рассмеяться ей в лицо.

Школу я заканчивал экстерном. Начались серьезные соревнования. Учителя из уважения к моим победам часто оказывали мне снисхождение, пытались подобрать такую программу, чтобы я побыстрее мог догнать свой класс. И школу я все-таки закончил. С тройками, конечно, но закончил. И слава богу.

6. Я вырасту, и вам будет очень плохо!

Мне десять лет, и я участвую в Кубке России.

После соревнований сидим с пацанами в гостинице, играем в карты.

Я выиграл. Старших это разозлило. Кто-то решил покомандовать:

— Иди принеси попить.

Я не хотел никому прислуживать и отказался:

— Тебе надо — сам и принеси. А я буду играть.

В это время в номере кто-то кипятил воду. Огненный кипятильник вытащили из кружки и поднесли к моему предплечью. Рука у этого спортсмена не дрогнула — словно он не до живого человека дотрагивался, а выжигал разделочную доску. Я вскрикнул от боли. Он снова поднес кипятильник к уже раненому месту и снова прижег мне руку. На предплечье мгновенно вздулся кровавый волдырь. Боль была адская.

Я выскочил из номера. Бегу по коридору и рыдаю. Мне больно. Но плачу я не от боли, а от обиды, что кто-то мог такое сделать, а все остальные даже не заступились.

Навстречу идет моя хореограф Татьяна Михайловна.

— Женя, что случилось?!

Я держусь за плечо. Она отнимает мою руку и видит раздувшуюся воспаленную рану. Ей сразу все стало понятно, и она пошла разбираться со старшими ребятами, которые это сделали.

Так впервые в своей жизни я столкнулся с дедовщиной. Но тогда мне казалось, что это случайность и ничего подобного в моей жизни больше никогда не повторится.

Я сильно ошибался, все только начиналось.

Когда я оказался в Питере, мне было одиннадцать. Я был самым младшим спортсменом в группе у Алексея Николаевича Мишина. Вместе со мной занимались Урманов, Ягудин, Новосельцев, Татауров и другие спортсмены.

В Волгограде у нас никакой дедовщины не было — жесткий, порой беспощадный тренер Маковеев держал всех в ежовых рукавицах. О том, чтобы старшие издевались над младшими, и речи не было.

В Питере все было иначе. Над младшими издевались, ими командовали. Младшим постоянно демонстрировали, что те, кто

старше, главнее, что им все позволено.

У фигуристов был свой фирменный прием: когда молодых «учили», их били чехлом от коньков по телу, и на коже от сильного удара оставался след «Nike». Еще могли запустить в тебя коньками или ударить кроссовками по голове.

Если ты случайно помешал старшему спортсмену на тренировке прыгнуть, тебя непременно ждала кара. Либо побьют, либо начнут издеваться.

Перед тренировкой захожу в раздевалку, чтобы переодеться. У каждого спортсмена свой шкафчик, где лежат его одежда, коньки, спортивная форма. Открываю дверь, вижу, что в раздевалке сидят старшие.

Здороваюсь. Но все делают вид, что меня не слышат.

— Выйди, зайди снова и поздоровайся.

Я так и сделал.

— Мы не слышали, как ты с нами поздоровался.

Я зашел в третий раз и крикнул:

— Здравствуйте!!!

— Ты чего орешь здесь?! Надо тебя наказать.

Назначили наказание: десять фофанов — с оттяжкой. Но и на этом не успокоились, сделали мне коронный «nike». На коже остался яркий отпечаток от чехла конька. Не столько больно, сколько обидно: за что?!

Я выбежал из раздевалки, еле сдерживая слезы.

Я уже тогда понимал, почему старшие относились ко мне именно так. Я приехал из провинции, мне было всего одиннадцать, но я оказался перспективным спортсменом и уже в своем возрасте прыгал все тройные прыжки, постоянно разучивал что-то новое, схватывал все на лету. Они понимали, что позднее им будет сложно, что, когда подрасту, я стану первым, обойду их. Так на самом деле все и произошло.

Ко мне в первый раз приехала мама. А перед этим после тренировки мне здорово досталось от старших — меня били кроссовками по голове. Голова раскалывалась. А потом мы вместе с Таней Ермачек, с которой полгода назад приехали из Волгограда, отправились на вокзал.

Мама вышла из вагона, внимательно посмотрела на меня:

— Сынок, ты почему такой бледный?

— У меня голова болит.

— Что случилось?

Я решил не признаваться. Но тут выступила Таня:

— Его старшие ребята побили.

— За что?!

— Ни за что. Побили, и все. Они его кроссовкой по голове.

До приезда мамы защитников у меня не было. В то время у Алексея Николаевича Мишина тренировалось много спортсменов и были другие неотложные заботы. Вникать в то, что происходит в раздевалках, ему было просто некогда. Урманов уже стал олимпийским чемпионом, подрастал Ягудин, на которого тренер возлагал большие надежды. Мишину было важно, что происходит на льду, ему нужен был результат. А в раздевалки он редко заглядывал.

Я был самый маленький, и в то время еще трудно было понять, получится из меня чемпион или нет.

Правда, однажды старшим досталось и от Мишина. Алексей Николаевич случайно зашел в нашу раздевалку и увидел, что я плачу. А рядом сидят здоровенные взрослые фигуристы и ухмыляются.

— Кто его обидел? — В голосе Мишина появились железные нотки.

Все молчат.

— Если узнаю, кто издевается над Плющенко, этот спортсмен кататься у меня не будет.

На какое-то время меня оставили в покое.

Перед тренировкой спортсмен, на тот момент уже титулованный и известный, лакомился фисташками. А скорлупки аккуратно складывал на своем ящичке. Я сидел в уголке и шнуровал ботинки.

Перед тем как выйти из раздевалки, он подозвал меня к себе и показал на скорлупки:

— Убери!

— Не буду!

— Ну, ты знаешь, что тогда будет, — сказал он и пошел кататься.

Я дождался, пока все фигуристы переоденутся и раздевалка опустеет. И смахнул мусор за шкафчик.

Тренировка закончилась. Любитель фисташек вернулся в раздевалку, увидел, что все убрано, похвалил меня.

А утром пришла уборщица. Естественно, увидела мусор.

— Что это такое?! — Уборщица отчитывала нашего титулованного спортсмена как мальчишку. — Ты же взрослый спортсмен, а делаешь такие вещи! Как тебе не стыдно?!

После этого мне досталось по первое число.

В течение нескольких лет я оставался младшим. И все это время раздевалка была для меня общей тюремной камерой — со своими жесткими законами и паханами.

Бывало так, что один спортсмен говорил другому:

— Слыш, Плющ тебя дураком обозвал!

— Ничего подобного! Я такого не говорил!

Но меня уже никто не слушал. Щелбаны и подзатыльники были обычным делом. Иногда старшие, чтобы повеселиться, прятали мои кроссовки. Иногда творили что-то невероятное: восемнадцатилетний спортсмен мог ударить меня ногой в живот. Я корчился от боли, пережидал, когда перестанет ныть живот, и шел на лед…

Единственным спортсменом, который никогда не позволял себе поднимать руку на младших, издеваться над нами, был Саша Абт. Он вырос на улице, и в детстве ему здорово доставалось. Он сам прошел через дедовщину и сумел стать классным фигуристом. Абт постоянно заступался за меня и других младших товарищей.

Но Саша жил и тренировался в Москве, и встречались мы с ним только на сборах. Там я всегда чувствовал себя уверенней, потому что находился под его защитой, и очень жалел, что мы живем в разных городах.

Я выхожу после тренировки, захлебываюсь слезами.

— Женя, что случилось?!

— Ничего, мам, я просто палец прищемил.

Я рассказывал маме об издевательствах только в самых крайних случаях, от отчаяния.

Однажды она зашла в раздевалку:

— У вас хватает сил и совести бить самого младшего? Ну, давайте, ударьте и меня!

В ответ все засмеялись.

Давать сдачи было бесполезно. Их много, они все взрослые и гораздо сильнее меня. Я старался попасть в раздевалку самым первым, быстро переодеться и выйти на каток. И катался до тех пор, пока все не разойдутся по домам, чтобы никого не нервировать.

Обидчики назидательно говорили мне:

— Плющ, не дрейфь, вот вырастешь, сможешь дать нам отпор, отобьешься.

— Да, я вырасту, и вам всем будет очень плохо!

Но постепенно мы привыкли друг к другу. Я стал показывать

реальные результаты, побеждать на чемпионатах Европы и мира. И взрослые приняли меня в свою стаю.

Потом так получилось, что старшие закончили спортивную карьеру, разъехались по разным шоу, по другим странам. Во Дворце спорта осталась одна молодежь.

Я вырос. Я не держу ни на кого зла и никогда никому не мстил.

Да, когда меня обижали, я злился. И благодаря этой злости делал в десять раз больше, чем было нужно. Я все время доказывал, что я сильнее, что меня не так просто сломать.

Когда мы стали общаться на равных, я сказал своим бывшим «дедам»:

— Ребята, спасибо, что вы меня вырастили и дали мне столько сил.

Потом мы никогда не вспоминали о дедовщине, а со многими спортсменами стали приятелями. Сейчас катаемся в шоу, можем вместе пойти поиграть в боулинг или бильярд.

Когда-то я дал себе слово, что, став взрослым, ни за что не уподоблюсь своим старшим товарищам по катку. Я слишком хорошо помню, как плакал от боли и обиды, от несправедливости и бессилия. К тому же я стал хорошим спортсменом, и дедовщина мне была не интересна. Я всегда считал подобное поведение проявлением слабости.

И мне точно известно, что сейчас, по крайней мере в Петербурге, никакой дедовщины в фигурном катании нет.

7. Жизнь налаживается

Лет до двенадцати я не подозревал, что фигурным катанием можно зарабатывать деньги, и был уверен, что чемпионам и призерам на соревнованиях выдают только медали. О деньгах я узнал, подслушав разговоры старших спортсменов. Кто-то рассказал, что, если побеждать на международных турнирах, можно хорошо заработать. Я пришел и сообщил об этом маме:

— А ты знаешь, что большие ребята еще и деньги на этом зарабатывают? Я буду стараться.

В тот день я решил для себя, что, когда у меня будет много денег, мои родители не будут работать.

Жизнь начала налаживаться, когда мне было тринадцать. На чемпионате мира в Австралии я стал шестым. Мы поехали с мамой в Москву и получили призовые: мне дали полторы тысячи долларов!

Я отдал все деньги маме:

— Пойдем купим тебе красивое платье!

Мы ходили по московским магазинам и чувствовали себя богачами. Купили маме два костюма, папе рубашку, Лене кофточку.

А в Питере сняли другую комнату, получше и поближе к Дворцу спорта. До этого у нас не было телевизора, с призовых я купил маленький телик и видеомагнитофон. А еще — велосипед, на котором я и ездил на тренировки в «Юбилейный».

На следующий год, в 1997-м, я взял в Сеуле первое золото: стал чемпионом мира среди юниоров. Я катался там вместе с американцами и китайцами, которые до этих соревнований меня постоянно обыгрывали. И тут я всех сделал — ощущения нереальные!

Мама оставалась в Питере и очень за меня переживала. Когда я получил свое золото, Алексей Николаевич позвонил ей и сказал всего три слова: «Ваш мальчик выиграл». Тогда за первое место на чемпионате мира я получил десять тысяч долларов — сумму по тем временам просто фантастическую!

Эти призовые стали для нас серьезным подспорьем. Отныне можно было нормально питаться, одеваться, хорошо себя чувствовать. Мы жили все в той же комнате, но это была уже совсем другая жизнь.

Мы с мамой съездили в Волгоград к папе и Лене, и часть денег я отдал отцу, чтобы он купил себе машину.

Папа, настоящий мужик, сильный и волевой, тогда прослезился:

— Спасибо тебе, сынок!

— Папа, я тебе очень многим обязан за то, что мама так долго жила со мной. Но я постараюсь, чтобы мы снова жили все вместе. А что машина? Это просто машина.

Это была не только моя победа. Это была победа всей моей семьи.

Отец купил «Жигули» 99-й модели темно-зеленого цвета. Нам эта машина казалась красавицей. И когда я приезжал в Волгоград, садился за руль, и папа учил меня водить.

Прошел еще год. Закончился очередной сезон. В 15 лет я стал вторым на чемпионате Европы и третьим на чемпионате мира среди взрослых. Я получил призовые и сразу решил: покупаю квартиру для своей семьи, мы уже достаточно настрадались с мамой в коммуналке. Это было круто.

Семья у меня большая, значит, и квартира должна быть просторной.

Мы с мамой, Мишиным и агентом по недвижимости объездили весь город, пересмотрели немыслимое число домов и квартир. И я выбрал — в только что построенном доме в Приморском районе Питера, на 13-м этаже — это для меня тоже было важно, потому что чертова дюжина — мое любимое число.

Мне очень хотелось поехать вместе с мамой за документами. Но я так перенервничал, что заболел, подскочила температура, и мама получала свидетельство о собственности вместе с Алексеем Николаевичем Мишиным.

Тогда это были пустые стены. Но меня воодушевляло, что скоро здесь будет комфортно нам всем.

Пока шел ремонт, мы жили в комнате на Петроградке, собирали вещи. Родители постоянно ездили в нашу квартиру, смотрели, как продвигается ремонт. Папа время от времени оставался там. Мы созванивались, и счастливый отец говорил мне:

— Здесь хорошо!

— Ну, я скоро тоже буду там жить.

Наконец мы переехали. Я был горд, что это случилось благодаря мне. Был счастлив за свою семью, что мы все-таки сделали это, сумели преодолеть трудности и выбраться из нищеты. Я сиял сам, постоянно заглядывал в глаза своим родителям и радовался, что они тоже счастливы.

Квартира казалась дворцом, я бегал по ней и постоянно повторял:

— Какая она большая!

Там можно кататься на велосипеде. Я прятался от мамы, а она меня искала. Это было здорово.

В это время меня пригласил в знаменитый тур «Чемпионы на льду» самый известный американский продюсер Том Коллинз. Это профессионал своего дела. С его легкой руки я начал зарабатывать. Я очень благодарен ему и его семье.

Я стал побеждать в международных турнирах, и меня заметили. В конце 1990-х нам с Мишиным предлагали кататься в Америке и Испании, предлагали переехать в Москву и кататься за другие клубы. Причем за хорошие деньги.

Тогда многие спортсмены, которые не смогли утвердиться в своей стране, где очень много первоклассных спортсменов и бешеная конкуренция, получали гражданство или вид на жительство и уезжали туда, куда их приглашали. Чтобы жить там и выступать за другую страну. У меня не было проблем пробиться на чемпионат Европы или мира, и уезжать я не хотел.

Должен сказать, что предложения были более чем заманчивые: шикарные условия для жизни, отличные контракты. Я мог получить гражданство, пропустить год и выступать за другие страны, которые хотели этого и готовы были меня обеспечивать по высшему разряду.

О том, чтобы выступать за другие страны, не было и речи — от этого мы отказались сразу. И тогда американцы предложили нам еще один вариант.

Шикарный дом во Флориде, очень хорошую зарплату. Мы могли перевезти свои семьи. Я должен был тренироваться в американском клубе и представлять именно этот клуб. А на международных соревнованиях кататься за Россию. Клубу нужны были хорошие спортсмены, руководство стремилось поднять уровень клуба за счет наград и титулов хотя бы одного фигуриста. А Алексей Николаевич тренировал бы там, кроме меня, американских спортсменов.

Так, кстати, очень многие и делают.

Мишин отказался категорически.

— У меня в России семья: жена, два сына, — говорил он. — Что они там будут делать? Я люблю Россию.

Моя семья тоже жила в России. В общем, мы отказались.

Хотя одно время я вообще-то мечтал купить в Америке дом и на какое-то время уехать туда тренироваться. Но этого не случилось.

У меня был тур по США в течение четырех месяцев. Этого времени мне вполне хватило, чтобы понять, что это совершенно

не моя страна, там другой менталитет. Несмотря на то что мне приходилось общаться с русскими и к тому же я каждый день работал, уже через полтора месяца мне стало грустно и тяжело. Я ужасно тосковал по дому, по русским людям, по общению. Я задыхался, мне не хватало родного воздуха, привычного пейзажа, родных лиц, какой-то энергетики, присущей только тем, кто живет в России. Моя американская мечта развалилась, как карточный домик. Именно тогда я твердо решил, что страна, в которой я хочу жить, — это только Россия.

До этих побед, до того времени, когда стал зарабатывать приличные деньги, нам мало кто помогал. Не считая Мишина и директора Дворца спорта. Редкие подарки казались невероятной роскошью. А хотелось всего: вкусной еды, новой одежды, каких-то вещей. Хотелось особенно сильно еще и оттого, что ничего этого не было и не предвиделось.

От Дворца спорта «Юбилейный» нас отправили в Германию выступать в шоу. И всех расселили по немецким семьям.

Я и еще один мальчик Костя достались пожилым немцам, мы так и называли их — бабушка и дедушка.

Наша немецкая семья жила по четкому режиму. Подъем ровно в 7.00. Если они сбивались со своего ритма, день был потерян, они очень расстраивались.

Бабушка с дедушкой и нас пытались приучить к своему режиму, что мне жутко не нравилось, — утром хотелось поспать подольше, ведь мне не всякий день такая возможность представлялась.

Когда мы встречались с другими русскими детьми, они хвастали своими приемными семьями и подарками:

— А мне сегодня куртку подарили!

— А мне джинсы и кепку!

Я им завидовал и очень ждал, когда и мне что-нибудь подарят.

И однажды немецкие бабушка с дедушкой говорят:

— Завтра поедем в магазин.

— Классно!

Более опытные ребята нас уже проконсультировали, что немцы просто так по магазинам не возят. Это означает, что они обязательно купят много подарков.

Мы в магазине.

— Ну, ходите, смотрите, выбирайте.

Я выбрал кепку «Chicago-bus» — в то время это был писк моды, какую-то футболку, еще что-то по мелочи. Мой приятель

тоже набрал красивых немецких одежек. Мы подошли к деду с этими вещами. Он все у нас забрал и — отложил в сторону:

— Мы сегодня ничего покупать не будем. Не время еще.

И мы ушли из магазина. Оказывается, нас привезли просто на экскурсию! Мы с Костей ехали домой и думали: «Надо же, как нам не повезло с немцами! Вон у всех какие щедрые: и куртки, и джинсы, и футболки им подарили. А нам даже по кепке не купили!» Разочарованию не было предела, расстроились мы ужасно.

На следующий день встречаемся с русскими ребятами, и они снова хвастают обновками.

Мы все это слушали, и настроение катилось под горку. Что тут скажешь, вот уж не повезло так не повезло.

Но перед самым отъездом домой нас все-таки привезли в магазин и позволили выбрать все, что мы захотели. Так и у нас с Костей появились обновки. Видимо, свои немецкие подарки мы должны были выстрадать.

Когда у меня появились деньги, я не забыл эти ощущения — когда очень-очень хочется, чтобы тебе что-нибудь подарили. Иногда после тренировки мы с пацанами — моими ровесниками, у которых еще не было никаких титулов, заваливались в какую-нибудь кафешку, и я всех угощал.

Или шли с младшими по магазинам, и я покупал подарки: кому кроссовки, кому свитер, кому машинку с пультом управления.

Я никогда не рассказывал об этом маме. О моем «меценатстве» ей сообщал Мишин.

Мама как-то сказала:

— Женя, а ведь тебе никто ничего не дарил. А ты даришь…

— Ну и что? У меня уже все это есть, пусть и у других будет.

Очень хотелось праздника. Не только для себя, но и для тех, кто пока еще ничего не добился.

8. Золотой мальчик

Мне было одиннадцать лет, а я уже выступал с шестнадцатилетними и с легкостью выигрывал у них. Я был мастером спорта, прыгал все тройные прыжки. И когда приехал в Петербург, считал себя лидером и чемпионом. Никакая дедовщина и зуботычины старших не могли ударить по моему чувству собственного достоинства и понизить самооценку. Это очень здорово. Потому что если ты не считаешь себя чемпионом, ты никогда им не станешь. У тебя просто не будет сил бороться за этот титул — в спорте и в жизни.

Если постоянно думать, что сейчас ошибешься, ни о каком результате не может быть и речи. Главное — поверить в свои силы, управлять своим телом, своими коньками. Выходя на лед, ты должен чувствовать себя королем.

Я в это поверил и стал ледовым королем.

Чувства, которые переживаешь после большой победы, описать невозможно. Только тот, кто сам такое пережил, знает, как это бывает на самом деле. Ты становишься известным, тебя не просто узнают — к тебе начинают относиться совершенно иначе.

Когда-то мы тренировались на одном льду с Алексеем Урмановым. Только я был еще пацаном, а он — олимпийским чемпионом, к нему часто приходили поклонницы за автографами. Иногда он кивал в мою сторону и подшучивал: «Девчонки, вон Женя Плющенко катается! Бегите к нему, возьмите автограф!» Я отворачивался, делал вид, что ничего не слышу, и продолжал упорно тренироваться. Я обижался на эти шутки, но уже тогда знал, что ко мне тоже будут приходить поклонницы и их будет гораздо больше, чем у кого-либо.

Мишин всегда ставил нам, младшим, в пример Урманова, своего первого ученика-чемпиона. Да, мы во все глаза смотрели на Урманова: он великий спортсмен, олимпийский чемпион. И конечно, у него учились.

Но я никогда не хотел подражать Урманову. Я хотел, чтобы у меня был свой стиль, стиль Евгения Плющенко. Конечно, что-то я брал у разных спортсменов: Петренко, Урманова, у Ягудина, Браунинга, Бойтано, Фадеева.

Быстрота ног и скорость очень хорошие у Элвиса Стойко, точность движений — это Тодд Элдриж, артистичность — Виктор Петренко, классические программы, классическая хореография — Алексей Урманов. Я взял понемножку от каждого спортсмена,

добавил что-то свое, и у меня получился мой собственный стиль катания. Сейчас, наверное, начинающие спортсмены что-то берут у меня, и это нормально.

Мне 11 лет, и в Петербурге проходят Игры доброй воли. В них участвует талантливый фигурист, олимпийский чемпион Виктор Петренко — мой кумир.

До этого я много раз видел его по телевизору, старался не пропускать соревнований с его участием, а тут увидел своего кумира вживую, близко! Мне он нравился больше всех остальных: музыкальный, артистичный, очень эффектный. Когда он прыгал тройной аксель, я смотрел на него как завороженный.

Тогда после выступления я подошел к нему и попросил автограф. У меня до сих пор хранится тот флажок с его росписью.

А спустя четыре года я впервые в жизни участвовал в одних соревнованиях с Петренко. И выиграл у него. Для меня эта победа стала потрясением, было ужасно неудобно. Я — щенок, который только начал кататься. А он — мастер!

Виктор подошел ко мне после соревнований:

— Женя, ты молодец. Мы уже отстрелялись. Теперь ваше время, время молодых.

Мне было очень приятно и очень неловко одновременно. Никакого ликования от этой победы я не испытывал. И это был единственный раз, когда мне действительно не было радостно оттого, что я выиграл.

Может, именно Витя тогда и внушил мне, что действительно пришло мое время.

После этого я выигрывал постоянно: у канадцев Элвиса Стойко и Курта Браунинга, американца Тодда Элдрижа, француза Филиппа Канделоро. Великие имена, звезды фигурного катания. Я восхищался ими, и еще несколько лет назад мне казалось, что они недосягаемы. Когда выигрывал, мне не было их жаль, никакого неудобства перед ними я не испытывал. Наоборот, больше всего на свете мне хотелось победить.

А с Виктором Петренко мы подружились. Я знаю его семью. У него подрастает дочка-красавица, она уже катается и подает надежды, у него прекрасная жена и замечательная теща, которая была его педагогом. Виктор был на моей свадьбе, потом мы вместе выступали на многих шоу по всему миру, в том числе и в моем шоу «Золотой лед Страдивари».

С Алексеем Урмановым соперниками мы стали позже. В 1999 году в чемпионате Европы участвовали три ученика Алексея Николаевича Мишина: я, Урманов и Ягудин. Правда, Ягудин перешел в разряд бывших, за год до этого чемпионата он ушел к

другому тренеру, Татьяне Тарасовой.

Мы конкурировали между собой, и конкурировали жестко.

На чемпионате Европы в 1999-м первым стал Ягудин.

Я мог стать чемпионом. Но допустил небольшую ошибку и проиграл. Видимо, к тому времени еще не созрел: делал сложные элементы, но катание все равно оставалось детским.

А Алексей Урманов — олимпийский чемпион 1994 года в Лиллехаммере — стал третьим. Он проиграл младшим в своей группе.

Сказались старые травмы.

Этот чемпионат стал последним в его спортивной карьере. После него он ушел из любителей в профессионалы.

В спорте имеет большое значение вовремя уйти, красиво и чтобы не оставалось неприятного осадка. Алексей нашел себя в тренерской работе, катается на показательных выступлениях и растит сыновей-близнецов.

Победив на первых чемпионатах, я узнал, что такое слава и деньги. Ледовые дворцы всего мира открыты для тебя, зал рукоплещет именно тебе, тысячи людей замирают, когда ты крутишься в прыжке. Потом сотни людей ждут, когда выйдешь из раздевалки, чтобы взять автограф, чтобы пожать тебе руку или просто увидеть вблизи.

Внимание, аплодисменты, восторженные взгляды и письма поклонников — это всегда приятно.

Популярность способна вскружить голову. Еще вчера ты был просто Женей Плющенко, а сегодня уже чемпион, любимец миллионов.

Слава пришла ко мне очень рано. И благодаря ей появилась излишняя самоуверенность. На окружающих это не распространялось, зато в спорте ощущалось. Мне стало казаться, что уже никто меня не обойдет, я чуть ли не явственно ощущал на своей голове корону.

Спускаться на землю каждый раз мне помогала мама. Когда она видела, что меня заносит, советовала:

— Ты стал чемпионом? Это, Женя, было вчера. А сегодня все забудь и начинай сначала. У тебя началась новая жизнь, новые тренировки и новые победы. И помни: если ты достигаешь каких-либо целей — это замечательно, но не зазнавайся, не у всех спортсменов, даже очень хороших, получается, как у тебя.

Она мне всегда это говорила: и когда я только начинал показывать результаты, и когда чего-то добивался.

Порой я обижался на маму, пытался доказать, что я уже взрослый, ведь я чемпион. И мама снова осаживала меня:

— Никогда не забывай, как трудно тебе было и откуда ты вышел.

Зазнаться мне не давали и во Дворце спорта «Юбилейный». Как-то по дворцу поползли слухи: «У Плющенко звездная болезнь! Плющенко зазнался, он уже не здоровается!» На самом деле я просто шел по коридору, крепко задумался и кого-то не заметил.

С тех пор я здороваюсь со всеми, иногда по нескольку раз, чтобы ничего такого никому и в голову не пришло.

Слава — это не только внимание, но еще и приличные деньги. Перед тобой открываются дорогие магазины, и ты можешь позволить себе очень многое. А учитывая, что до этого ничего не было, аппетит становится бешеным. Это все равно что голодного посадить за шикарный стол, уставленный роскошными яствами. Такой человек не сможет себя контролировать и обязательно переест.

И мне нужно было время, чтобы пресытиться этими возможностями.

Когда еще был юниором, я с завистью смотрел на старших: они носили золотые цепи, печатки и браслеты. У меня не было на это денег, но я мечтал повесить на себя какую-нибудь дорогую золотую вещицу. И дал себе зарок: к 16-летию купить золотую печатку.

Эта мечта исполнилась в 15 лет. Я выступал на Гран-при в американском городе Детройте и стал вторым. И когда все закончилось, пошел выбирать себе кольцо.

Захожу в ювелирный магазин и вижу очень красивую печатку: большую, с россыпью бриллиантов. Это колечко стоило 1200 долларов.

В тот день в магазине были скидки, печатку уценили до 700 долларов. Это меня и подкупило, получалось, что я еще и сэкономил. Я долго носил это кольцо с бриллиантиками, оно и сейчас хранится у меня дома.

После того случая я начал скупать все понравившееся золото. Ходил увешанный цепочками, кулончиками и браслетами и светился на солнце. Но, к счастью, эта страсть достаточно быстро меня отпустила.

Кольца я всегда покупал с небольшим запасом. Но проходило несколько месяцев, максимум год, и перстни лопались — ровно посередине. Ни с того ни с сего рвались браслеты и цепочки. А украшения я покупал дорогие.

Отчего так случалось? Объяснений этому непонятному явлению не нахожу до сих пор. Может быть, так реагировало золото на мою мощную энергетику, а может, просто золото — не мой металл.

После того как лопнули несколько перстней, я перестал носить золото и тратить на него деньги; увлечение само собой сошло на нет.

Когда женился и надел обручальное кольцо, я все ждал, когда же оно лопнет. И оно действительно лопнуло, правда, в переносном смысле — я развелся.

Но я не считаю страсть к золоту признаком звездной болезни. Если человек покупает украшения, это всего-навсего означает, что у него есть возможность их покупать.

Чуть позже у меня появилась еще одна страсть — машины. Дорогие, спортивные, красивые и очень быстрые.

В 11 лет Мишин взял меня с собой на семинар в Париж. Я показывал элементы, которые за мной должны были повторять другие фигуристы, приехавшие на этот семинар. На меня смотрели тренеры, взрослые спортсмены и дети со всей Европы. Я катался по восемь часов в течение шести дней. Уставал ужасно. И кроме катка и гостиницы, ничего не видел. Только однажды мы с Алексеем Николаевичем прошлись по магазинам на Елисейских Полях и посмотрели на Эйфелеву башню. Никакого «Вау!» от заграницы у меня не было. Я просто много работал и постоянно уставал.

Но именно там, в Париже, я впервые сел за руль.

Я очень устал после тренировки. В раздевалках Дворца спорта — холод, на улице — дождь. А мне нужно было дождаться тренера.

В результате меня посадили в чей-то «Опель Вектра», откинули сиденье, и я заснул.

Пришел хозяин машины, а с ним русский парнишка, который отлично говорил по-французски.

— Хочешь посидеть за рулем?

— Конечно!

Я стал трогать ручку коробки передач. С первой скорости переключился на вторую, потом на третью… Сон как рукой сняло. Правда, я тогда еще ничего не знал о вождении, не знал даже, что, когда переключаешь сцепление, нужно выжимать педаль. Но вреда никакого от моих упражнений для машины не было, ведь у

нее даже зажигание не было включено. Француз заметил, что мне интересно, и стал все показывать и объяснять. Тогда-то я и понял, как водить машину. Это было круто.

«Опель Вектра» стал самым ярким впечатлением от моей первой поездки за границу.

В 14 лет я купил машину отцу, а через два года — себе. Это был «Фольксваген Гольф», почему-то темно-зеленого цвета, хотя моими любимыми цветами всегда были черный и серебристый.

Отец уже жил с нами в Петербурге и учил меня вождению. На тренировки во Дворец спорта я ездил за рулем, а папа сидел рядом и руководил процессом, подсказывал, когда надо было перестраиваться из ряда в ряд и правильно держать дистанцию.

Следующую машину — «Ленд Крузер» — я купил для нашей семьи. Она большая, словно приспособленная для путешествий, родители даже ездили на ней в Волгоград.

Когда началось мое увлечение машинами, я имел обыкновение приходить в магазин и не задумываясь покупать понравившийся автомобиль.

Я купил себе классную спортивную машину, очень быструю и удобную. Потом появился «Мерседес». Несколько машин мне подарили друзья.

Увлечение автомобилями еще не оставило меня, но сейчас я уже несколько умерил аппетиты. А какое-то время назад у меня был целый автопарк, машин шесть или семь. Часть из них стояла на стоянке, часть — в гаражах.

Мне нравилось, проснувшись утром, решать, на какой машине ехать. Выбор зависел от настроения и запланированных на день дел.

В семье не разделяли моих увлечений, и мама иногда спрашивала:

— Женя, зачем тебе целый автомобильный парк?

— Мне надо!

— Женя, так нельзя!

— Мама, я уже взрослый и самостоятельный и знаю, что делаю!

Мы спорили, я обижался на нее и уезжал. Но всегда минут через пятнадцать перезванивал:

— Мам, ну ты прости. Я дурак и был не прав!

Я понимал, что мама все правильно говорит, но в тот момент ничего не мог с собой поделать. Мне надо было до всего дойти своим умом, в том числе и до того, что столько машин мне действительно ни к чему.

Шиковал я недолго. Пришло понимание, что автомобили, даже самые классные и дорогие, — это всего лишь железки, которые гниют и падают в цене.

На сегодняшний день у меня всего две машины. Думаю купить еще третью, и будет самое то.

Потом меня охватила новая страсть: я увлекся часами. Мне их дарили, я и сам покупал. У меня были часы самых известных марок мира, и однажды дома их скопилось столько, что можно было открывать магазин.

Потом и это увлечение прошло. Хотя часы люблю до сих пор и не могу пройти мимо магазинов, где их продают, особенно в аэропортах, в Лос-Анджелесе или Нью-Йорке. Обязательно заглядываю — хотя бы посмотреть. В последнее время я стараюсь часы не покупать, сдерживаю себя. У меня есть свои трудности, проблемы. Есть семья: мои родители, сестра с племянницей, сын, есть мое будущее. И если появляются деньги, надо их вкладывать во что-то стоящее.

9. Поклонник и поклонницы

В 18 лет меня накрыло: я влюбился.

Мы с друзьями ехали на моей «десятке» — была у меня такая машина с секретом: с виду простенькая, а мотор — зверь, любой спортивный автомобиль на дорогах делала.

Проезжая по Невскому проспекту, мы заметили красивых девчонок. Остановились и познакомились.

Подбросили их до Московского вокзала.

Мы ехали всего минут пятнадцать, но именно в этот момент что-то произошло. Все, кто находился в моей «десятке», словно перестали для меня существовать. Осталась только Ульяна.

Никаких признаний я, естественно, не делал. Просто, расставаясь, мы обменялись телефонами.

Этот номер стал смыслом моего существования в следующие три недели. Я звонил беспрерывно и сосредоточенно слушал длинные гудки: там никто не подходил. В какой-то момент я решил, что девушка меня обманула, дала какой-то другой номер, от фонаря. И когда я почти поверил в это, гудки закончились, и прозвучало долгожданное «Алло!».

Я пригласил Ульяну пообедать. Она отказалась, сославшись на занятость. Я перезвонил и пригласил поужинать. Она снова не могла.

Я звонил ей каждый день, но всякий раз у нее находился предлог, чтобы отказаться от встречи. Я решил, что просто ей не хочется меня видеть, что ей все равно. И, как человек воспитанный, она считает неудобным взять и сказать об этом прямо. Тогда я перестал ее беспокоить.

Через какое-то время раздался звонок:

— Женя, привет! Это Ульяна. Я сегодня свободна, и мы можем встретиться.

Мы встретились. И больше уже не случалось такого, чтобы Уля не брала трубку. А я так ни разу у нее не спросил, почему она в самом начале не реагировала на мои звонки.

Я был счастлив. И уже не представлял, как мог жить до встречи с ней. Влюбился по уши, влип.

Каждый день через весь город я летел к ней. Я не назначал Ульяне свиданий — она жила на окраине, в довольно проблемном районе Питера, и я не мог позволить, чтобы она оттуда добиралась ко мне на каких-нибудь попутках или такси. Я сам за ней заезжал, и мы отправлялись куда-нибудь гулять. А потом я уговорил ее переехать в мою квартиру.

Ульяна работала в модельном бизнесе, и мне это не нравилось категорически. Я поставил условие:

— Я буду полностью тебя обеспечивать, но ты бросаешь свой бизнес и больше нигде не снимаешься.

Уля послушалась. Я уговорил ее поступить в институт. Сейчас она, наверное, уже получила высшее образование. По крайней мере мне бы этого очень хотелось — она умная и очень милая девчонка.

Тогда я не часто уезжал из Питера. Но уже примерно через год все изменилось, я постоянно путешествовал: у меня то соревнования, то шоу. А Ульяна оставалась одна и очень скучала.

Однажды, когда я вернулся, она сообщила:

— Мне сделали очень выгодное предложение, и я буду сниматься.

Она решила вернуться в свой модельный бизнес, который я ненавидел всеми фибрами души. Я ревновал ее к фотокамерам, и мне абсолютно не хотелось, чтобы ее портреты тиражировали журналы и какие-то посторонние люди любовались на нее.

Начались конфликты, мы ругались.

Я все прекрасно понимал: она молодая и красивая, ей хочется внимания, хочется развлекаться, ходить по клубам. Ей нужен человек, который находился бы постоянно рядом, уделял ей достаточно внимания, восхищался ею. Я-то как раз восхищался и очень ее любил, но постоянно рядом быть не мог. Тем более что соревнования предполагают особый, жесткий режим: о ночных вечеринках не могло быть и речи.

Мы просто оказались людьми с разных планет. И однажды я предложил расстаться. Она согласилась.

Вот такая история.

Мы прожили с Ульяной три года, и я совершенно не жалею об этом. Мне очень хочется, чтобы она была счастлива.

За эти три года произошло многое: моя популярность резко возросла. Так сложилось, что именно в это время, когда я встретил свою любовь, меня стали одолевать поклонницы. Эти девушки каким-то странным образом не только узнавали мой адрес, номера домашнего и мобильного телефонов, но и пытались проявлять свои чувства.

Все лестницы в нашей парадной были исписаны признаниями в любви, а мои телефоны разрывались. Номер мобильного я менял постоянно, но пришлось и домашний сменить, потому что это была просто пытка: и меня, и Ульяну, и моих родителей буквально атаковали звонками.

После соревнований и показательных шоу меня встречали отряды поклонниц. В результате из дворцов спорта, где выступал, я выходил под прикрытием ОМОНа.

А после одного случая мне пришлось нанять телохранителей.

— Женя, любимый! Зачем ты живешь с Ульяной? Этого нельзя делать, ты же любишь только меня!

Я опешил. Мои друзья на такие жестокие розыгрыши не способны. Звонок был междугородний.

— А вы кто? — спросил я на всякий случай.

— Женя, ты обязательно должен приехать! Я не могу без тебя! Если ты сейчас же не приедешь, я убью всех: и тебя, и Ульяну, и всех твоих родных.

— Да я вас знать не знаю. Девушка, мы никогда не встречались, и я даже не представляю, как вы выглядите! — Я положил трубку. Мне стало не по себе. Все-таки неприятно, когда угрожают, тем более твоим близким.

Звонки стали повторяться с завидной регулярностью. Эта девушка звонила мне, маме, Ульяне. Угрожала всех зарезать, если я срочно к ней не прилечу. Сообщала, что у нее от меня ребенок.

Сначала я пытался с ней разговаривать:

— Извини, пожалуйста. Но я правда тебя не знаю. Очень тебя прошу, не звони нам больше.

Но все мои уговоры ни к чему не привели, пришлось принимать срочные меры.

Мы вычислили, что звонки поступают из Новосибирска. Я обратился в ФСБ, и наш телефон поставили на прослушку. В результате нарушительницу спокойствия вычислили. Она оказалась психически больным человеком, состояла на учете. И ее, кажется, отправили на лечение.

Но перед этим она успела помотать нам нервы.

Она писала мне бесконечные письма с признаниями в любви и угрозами. И однажды, вместе со своей мамой, приехала ко мне в гости.

К счастью, я в это время был то ли на шоу, то ли на соревнованиях.

Они ждали меня двое суток, ночевали в подъезде, непрестанно звонили в дверь.

— Женя, здесь какие-то люди! — позвонила мне перепуганная мама.

— Срочно вызывай милицию.

Потом вспомнил эту девушку.

Мы выступали в Новосибирске. И после шоу я должен был раздавать автографы. Поклонницы безумствовали, и, чтобы меня не разорвали на сувениры, я шел под охраной — меня

сопровождали двадцать пять омоновцев.

Меня завели в гардероб. Но и там было полно народу, все тянули ко мне мои фотографии или листочки. Одной женщине удалось пробраться поближе. Она протянула мне листок бумаги:

— На, распишись.

Я обернулся, и она неожиданно схватила меня за руку и резко, изо всей силы дернула к себе. К счастью, ладонь у нее оказалась влажной и моя рука выскользнула. Иначе я бы сильно ударился о выступ стены. Возможно, это была она. Но я даже не помню ее лица.

Больше таких поклонниц в моей жизни не встречалось, хотя странностей все же хватает. Некоторые, самые активные, зачем-то дарят мне женское белье. Девчонки, не тратьте деньги, я такое не ношу!

А в основном мои поклонники — люди позитивные, которые очень любят фигурное катание. С каждым годом их становится все больше. Я стараюсь с ними встречаться, уже существует мой персональный фан-клуб. Но конечно, номера своих телефонов я направо и налево не раздаю.

Есть поклонницы, которые катаются за мной по всему миру. Я вижу их постоянно, почти на каждом соревновании. За эти годы мы успели подружиться. Когда у меня образовывается пауза и я тренируюсь в Питере, они за это время успевают заработать какие-то деньги: на билеты, гостиницы, подарки. И мы встречаемся снова на следующих чемпионатах. Мне такое восторженное внимание очень помогает.

Сейчас меня никто недостает. К тому же я живу за городом, в охраняемом поселке, и туда довольно сложно пробраться незамеченным.

Я выступаю по всему миру и уже давно понял, что в разных странах абсолютно разные зрители.

Юмор у американцев своеобразный.

Многие спортсмены готовят отдельные номера, ориентируясь исключительно на вкусы американского зрителя. Специально падают, смешат их. В России подобный юмор не прокатит.

Но все-таки я больше люблю выступать в России.

Когда дома катаешь серьезный номер — с какой-то идеей, эмоциями, с шикарной пластикой, — зрители тебе сопереживают, следят за каждым жестом, смотрят затаив дыхание.

Мне очень нравится выступать в Японии. А японцам нравлюсь я, они прозвали меня солнечным мальчиком и буквально задаривают подарками: я увожу с гастролей по три чемодана. А

шесть чемоданов оставляю — мои подарки отдают в местные детские дома.

У японцев потрясающая древняя культура, они ненавязчивы, улыбчивы и уважительны — всегда все делают с поклоном. Очень любят классику.

Как-то мне пришло письмо из Японии от моих фанаток: «Мы хотим приехать в Петербург и встретиться с вами, Женя-сан!» — «Конечно, приезжайте!» — ответил я.

И в Питер приехали двадцать две японки. Они оплатили себе дорогу и гостиницу, навезли мне кучу подарков. Посмотрели, как я катаюсь, мы вместе пообедали и походили по музеям, везде фотографировались. Было очень забавно: я и двадцать две японки! Они молодцы, очень дисциплинированные и главное — никакой навязчивости.

Я надеюсь, что и дальше буду вот так, дружески, в приятной атмосфере встречаться со своими поклонницами. Не только из Японии, но и из других стран мира.

10. Мои дорогие коньки

Коньки фигуриста стоят примерно тысячу долларов, но деньги — это ерунда, для каждого спортсмена его коньки бесценны, это, пожалуй, самое главное, что у него есть. Особенно во время турниров и чемпионатов.

Свои коньки я берегу как зеницу ока и на соревнованиях — любого уровня — не расстаюсь с ними ни на минуту. Поэтому со мной за много лет выступлений не было никаких происшествий, тем более катастрофического характера.

Перед соревнованиями, когда страсти накаляются, в воздухе концентрируется дух соперничества. Зачастую честная борьба переходит в другое измерение — чтобы выбить конкурента с катка, совершаются диверсии, что угодно могут подсыпать в воду, еду или испортить коньки.

Поэтому, если мне хочется пить, я беру с собой только закрытую бутылку и потом, кроме тренера и хореографа, никому ее не доверяю.

А коньки — это вообще святое, я держусь за них мертвой хваткой.

Вывести из строя коньки, а следовательно, и их обладателя легко: можно наточить лезвия наждачкой, чтобы они затупились. Или потереть их как следует об пол или батарею, до появления заусенцев и зазубрин. В ботинки могут накидать мелких гвоздей или кнопок. А иногда коньки просто воруют или выкидывают на улицу.

Во Дворце спорта «Юбилейный» коньки одного фигуриста умудрились закинуть на крышу — кто-то вот так зло пошутил. К счастью, это была всего лишь тренировка, к тому же коньки через несколько дней нашли — так совпало, что именно в это время шел ремонт крыши «Юбилейного».

Когда лечу за границу на соревнования или на выступления в шоу, больше всего не люблю расставаться с коньками. Каждый раз, сдавая их в багаж, переживаю, у меня буквально сердце обливается кровью: вдруг они потеряются?

До трагедии 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке нам, фигуристам, разрешали брать коньки в ручную кладь.

Но после этого теракта ситуация изменилась. Согласно новым, жестким правилам, коньки признали холодным оружием и запретили брать с собой в салон самолета. Перед законом все равны — не важно, кто ты: олимпийский чемпион или начинающий спортсмен.

Для фигуристов всего мира это новшество стало настоящей катастрофой. Без своих коньков выступать бессмысленно. И если они потеряются, дело — труба, ты автоматически вылетаешь с соревнования. К новым конькам надо привыкать, их надо обкатывать, а на это могут уйти месяцы.

Коньки профессионала — живые и очень капризные существа. На них влияет все: и жара, и холод, и влажность. А ведь, например, в Америку они летят целых десять часов!

Конечно, у каждого, кто постоянно колесит по миру и постоянно выходит на лед, есть специальный чемоданчик, устойчивый к ударам. Но каким бы прочным он ни был, чемоданчик испытывает довольно жесткое внешнее воздействие, ведь в аэропорту его нередко кидают. Тем, кто грузит вещи в багажное отделение самолета, все равно, что в чемоданчике перевозят. Так что нет никаких гарантий, что, когда откроешь чемоданчик, тебя там не ожидает неприятный сюрприз: может повредиться лезвие, потрескаться или погнуться ботинок, могут вылететь крючки.

Запрет на перевоз коньков в ручной клади распространился не только на международные рейсы, но и на внутренние. Мы много раз упрашивали авиакомпании сделать для нас исключение, даже устраивали скандалы. Иногда нам шли навстречу. В таких случаях коньки летели вместе с нами, но в кабине пилотов, запертые на ключ. Правда, даже на такую уступку далеко не всегда удается уговорить авиакомпании, как наши, так и международные.

Я летел в Америку на шоу. И в российском аэропорту с руководством авиакомпании договориться удалось — мой чемоданчик с коньками прекрасно разместился в кабине пилотов.

Во Франкфурте нам нужно было пересаживаться на другой самолет.

Я со своим чемоданом прохожу через контроль.

— Что это?

— Коньки.

— Вы не можете пройти с ними в салон самолета.

— Но я только что с другого самолета, и там они были со мной!

— Нас это не волнует.

Мы долго спорили. Я пытался убедить контролеров, что не произойдет ничего страшного, если мои коньки пролетят в кабине пилотов. Позвали руководителей службы охраны, но

сотрудники аэропорта стояли на своем.

В результате я, злой и расстроенный, отправился к стойке регистрации и сдал вещи в багаж.

Девушка за стойкой мне улыбается и говорит:

— Только лететь вам придется на другом самолете.

— Почему?

— А ваш уже улетел.

Пока мы спорили, я не смотрел на часы, было не до этого. Я боролся за свои коньки, за самое ценное, что у меня есть, с пеной у рта доказывал, что их нельзя сдавать в багаж. В результате и с коньками пришлось расстаться, и на рейс опоздал. К счастью, в тот раз мои коньки долетели до Америки благополучно.

Я безумно волнуюсь, когда коньки летят отдельно от меня. И, приземляясь, первым делом бегу в багажное отделение. Смотрю по компьютерной базе, прилетел мой багаж или нет. А потом слежу за сумками, выплывающими к вновь прибывшим пассажирам. В эти минуты нервы напряжены до предела, и, если твой чемодан оказывается в последних рядах, чужую поклажу начинаешь воспринимать, как боевые доспехи личных врагов. А когда наконец выплывает чемоданчик с коньками, облегченно выдыхаешь. Это значит, что тебе опять повезло.

К счастью, когда я выступал на ответственных соревнованиях, мои коньки ни разу не терялись и прилетали синхронно вместе со мной.

А вот на сборах, бывало, задерживались. Терялись, два-три дня болтались неизвестно где, а потом все равно прилетали. Все это время я страшно переживал, места себе не находил, не мог ни о чем другом думать.

Однажды очень грустная история произошла с одним фигуристом, олимпийским чемпионом.

Он летел на показательные выступления, а коньки и костюмы сдал в багаж. И то и другое исчезло бесследно. Он в отчаянии отправился в администрацию аэропорта.

— Ждите три дня. Если багаж не прилетит, напишете заявление, оцените свои пропавшие вещи.

Прошло три дня. Ни коньков, ни костюмов. А костюмы у фигуристов очень дорогие — иногда цена доходит до десяти тысяч долларов. Он написал заявление, сумма ущерба получилась порядка десяти тысяч долларов. Но это он так думал. Авиакомпания решила иначе: спортсмену выплатили четыреста долларов и сказали «до свиданья». Никто не ответил за потерянные вещи и сорванное выступление.

Известно немало случаев, когда коньки терялись или не приходили вовремя и спортсмены пропускали соревнования.

Тем, с кем это случилось, всегда сочувствуешь, даже если это твой соперник. Ведь каждый из тех, кто благополучно встретился со своими коньками в багажном отделении, подсознательно боится, что подобное когда-нибудь может случиться и с ним. Поэтому, прилетая в другую страну, ты и бежишь как оглашенный за своим чемоданчиком. И никогда не знаешь — улыбнулось тебе счастье или нет. Каждый раз это лотерея.

Правда, я всегда летаю бизнес-классом, и за нашим багажом стараются следить. Хотя и здесь всякое бывает. Есть несколько авиакомпаний, которые я не люблю. Но когда нет других билетов, приходится пользоваться услугами «нелюбимых». И почему-то обязательно что-нибудь случается. Может быть, мои негативные мысли материализуются и, чтобы все проходило нормально, мне просто надо пересмотреть свое отношение к этим авиакомпаниям.

Коньки и лед — самое главное на всех соревнованиях.

Лед во всех странах разный. Он бывает жестким и мягким, а случается, крошится под коньком. Все зависит от качества и температуры воды, которой каток заливают. И то, какой на катке лед, имеет огромное значение. Хоккеистам лед нужен жесткий, а фигуристам, наоборот, помягче, тогда легче кататься.

Когда я много падал и получал первые травмы, особенно в детстве, лед казался мне очень холодным, безжалостным и отталкивающим. Ты начинаешь на него злиться, бороться с ним, и в конце концов побеждаешь — падаешь уже не так часто, у тебя получаются сложные элементы.

А когда становишься чемпионом, выигрываешь соревнования, отношение ко льду меняется, ему начинаешь симпатизировать.

Сейчас, выходя на любой каток, я легко определяю и понимаю, что это за лед. И никогда на него не злюсь. Наоборот, стараюсь договориться, прошу его помочь, иногда даже беседую с ним. А разговаривать со льдом нужно как с близким другом, и желательно наедине.

Я разговариваю с ним перед ответственными соревнованиями — прошу помочь откатать программу чисто, прошу не ставить мне подножек. На тренировках мы тоже иногда беседуем, особенно когда я выполняю сложные элементы и у меня что-то не получается. Чаще всего мы говорим со льдом в Петербурге, во Дворце спорта «Юбилейный».

Но и в других странах, случается, я прошу его о помощи. И независимо оттого, на каком языке говорят в государстве, принимающем Олимпийские игры или чемпионат мира, говорю с ним только по-русски. И лед меня всегда понимает.

Правда, иногда и лед, и коньки устраивают спортсмену настоящее испытание на прочность.

Однажды я едва не лишился пальца на правой ноге.

Мы были на сборах в Испании. Я прыгаю, приземляюсь на лед, нога соскакивает, и я пяткой пробиваю себе правый ботинок и ногу.

Ощущение — будто я отрезал себе палец. Первые несколько мгновений даже боли не чувствую, просто ощущаю, будто на правой ноге нет пальца. И тут через ботинок, через шнуровку хлынула кровь. Когда снял пробитый ботинок, кровь стала идти еще сильнее. Вокруг образовалась лужа, лед побагровел.

«Скорую» ждали минут тридцать. Боль безумная, меня трясет, начались судороги.

Оказалось, что я перерезал себе сухожилия. Испанские хирурги наложили мне семнадцать швов.

Пока все тренировались, я лежал в больнице, а потом учился ходить на костылях. На них и вышел из самолета, когда прилетел домой. Мама, увидев меня, заплакала. Я ей заранее ничего не говорил, не хотел тревожить.

Прямо из аэропорта мы с мамой и Алексеем Николаевичем поехали в госпиталь, где меня ждала еще одна операция.

Эта травма до сих пор дает о себе знать — палец не работает. А правая нога, между прочим, является толчковой в нескольких сложных прыжках, на нее всегда приземляешься.

После операции я целый месяц ничего не мог делать, палец не двигался, не шевелился вообще. А потом потихонечку начал восстанавливаться.

Первое мое выступление после этой травмы проходило в Англии. И я едва не сорвал его: у меня появился страх — я боялся прыгать, боялся снова повредить травмированный палец.

Но в конце концов я сумел справиться со своим страхом. Сейчас эта травма не мешает, но иногда нет-нет да и напомнит о себе. Особенно во время одного элемента — когда делаешь ласточку и вращаешься на правой ноге. Однажды у меня свело ногу прямо во время соревнования.

Мне надо было кататься еще три минуты, сделать шесть сложных элементов. А ногу свело так, что я готов был орать отболи!

Я стиснул зубы и продолжал кататься. И выдержал: сделал все положенные элементы, пошел на вращение. Боль никуда не уходила. И тогда на последней минуте я стал делать движения, которые не значились в программе. Отвлекал судей руками и мимикой, а сам тянул ногу, чтобы судорога прекратилась. Те

соревнования я все-таки выиграл.

11. Фигуры Плющенко

Тренировка заканчивается. Я в который раз отрабатываю свое фирменное вращение бильман. Алексей Николаевич стоит у бортика.

— Все, Женя, на сегодня достаточно. Иди домой, отдыхай. — Он уходит.

— Значит так, еще десять бильманов делаешь, и только тогда пойдем! — Это голос моей мамы.

Ей показалось, что я недостаточно поработал.

Вращение бильман — это детище моей мамы.

Когда-то, впервые в истории фигурного катания, его исполнила знаменитая швейцарская фигуристка Дениз Бильман. Нога легко поднимается, и фигурист подхватывает ботинок у самой головы — получается кольцо. И оно вращается. Потом бильман стали делать все девочки, которые серьезно занимались фигурным катанием.

Мальчики всегда проигрывали девочкам в гибкости — так уж сложилось генетически. И ничего здесь не поделаешь.

Я был еще совсем маленьким, когда увидел это вращение — по телевизору шла программа о фигурном катании. Эта фигура казалась мне волшебной и недосягаемой, но я уже тогда мечтал ее сделать, мне тоже хотелось так вращаться.

А потом моя мама увидела на тренировке девочку, которая легко и красиво вращалась в бильмане. Через неделю, благодаря упорству и самоотверженности мамы, этот элемент покорился и мне. Оказалось, это не так уж и сложно — ведь я был очень гибкий и растянутый — опять же благодаря стараниям мамы.

Я безумно гордился, что у меня получилось!

Тогда по случаю покорения бильмана родители устроили пикник. Мы всей семьей поехали за город: пекли картошку, варили борщ на костре. Все это было так здорово и необыкновенно вкусно.

В результате я стал первым мужчиной в мире, который сумел повторить этот элемент, долгие годы в фигурном катании считавшийся исключительно женским.

Весь путь — с моих первых шагов на катке до олимпийского золота — мама прошла рядом со мной. Мы вместе изучали фигурное катание, она что-то перенимала у тренеров, что-то придумывала сама.

Конечно, досконально технику она не знает. Но главное она

понимала всегда — куда наклонить корпус при приземлении, куда при толчке… Она понимала, что нужно делать.

В детстве она мне помогала постоянно. Особенно в том, что касается растяжек, общей физической подготовки. Ей удивительным образом удается внушить спортсмену, что он лучший. А это дорогого стоит.

Когда я стал кататься у Мишина, достиг определенного уровня, начал выступать с серьезными спортсменами на мировой арене, мама уже не вмешивалась в тренировочный процесс. Но она постоянно мне внушала, что я лучший, что сильнее меня никого нет. Мама продолжала меня поддерживать, только теперь исключительно на психологическом уровне. И в самые трудные моменты я ей звоню, знаю, что она найдет самые важные в данный момент слова, чтобы поддержать, вдохнуть в меня уверенность в свои силы, в будущую победу. Потому что она, как никто другой, верит в меня, а я бесконечно доверяю ей.

Мне кажется, ей дано быть тренером, ведь она очень сильная женщина. Мама удивительно чувствует ребенка, спортсмена, видит слабые и сильные стороны, может настроить его на нужную волну, на волну победы. И если бы она сейчас взялась тренировать ребенка, то обязательно воспитала бы из него чемпиона. Я могу предоставить ей такую возможность, обеспечить все необходимые условия. Просто сейчас у нее нет ни желания, ни сил — весь свой потенциал она отдала мне, своему сыну. И она действительно уже воспитала одного чемпиона. Его фамилия Плющенко.

Уже позже, когда я зарекомендовал себя на международной арене как чемпион, появились мои фирменные каскады.

Они возникали совершенно случайно. Я уже легко прыгал четверным и тройным тулупом, каскад из двух прыжков.

И на одной из тренировок мы с тренером решили попробовать объединить эти три прыжка в один большой каскад. Я прыгаю четверной, приземляюсь и, стоя на месте, отталкиваюсь и снова взлетаю в воздух. Делаю три оборота и приземляюсь. И опять, не разбегаясь, делаю уже двойной прыжок.

У меня получилось! Этот каскад неимоверно энергоемкий. После него, особенно поначалу, с непривычки чувствуешь себя совершенно разбитым, словно провел несколько часов интенсивной тренировки.

Но именно во время самих прыжков вырабатывается совершенно фантастический адреналин. Ты идешь на элемент, чувствуешь, какой он трудный, как он важен для тебя, ты

жаждешь его сделать. А после того как он наконец получается, сил не остается больше ни на что. Ты выжат.

Впервые с каскадом 4-3-2 я выступил на этапе международной серии ISU Гран-при в 2004 году. И занял первое место. С тех пор этот каскад называют «каскадом Плющенко».

А спустя два года я замахнулся на более сложный каскад. И он тоже получился: четверной тулуп — тройной тулуп — тройной риттбергер. Его я впервые продемонстрировал в 2002 году, на этапе Гран-при, и его тоже назвали моим именем.

Но не только упорство, многочасовые ежедневные тренировки, моя гибкость и способности помогают мне добиваться вершин в спорте. Иногда происходят вещи совершенно необъяснимые.

2004 год. Чемпионат мира в немецком городе Дортмунде.

После короткой программы я стал первым.

Иду на жеребьевку, и мне выпадает последний номер.

После разминки стою за кулисами. Я не вижу своих соперников, но слышу реакцию трибун. Выступает первый спортсмен — аплодисменты. Второй — аплодисменты еще сильнее. Третий — овации!

Я спрашиваю у тренера, что там, на льду, происходит. Мне говорят, что все катаются идеально. Ни одного сорванного прыжка.

Это значит, что мне обязательно надо сделать все по максимуму — прыгнуть два четверных прыжка и два тройных акселя и ни в коем случае нельзя допустить ни одной помарки. Любая самая микроскопическая неточность будет учитываться судьями.

Я выхожу на произвольную программу.

И вдруг на четверном прыжке реально понимаю, что сейчас упаду. Я должен был упасть! Но в этот момент произошло что-то необъяснимое — как будто кто-то помог мне, крепко взял за предплечье и приказал: «Стоять!»

Наверное, в тот момент рядом со мной был мой ангел-хранитель. И этот случай не единственный. Позже похожая история повторилась на Олимпиаде в Турине, где я стал олимпийским чемпионом.

Я верю в Бога. Родители окрестили меня, когда мне было пять или шесть лет. Я сам упросил их об этом.

Я видел у других ребят крестики и однажды спросил у мамы:

— А почему у других детей крестики есть, а у меня нет?

— Потому что они крещеные, а ты нет!

— Я тоже хочу покреститься!

Мама рассказывала, что она тогда очень удивилась моему желанию — я озвучил его с таким серьезным видом!

Мама рассказала мне о Боге, об обряде крещения, и меня окрестили.

К своему крестику я относился трепетно. Во время тренировок всегда проверял, на месте ли, переживал, как бы мой крестик не потерялся.

Вера для меня — это очень серьезно. Я хожу в церковь. Но всегда только в одиночестве, когда того требует душа.

Я знаю, что Бог наделил меня талантом. Без него я был бы ничто. Но также я знаю, что талант налагает на меня огромную ответственность. Я должен раскрыть все, что мне дано. А для этого надо работать. Работать очень много и грамотно.

Когда мы с Алексеем Николаевичем приступаем к подготовке новой программы, все начинается с изучения материала. Это похоже на то, как режиссер с актером работают над ролью. Несколько лет назад мы готовили программу «Памяти Нижинского». Мы ходили в музей, я читал о нем биографическую литературу. Меня потрясла судьба этого великого танцовщика: мама отвела мальчика в частную балетную школу, его приняли туда и начали учить. Это перекликалось с моей судьбой, было очень знакомо. А потом в его жизни появились трагические мотивы, их надо было понять и прочувствовать.

Ни одной видеозаписи Нижинского до нашего времени не дошло, и мы с Мишиным пытались восстановить его образ и пластику по фотографиям, что-то додумывали.

К тому времени я уже познакомился с талантливым венгерским скрипачом Эдвином Мартоном, и он сделал оригинальную скрипичную композицию для этой программы. Я выступил с ней в 2003 году, на этапе Гран-при.

Музыка — это всегда что-то божественное. Люди, которым дано сочинять талантливые мелодии, наделены этим даром свыше. Таких людей надо беречь и ценить.

А музыка для моих программ возникает по-разному. Иногда случайно.

Я услышал по радио песню Игоря Корнелюка, которую он написал к телесериалу «Бандитский Петербург», и понял, что должен кататься под нее. Мы с Алексеем Николаевичем попросили Игоря обработать ее для моей произвольной

программы. Корнелюк сделал более сорока версий для моей программы, потому что мне необходимы были акценты в его музыке в тех местах, где я делаю свои прыжки, вращения и дорожки.

Чаще всего я слушаю музыку по радио, в машине. Слышу мелодию, представляю себя на льду. Потом мы обсуждаем мелодию с тренером, хореографом, я советуюсь с мамой. И если все пазлы складываются, получается очень интересная программа, которая звучит, запоминается, остается в твоей душе и в душах зрителей.

12. Американская мечта

— Женя, давай сделаем из тебя качка, — предложил мой друг и хореограф Давид Авдыш.

— Какого качка? А бицепсы-трицепсы где возьмем? Я же спортсмен, который сидит на постоянной диете.

У спортсменов-одиночников своеобразная фигура. Ноги — сильные и накачанные, а руки тонкие. Центр тяжести обязательно должен находиться внизу, иначе ни четверные прыжки, ни каскады не получатся.

— А мы сошьем тебе бицепсы из поролона.

— Из поролона? Ну, не знаю…

Я отнесся к этой идее скептически, но на всякий случай спросил:

— А музыка какая будет?

— Попробуем взять композицию «Секс-бомб» Тома Джонса.

Начали пробовать, сначала без костюма. Давид придумал движения. Вроде бы что-то получилось.

Потом сделали эскиз костюма, дизайнеры сшили мне мышечный корсет — такой классный, большой. А сверху надели на него трусы и жилетку.

Когда я все это примерил и посмотрелся в зеркало, чуть не умер со смеху — в отражении на меня смотрел эдакий Рэмбо из комикса. И те движения, которые Давид поставил, заиграли.

Этот номер, один из самых ярких, смешных и запоминающихся, возник абсолютно случайно.

После чемпионата мира в Ванкувере надо было чем-то удивить зрителей на показательных выступлениях. Когда номер готовится, хочется, чтобы каждый зритель — и дети, и взрослые — нашел в нем что-то интересное. Тем более что этот год — 2001-й, предолимпиадный — был для меня особенно удачным. Я стал первым на чемпионате России, «порвал» всех на чемпионате Европы. В Канаду, на мировое первенство, я тоже ехал за победой и в результате стал чемпионом.

Хореограф Давид Авдыш попал в самое яблочко.

Правда, танцевать в поролоне поначалу было неудобно, но потом я привык. Делал и три с половиной оборота, и аксель, и все необходимые элементы и движения. Благодаря бугристым мышцам номер получился очень смешным.

Впервые в этом костюме я показался перед зрителями на тренировке. Во многих странах тренировки тоже проходят при полных стадионах, туда даже продают билеты.

Как только я вышел на лед, трибуны грохнули — никто не понял, как я успел за такое короткое время раскачаться в два раза. А когда начал танцевать, меня оглушили аплодисменты. Я понял, что будет фурор.

И действительно, показательные выступления прошли на «ура». Тогда я понял, что «Секс-бомб» — это безоговорочный хит.

Правда, каждый раз, откатав «Секс-бомб» и стягивая с себя груду мышц, я чувствовал себя так, словно только что вышел из сауны. Поролон не пропускает воздух, тело не дышит, я был весь мокрый. Но зато — какой эффект! Какая диета!

Когда выступал в Америке, перепугал персонал Дворца спорта. Перед шоу мне нужно было размяться. Я надел свой поролоновый костюм, жилетку, а сверху натянул тренировочные штаны и куртку. Выхожу из раздевалки, открываю дверь — и сталкиваюсь с каким-то американцем. Мужчина отшатнулся от меня, как от привидения — лицо худое, а сам такой раскачанный! Уважительно пропустив меня, он долго потом смотрел мне вслед.

В Америке и Канаде этот номер шел с большим успехом, народ хохотал, трибуны взрывались аплодисментами. Поролоновый костюм — это то, что надо было американцам. «Секс-бомб» добавил мне популярности за океаном.

В России тоже приняли этот номер очень хорошо.

А вот скромные и воспитанные японцы во время моего выступления стыдливо опускали глаза. А если и хихикали, то потихонечку, прикрывшись ладошкой.

После того как номер «Секс-бомб» увидели во всем мире, другие фигуристы тоже начали экспериментировать с поролоном. Несколько спортсменов воспользовались этой идеей и попытались сделать нечто похожее. Но их номера никто не знает, они не стали мировыми хитами. Потому что копия всегда хуже оригинала.

Как это ни странно, некоторые спортсмены до сих пор не могут смириться с тем, что есть такой фигурист — Евгений Плющенко. И когда я приезжаю за океан на соревнования или шоу, довольно часто пытаются меня задеть или вывести из себя.

Я выступаю на коммерческом турнире, в котором участвуют шесть лучших фигуристов мира. Идет тренировка на льду.

Стою у бортика. Мы с Алексеем Николаевичем обсуждаем мой номер.

Неожиданно ко мне подлетает один из участников турнира и задевает мой ботинок. Я решил, что это случайность.

Проходит некоторое время, я снова подъезжаю к Мишину. Спортсмен снова скользит мимо и снова меня задевает. А каток, между прочим, большой, и места хватает всем.

Я понимаю, что он хочет вывести меня из равновесия, но снова делаю вид, будто ничего не произошло.

— Женя, не обращай внимания! — Алексей Николаевич тоже заметил этого смельчака.

Катаюсь дальше. А этот спортсмен все никак не может угомониться. Он задевает меня плечом. Я — к бортику:

— Алексей Николаевич, я ведь и двинуть ему могу!

— Женя, ни в коем случае! Ты — чемпион, ты выше всего этого. Терпи.

Такие «покусывания» происходят постоянно. Причем талантливые спортсмены, те, кто уже чего-то добился, редко опускаются до подобного, как правило, они сосредоточены на тех задачах, которые перед ними стоят.

Чаще задирается молодежь. Это спортсмены моего возраста, но я вправе называть их начинающими, потому что начал показывать результаты в 13–14 лет, а они всего года три назад.

Не так давно на чемпионате Европы во время разминки в спортивном зале ко мне подбежало одно такое молодое дарование. Спортсмен махал руками, изображал, будто боксирует. Брови сдвинул, ноздри раздул — показывает, какой он сильный и непобедимый. Мы с Мишиным смотрели на него и смеялись.

Я понимаю, что это мальчишество. Молодые петушки, приезжая на серьезные соревнования, хотят там как-то закрепиться и начинают задираться. У меня подобные выпады вызывают только улыбку, свое геройство и силу надо доказывать во время катания, а не размахивая руками на разминке.

Я уже рассказывал, что когда-то у меня была мечта купить в Америке дом, жить там и тренироваться. Сейчас эта мечта улетучилась. Зато осталась другая: сняться в кино.

Несколько лет назад на меня вышли режиссер и продюсер из Голливуда и предложили с ними поработать. Предложение оказалось заманчивым, мне принесли сценарий, и я с удовольствием его прочел.

Это была мелодрама, типичный голливудский фильм, очень добрый, с хэппи-эндом. Я должен был сыграть главную роль — фигуриста. В еще совсем юного, но талантливого спортсмена

влюбляется его одноклассница. Но она инвалид, не может ходить. Все свободное время они проводят вместе, он тренируется на открытом катке, а девочка приезжает на него посмотреть. В конце концов врачи и любовь к фигуристу ставят ее на ноги, она выздоравливает. И тогда он — впервые в жизни — выводит ее на лед. Помогает зашнуровать ботинки. Они катаются вместе, выступают на соревнованиях и даже побеждают на чемпионате мира. Вот такая лирическая история, которая вряд ли возможна в жизни. Хотя почему и нет?

Ведь этот сценарий отдаленно напоминает историю олимпийских чемпионов Антона Сихарулидзе и Лены Бережной. Правда, кататься вместе они стали будучи почти взрослыми. Лена после тяжелейшей травмы, благодаря усилиям своих родных, вниманию Антона, снова встала на лед, и в результате они в паре стали чемпионами Олимпийских игр. Эту пару я считаю самой стильной, самой техничной и сексуальной.

Мою партнершу по фильму должна была играть голливудская актриса, скорее всего начинающая и еще не раскрученная. Но кандидатура тогда даже не обсуждалась, до этого мы просто не дошли.

Я практически уже согласился на эту роль, а режиссер и продюсер собрались ехать в Россию. Но тут оказалось, что из-за съемок мне пришлось бы отложить несколько соревнований. Кино — дело серьезное, это тяжелый труд, ему надо посвящать все свое время. А меня полностью захватило фигурное катание, и я не мог себе позволить на несколько месяцев расстаться с коньками. Пока такой возможности у меня просто нет. Но мечта сняться в кино остается. И, я думаю, когда-нибудь мне удастся это сделать, тем более что предложения поступают постоянно. Причем роли предлагают разные — это и герой, этакий мачо, и комедийные, смешные роли. Если говорить о моих собственных предпочтениях, то сам я больше всего люблю комедии и исторические фильмы.

После фигурного катания я обязательно рискну сняться в кино. Хочу попробовать себя в жизни в разных амплуа, и мне кажется, если плотно позаниматься актерским искусством, я сумел бы сыграть любую роль. Знаю: если мне что-то понравится, я доведу это дело до конца, сделаю все по максимуму. И у меня все получится.

13. Моя серебряная Олимпиада

Осталось два года до моей первой Олимпиады.

Во Франции проходит чемпионат мира.

2000 год, мне 18, и я приехал сюда только за победой. Сезон складывается идеально, я уже стал первым на чемпионатах России и Европы. У меня есть бронза и есть серебро на чемпионатах мира. Теперь мне необходимо во что бы то ни стало победить.

После короткой программы становлюсь вторым и понимаю, что у меня есть все шансы подняться на главную ступеньку пьедестала почета. Адреналин зашкаливает.

Ночью не могу заснуть, ворочаюсь в постели. Перед глазами мелькает одна и та же картина: заканчивается программа, я поднимаюсь на пьедестал почета и вот оно — золото! Засыпаю только под утро.

Следующий день. Произвольная программа. Мой выход. Захожу на четверной прыжок — и срываю его. Захожу на второй четверной — и снова срываю.

В голове только одна мысль: «У меня уже есть серебро и бронза, мне нужно только первое место». И ставлю перед собой задачу идти на третий четверной. И снова не получается!

И тут я понимаю, что все, это провал. Скорее всего, я не попаду даже в тройку. С такими мыслями, уже безо всякого адреналина, докатываю программу.

Тогда, на чемпионате мира-2000, я стал четвертым. На самую главную ступеньку пьедестала, где в собственных мыслях я видел только себя, поднялся мой главный соперник Алексей Ягудин.

Потом я много анализировал свое поражение. Причин было достаточно. По жеребьевке мне выпало самое неудачное время — я начинал тренироваться в шесть утра. А для меня выспаться — один из важных факторов победы. Я выходил на лед тренироваться, а мой организм еще спал. Квалификацию я катал в десять утра, в это время я вообще не привык выступать на соревнованиях. Для меня, если передо мной поставлена серьезная задача, самое лучшее — это когда выступление назначено на гораздо более поздний срок. Иначе я чувствую себя некомфортно.

Еще одной ошибкой было то, что я ехал на чемпионат только за победой, воспринимая второе и третье место как поражение.

Я не смог перешагнуть психологический барьер, эмоции захлестывали меня, а адреналин зашкаливал. И я не справился,

перегорел. Это было грубой ошибкой, мальчишеством. Наверное, это даже в каком-то смысле справедливо: к тому времени я еще не накатал на первое место. В момент, когда не получился прыжок, мне нужно было собраться и дать себе установку: если не получается стать сейчас чемпионом, будь призером, это тоже очень почетно.

Сколько раз случалось такое, что я лидировал после короткой программы! Я ложился спать, уверенный в том, что уже практически завоевал чемпионский титул. Сколько бессонных ночей провел я перед последним днем соревнований! «Завтра откатаю программу и выиграю!» Навязчивая мысль о победе будоражила, не давала сомкнуть глаз. Перед мысленным взором маячили пьедестал и золотая медаль. За ночь я перегорал. Силы уходили. Утром, не выспавшись, бежал на тренировку, и там это становилось особенно очевидно.

А нужно было просто отвлечься. Заставить себя вовремя уснуть и вовремя проснуться, не думать о пьедестале, успокоить разыгравшееся воображение. Это невероятно сложно. И чтобы так получилось, должно пройти время, накопиться опыт. Тогда такого опыта у меня еще не было.

Самый сложный мой соперник — это я сам. И я постоянно борюсь сам с собой. И побеждаю, потому что становлюсь более опытным. О медалях думаю, конечно, и сейчас. Но заставляю себя переключаться: звоню друзьям, слушаю музыку или смотрю кино. Это совет всем молодым спортсменам.

Я знаю, что многие, даже опытные спортсмены проводят перед важными соревнованиями беспокойные, бессонные ночи. Я научился спать спокойно практически перед любыми соревнованиями.

Олимпиада — это самый главный старт в жизни человека, посвятившего себя спорту. Если спортсмен понимает, что для него реально выступить только на одной Олимпиаде и по возрасту он уже не сможет соревноваться на следующих играх, он будет делать все возможное, чтобы выступить достойно, будет бороться за победу до конца.

Олимпийские игры — это соревнование, абсолютно не похожее на все остальные. Чемпионаты Европы и мира ничего общего с ними не имеют. Олимпийские игры требуют совершенно другой подготовки. Другого накала, адреналина, других эмоций, атмосферы.

К этим соревнованиям нужно совершенно иначе готовиться. Беречь все силы до конца. И если что-то не получается на тренировках, должно получиться на Олимпийских играх.

Федерация фигурного катания сделала все возможное, чтобы обеспечить мою качественную подготовку, и мне казалось, что я действительно готов.

Олимпиада — это большой праздник, который затягивает тебя в свою воронку. И если ты к этому психологически не готов, праздник может расслабить тебя и выбить из колеи. Сюда, в город, где проходят соревнования по всем видам спорта, приезжают твои друзья, знакомые. А кроме фигурного катания, проходят соревнования по многим другим видам спорта. Я очень люблю хоккей, когда есть свободное время, стараюсь не пропускать хоккейные матчи.

Но на Олимпиаде заставляю себя и хоккей не смотреть — это тоже отвлекает от главной цели.

В рамках Олимпиады проходит много праздников — всюду музыка, фейерверки. Но это праздник для зрителей, не для участников. По крайней мере, до того момента, пока ты не покажешь, на что способен. Тем, кто борется за лидерство, за чемпионский титул, в разгар борьбы не до праздника, им нужно беречь силы для решающего выступления.

Мы с тренером и хореографом приехали в олимпийскую деревню за две недели до начала Олимпиады, чтобы почувствовать лед, привыкнуть к климату, атмосфере.

Америка жила в ожидании праздника. Участников встречали, с ними знакомились — все нам были рады. Там, где мы жили, оказалось очень много мормонов. Многие из них работали на Олимпиаде волонтерами. Оказалось, что они хорошо говорят по-русски и раньше работали в России. Правда, на вопрос, где и кем они работали, американцы-мормоны предпочитали не отвечать. Для меня мормоны и их образ жизни стали настоящим откровением. В свои 20 лет я не подозревал, что у людей в наше время может быть по нескольку жен и огромное количество детей! У некоторых было по десять-пятнадцать ребятишек — все кричат, визжат, носятся.

Мы даже в гостях побывали в одной такой семье. Дома у них вполне обыкновенные, только большие. И огромное количество детей — малышня была везде, будто по дому рассыпали мешок гороха и эти горошинки катятся в разные стороны. Ты стоишь среди них и боишься сделать шаг — вдруг на кого-нибудь наступишь. В общем, было очень забавно.

Но напряжение, конечно, ни на секунду меня не покидало, ведь впереди были суперответственные соревнования.

Потом состоялось открытие Олимпийских игр.

И жеребьевка. Это очень важный процесс, своеобразный ритуал, без которого не обходятся ни одни соревнования. До этого мне уже приходилось кататься и первым, и последним. Не знаю, что хуже. Выходить на лед первым — нелегко, последним — очень тяжело. Но тут ничего не поделаешь. С опытом приходит понимание: какой бы номер тебе ни выпал, нужно на него настроиться, сделать его любимым. В зависимости от номера проводится и тренировка перед выступлением. Если катаешься первым, надо заранее распределить время, чтобы успеть отдохнуть и сконцентрироваться.

Еще до начала соревнований ты знаешь, кто твои основные соперники. И уже примеряешь свой номер к ним. Бывает, что выпадает кататься после спортсменов, которые являются твоими прямыми конкурентами в борьбе за первые места. Бывает, до них.

Я не очень люблю выступать после своих соперников, когда они уже набрали определенный балл и тебе необходимо откататься так же, как они, а по возможности и лучше. Выступать в такой ситуации очень сложно психологически. Для меня комфортнее выходить на лед перед ними, чтобы поднять планку, напугать своим мастерством. Тогда есть вероятность, что конкуренты «посыплются».

На Олимпиаде в Америке мне выпал жребий кататься в середине. Мой основной конкурент Алексей Ягудин должен был выйти на лед последним.

В олимпийской деревне я общался со многими спортсменами. Но с Ягудиным мы не пересекались. У нас разные друзья. Я больше общался с русскими, он — с иностранцами.

В 2002 году в Солт-Лейк-Сити я участвовал в моей первой Олимпиаде. Я очень ждал ее, готовился и ехал туда, конечно, побеждать.

И проиграл. Я занял тогда второе место, став серебряным призером. Но для меня не так важно было, кому именно я проиграл, потому что по большому счету я прежде всего проиграл самому себе и первому месту. Я проиграл! Разве может иметь какое-то значение, кто именно из спортсменов стоит на самой высокой ступени олимпийского пьедестала, когда ты встаешь на свою, выстраданную и завоеванную, но — вторую.

Мне всегда очень нравился наш знаменитый теннисист Евгений Кафельников. Перед ответственными играми он никогда не давал интервью.

— Встречи с журналистами меня сбивают, это мешает

сосредоточиться, — говорил он.

Перед тем как ехать в Солт-Лейк-Сити, мы с Алексеем Николаевичем избрали схожую тактику: я вообще не даю интервью.

У моего главного конкурента — Алексея Ягудина — была совершенно иная позиция. Он раздавал интервью направо и налево, то есть якобы был для всех открыт.

А журналисты, если они не обладают необходимой информацией, начинают писать всякую отсебятину — так, к сожалению, принято во всем мире. Все, что накопали, нарыли: слухи, домыслы, сказки. Может, это было и наше упущение, сейчас уже трудно сказать.

Газеты — американские и российские — дружно писали, как прекрасно подготовились к выступлению на Олимпийских играх Алексей Ягудин и его тренер Татьяна Тарасова, в какой Ягудин прекрасной форме. Нас с Алексеем Николаевичем Мишиным им противопоставляли — уведомляли, будто мы и готовились отвратительно, и программа у нас, естественно, ужасная.

Объяснялось все просто. В мире фигурного катания, как, впрочем, и во всяком профессионально ориентированном мире, есть продажные журналисты. За деньги они готовы писать, что скажут. Конечно, что-то утверждать и обвинять конкретных тренеров-заказчиков и журналистов-исполнителей я не берусь, потому что доказать это все равно невозможно. Но они были и есть.

У нас с Алексеем Николаевичем была абсолютно честная позиция: мы никого не подкупали и, если давали интервью, говорили все как есть.

Мишин и родные старались не показывать мне эти статьи, берегли мою нервную систему. Но информация просачивалась отовсюду. Оказывалось давление, это было неприятно, выбивало из колеи.

Кстати, после ухода Ягудина из спорта журналисты, которые писали обо мне гадости, переметнулись на мою сторону и попытались себя вести так, словно мы друзья. Естественно, работать с ними я не стал.

Да и как можно утверждать, будто мои программы — и «Кармен», и «Майкл Джексон» — были слабыми, именно благодаря им я выигрывал все турниры в этом сезоне! Я брал только золото, я «порвал» всех своих соперников. Настало время, когда Ягудин стал проигрывать мне на главных соревнованиях, и напряжение между нами достигло апогея. Он начал допускать ошибки, был психологически подавлен, не выдерживал

конкуренции.

Предолимпийский чемпионат мира в Ванкувере, где я оказался на голову выше всех, окончательно выбил почву из-под ног моего основного соперника. Тогда он и его тренер обратились к известному спортивному психологу Загайнову. И тот, анализируя ситуацию, говорил тогда про Ягудина: «Леша, увидев Женю на льду, заранее настраивался на проигрыш». Это правда. Моему ослабевшему сопернику требовалась сильная рука.

Кто такой Рудольф Загайнов? В мире спорта о нем ходят настоящие легенды, его даже называют черным магом спортивной арены.

Рудольф Загайнов — психолог, несомненно, очень талантливый. Он работал со многими спортсменами, психологически настраивал их на победу. Лично я никогда с ним не сталкивался, но сталкиваться с теми, кому он «помогал», приходилось. У многих до сих пор остался неприятный осадок от общения с этим человеком. Загайнов заставляет спортсмена ненавидеть своего соперника. Ненависть — чувство отвратительное. Да, есть спортивный азарт, есть стремление победить. Но ненавидеть кого-то — это ужасно! По-моему, в первую очередь следует учиться уважать своего соперника. Если ты побеждаешь и при этом относишься к проигравшим тебе с уважением — это высший пилотаж.

Но есть люди, которые способны на страшные вещи. Когда Загайнов только-только начал работать с Ягудиным, поползли странные слухи. Нам писали письма, моей маме звонили и предупреждали: «Сделайте Жене хорошую защиту. На Олимпиаде его загипнотизируют, сглазят, закодируют. Произойдет что-то непоправимое, если вы не примете меры». Мы не верили во всю эту ахинею и старались быть выше домыслов и сплетен. Потом, когда прошло время, у меня были встречи с профессиональными психологами. Из общения с ними я понял, что возможно все: есть и силы, и специальная техника, которая помогает победить спортсмену, или, наоборот, помогает его сопернику проиграть. И я не исключаю, что в Солт-Лейк-Сити именно психолог Рудольф Загайнов помог Ягудину стать олимпийским чемпионом.

Я упал на короткой программе. Этот четверной прыжок я знаю как «Отче наш». Мне кажется: разбуди меня ночью — и я его прыгну без единой помарки. На тренировках все шло великолепно. И вдруг… Выходя на четверной прыжок, я увидел силуэт Загайнова. Он находился как раз напротив меня. Я поймал

его тяжелый взгляд.

Я очень хорошо оттолкнулся и ровно вылетел. Но потом случилось что-то необъяснимое. Кто-то словно приказал мне: «Раскрывайся! Иди на приземление!» И я послушался, хотя было еще рано. Я до сих пор не могу понять, откуда появился этот сигнал, каким образом он достиг моего мозга.

После короткой программы я оказался четвертым. И опустил руки.

Мне позвонила мама:

— Женя, ни в коем случае не расстраивайся. У тебя еще одна программа — произвольная. Иди и делай свою работу!

Мама вдохнула в меня уверенность. Я снова был на подъеме. И в произвольной программе сделал все четверные и тройные прыжки четко и правильно, без единой помарки.

Интрига — кто станет чемпионом в одиночном катании среди мужчин на Олимпиаде-2002 — держалась до последнего, пока на лед не вышел Алексей. Когда он откатал свой номер, мне стало ясно: я проиграл.

Уже после Олимпиады я много раз прокручивал запись своего выступления, свое падение с четверного прыжка. На самом деле в тот момент я был в отличной форме. И таких падений у меня не было в жизни никогда. При любом раскладе я не мог не так повернуться. И до сих пор осталось ощущение, будто меня потащила за собой какая-то непонятная сила. Что это было?..

Может, в том, что произошло тогда, на Олимпиаде-2002, и проявилось какое-то влияние Загайнова. Но если это так, этому человеку не позавидуешь: давно известно, что к тем, кто использует свою энергетику и силу в неправильном направлении, со временем весь негатив возвращается бумерангом, и они страдают от этого еще больше, чем их возможные жертвы.

Я стоял на второй ступеньке пьедестала почета и чувствовал себя лузером. А когда церемония награждения закончилась, ушел к себе в номер и провалился в тяжелый сон. Проснулся посреди ночи оттого, что не мог дышать. Я задыхался. Попытался встать и понял, что не чувствую ног. Не помню, как добрался до номера Мишина. Позвали врача. У меня подскочила температура, столбик градусника зашкаливал за сорок.

Понять причину моего состояния никто не мог. У меня взяли всевозможные анализы, но они оказались в полном порядке. Меня осмотрели доктора, но никто ничего не нашел. Все разводили руками и не могли определиться, почему я свалился с такой бешеной температурой. Все склонялись к одной причине — эмоциональное перенапряжение. А через четыре дня я проснулся,

встал и понял, что абсолютно здоров. Может, меня на самом деле подвели нервы и разрушающие организм эмоции, а может, было что-то совсем другое…

За эти дни я потерял пять кило — это просто какая-то фантастика! Перед Олимпиадой мы бились, чтобы скинуть хотя бы килограмм, но никакие диеты не помогали. А тут сам собой, в одночасье, ушел такой серьезный для меня вес. Я вошел в эту болезнь совершенно внезапно и так же внезапно из нее вышел…

В России нас встречала мама. Увидев меня — худого и бледного, с синяками под глазами, — она заплакала:

— Женя! Это нечестно!

— Мам, не плачь! — Я обнял ее. — Следующую Олимпиаду я точно выиграю, вот увидишь!

И я сдержал свое слово.

Вернувшись из Солт-Лейк-Сити, мы вместе с Алексеем Николаевичем анализировали наш проигрыш. Мы не пытались обвинять друг друга в этой ситуации, да это было бы и неправильно. Перед Олимпийскими играми мы вместе настраивались на победу. И вместе проиграли.

Пожалуй, мы сделали большую ошибку, приехав на игры слишком рано, за две недели до начала соревнований. Мне кажется, я реально перегорел, ведь на тренировках все получалось идеально. К тому же у меня не было «олимпийского» опыта. Для чемпиона Солт-Лейк-Сити Алексея Ягудина это была вторая Олимпиада. За четыре года до этого, в Нагано, он стал только пятым. Ягудин старше и опытнее меня — это тоже сыграло свою роль.

Да, я сильно переживал и расстраивался. Но проходит время, и ты понимаешь, что поражение — это колоссальный опыт. Он помогает побеждать в дальнейшем.

После возвращения из Солт-Лейк-Сити мама говорила мне:

— Женя, ты проиграл. Но это было вчера. Теперь ты все забыл и начал все сначала. Впереди у тебя еще много побед.

То же самое она говорила мне, когда я начал выигрывать и слегка зазвездился. Только тогда мне надо было понять, что я чемпион вчерашнего дня. Теперь она убедила меня, что и поражение мое уже в прошлом, а впереди меня ждут новые победы.

Сейчас все встало на свои места. Сейчас у меня есть олимпийское серебро и олимпийское золото — ни у кого из мужчин-одиночников в мире нет такого набора. И я этим горжусь.

14. Плющенко и Ягудин. Кто тренеру Мишину дороже?

С Ягудиным мы не друзья и не враги. Просто был такой фигурист Алексей Ягудин и есть такой фигурист Евгений Плющенко. Почему я про него говорю в прошедшем времени? Потому что он ушел из фигурного катания в профессионалы, а я остался в любителях.

Я очень долго был самым младшим в группе у моего тренера, Алексея Николаевича Мишина. Сначала шли взрослые — олимпийский чемпион Алексей Урманов, Олег Татауров, Руслан Новосельцев, Алексей Ягудин. И только потом — я.

С Ягудиным у нас разница всего три года, но в подростковом возрасте это пропасть.

К тому же мы с Алексеем были разного телосложения и комплекции. Я — тонкий, худенький. Он — приземистый и мощный, физически сильнее. Это играло большую роль.

У Алексея Николаевича, как и у любого тренера, были свои приоритеты. В первую очередь он занимался самыми перспективными ребятами, постоянно уезжал на соревнования с Урмановым и Татауровым. Следующая порция внимания — поменьше — доставалась Ягудину.

А мне Мишин обычно говорил:

— Смотри, как делают старшие, и тоже старайся.

На меня в то время не делалось ставки. Выплыву — значит, выплыву. Нет — значит, нет. Никаких привилегий, минимум внимания. Это сейчас я понимаю, почему так было. Мне всего одиннадцать лет. Я — темная лошадка, совершенно непонятно, что из меня вырастет. Может, через полгода вообще уйду из фигурного катания. Зачем тратить на такого и силы, и время? Но тогда мне было обидно.

С самыми старшими все понятно. Но Ягудин… Ему доставались лучшая программа, лучшая музыка, ему всегда уделялось больше времени. А я собирал какие-то остатки.

Мишин часто уезжал со старшими на соревнования и брал с собой Ягудина. Перед отъездом давал мне задание:

— Я уезжаю. Чтобы к моему возвращению прыжок выучил.

Это сейчас в «Юбилейном», если Мишин уезжает, с детьми его группы остаются другие тренеры, которые могут объяснить, помочь. А тогда никого не было. Я занимался один,

неприкаянный и никому не нужный.

Тренировки я никогда не пропускал независимо от того, был Мишин в городе или уезжал на соревнования. Прыгал до исступления. Если прыжок не получался, я бесконечно начинал все сначала.

На каток приходил мой хореограф Евгений Дмитриевич Сережников. Видя, как я мучаюсь, он пытался помочь, что-то подсказать. И хотя хореограф из театра никакого отношения к технике фигурного катания не имеет, для меня это было важно, я чувствовал его поддержку. Иногда что-то подсказывала мама.

И прыжок получался!

Я с нетерпением ждал возвращения Алексея Николаевича, чтобы продемонстрировать свои успехи.

Он приезжал:

— Ну что там у тебя, давай, показывай!

И иногда хвалил.

Я все время пытался всем доказать, что я лучший. И иногда мне казалось, что меня недооценивают.

Самые лучшие программы по-прежнему отдавались Ягудину. Это естественно, ведь, как я говорил, он на целых три года старше, начал раньше меня выступать на чемпионатах Европы и мира. У него уже были титулы, которых у меня еще не было и в помине.

Иногда Алексей Николаевич уезжал только со старшими. И мы с Ягудиным оставались вдвоем. Естественно, он хотел побеждать. Я — тоже. Кроме того, мне еще нужно было догнать и перегнать именно его. Поэтому тренироваться приходилось больше.

Если он выехал на лед, и мне непременно нужно было выехать. Если он делал прыжок, значит, я делал каскад из двух прыжков. Он выполнял дорожку, значит, я тоже вставал на дорожку. Было ощущение, что мы оба искримся от напряжения.

Я постоянно стремился сделать больше, чем он. Поэтому, возможно, из меня что-то тогда и получалось.

Конечно, Алексей злился, он уже видел во мне сильного потенциального конкурента. Я это кожей ощущал.

И потом, Ягудин местный, питерский. А я приехал из какого-то Волгограда. В то время так сложилось, что в Москве занимались фигуристы-москвичи, а в Петербурге — соответственно петербуржцы. Приезжих было очень мало, и я стал одним из первых.

— Вали в свой Волгоград! — Эту фразу я слышал и от других спортсменов, но от Ягудина чаще всего.

Кем я был для него? Мальчиком с периферии, выскочкой.

Это потом, когда начал завоевывать Россию, Европу и мир, уже никто не смел сказать мне что-то про Волгоград и периферию.

И хотя Ягудин был постарше и поопытнее, я его напрягал. Я мешал ему, а он мне, напротив, помогал. Сначала я кружил вокруг, потом начал жалить — сначала потихоньку, потом все сильнее, пока не попал в самую больную точку.

Конечно, я получал от него зуботычины. Как от старшего и более сильного. Причем, как правило, если он меня и бил, делал это исподтишка.

Например, после тренировки мы играем в футбол. Я забиваю гол и тут же получаю сзади по ногам. Можно даже не смотреть, кто ударил. И так все понятно.

Я взрослел и стал Ягудина догонять. Я дышал ему в затылок, наступал на пятки. Алексей Николаевич наконец-то заметил мой потенциал и стал гораздо больше уделять мне времени. Ягудина это нервировало, он раздражался. Конечно, это сказывалось на результатах. И однажды он ушел. Уехал к тренеру Татьяне Тарасовой в Америку. Как раз в это время ученик Татьяны Анатольевны олимпийский чемпион Илья Кулик ушел из любительского спорта, и у нее образовалось место, которое быстро занял Ягудин.

Я никогда не лез в отношения тренера с другими спортсменами. И всегда старался честно делать свою работу: тренировался, чтобы стать лучшим.

Уход Ягудина от Мишина, из нашей группы, стал для меня полной неожиданностью, шоком. В эту новость я не верил до последнего, пока не увидел, что Ягудина больше нет на нашем катке.

Честно говоря, я обрадовался, когда Ягудин ушел к Тарасовой. Очень обрадовался и этого не скрываю.

Именно с этим уходом между нами началась другая борьба, более жесткая. В тот период мы выигрывали все турниры — либо я, либо он. Мы «забивали» друг друга. Самым главным на соревнованиях стало не упасть с прыжка, не смазать его, прыгнуть чисто. В результате побеждал тот, кто чище прыгал и без ошибок откатывал программу.

На одной из пресс-конференций Алексей Ягудин сказал:

— Меня воспитала Тарасова.

Это неправда.

Ягудин под руководством Мишина стал чемпионом Европы и чемпионом мира. Воспитал и вырастил его Алексей Николаевич, именно он научил его кататься, научил технике. Он действительно отдавал ему все.

В спорте бывает всякое. Случается, что спортсмены уходят от тренеров. Если испортились отношения, если ты видишь, что тебе уделяют недостаточно времени, если понимаешь, что младшие в твоей группе становятся серьезными соперниками и начинают тебя обыгрывать. Но не стоит при этом проявлять неблагодарность к человеку, который слепил из тебя чемпиона. Уйти и потом на каждом углу говорить неправду — это не по-мужски.

Представляю, что чувствовал Мишин, когда слышал эти слова. Как ему было обидно.

Алексея Николаевича предал еще один ученик.

Андрей Грязев приехал из Перми, и Мишин его принял. Делал для него все: поставил технику, научил делать обороты, поднял до определенного уровня.

Андрей общался с Ягудиным, когда тот уже жил в Америке. Вот в голове у Грязева и отложилось: Тарасова — хорошая, Америка — супер. И ему так захотелось за океан! Ну, он, конечно, уехал.

И, оказавшись не нужен ни Тарасовой, ни Америке, вернулся домой, в Россию.

Когда-то мы все катались на одном льду, три будущих олимпийских чемпиона — Урманов, Ягудин и я.

Мишин тогда говорил:

— У меня сейчас группа, с которой я могу соревноваться со сборной мира! И не факт, что проиграю.

Да, мы все были в одной группе. Но командой никогда не были. Одиночное фигурное катание — это индивидуальный вид спорта, где каждый — только за себя. И нам было трудно на одном льду.

Когда Алексей Урманов ушел, оставались мы с Ягудиным. Два спортсмена, которые соревнуются между собой. У обоих — очень хороший уровень, оба готовы бороться за первое место.

Мишину, наверное, нужно было работать с нами раздельно: на одной тренировке заниматься с одним, на следующей — с другим. Чтобы мы не видели и не мешали друг другу. И тренер при этом уделял бы достаточно времени и внимания обоим своим ученикам. Но тогда эта мысль почему-то никому не пришла в

голову.

Позже, когда к Мишину приехала тренироваться Лена Соколова, я сразу сказал:

— Алексей Николаевич, я не буду с ней кататься. Она должна тренироваться на одном льду, а я на другом. Если хотите, чтобы был результат, всем должно быть уделено достаточно времени.

Тогда было принято решение, что мы будем тренироваться на разных льдах.

С Андреем Грязевым мы тоже не катались на одном льду. У меня не было никакой ревности, но тренироваться на общем катке я отказывался категорически.

Нас разделили — это пошло на пользу обоим, появился результат.

И я очень рад, что тогда Алексей Николаевич прислушался к моему мнению, рад, что со временем мы научились слушать друг друга.

Отношения мои с тренером менялись на протяжении многих лет.

Сначала он, естественно, был начальником, командиром, боссом. С ним нельзя было спорить, выражать свое мнение, делать нужно было только то, что он скажет. Я долго его боялся.

Но постепенно отношения менялись, перерастали в дружеские, уважительные. Алексей Николаевич стал со мной считаться. И это давало свои результаты — когда серьезно занимаешься любительским спортом, спортсмен и тренер обязательно должны слушать друг друга.

У нас давно уже такого нет: я — начальник, ты — дурак.

Бывают тренировки, когда я точно знаю, что в этот день мне не стоит делать, предположим, четверной прыжок. Алексей Николаевич понимает, что это не блажь. Просто в данный момент мой организм не готов к бешеным нагрузкам.

— Давай займемся чем-нибудь другим, — предлагает он в таких случаях. — Будем делать другие элементы, полегче.

Когда изо дня в день постоянно тренируешься, одним из слагаемых успеха становится отдых. Хотя бы ради хорошего результата. Случалось такое, что я чувствовал: все, я «объелся» тренировками, меня от них уже тошнит.

Звоню Мишину:

— Алексей Николаевич, я не могу прийти сегодня. Нужна пауза.

— Хорошо, давай сделаем паузу.

Это очень важно, когда спортсмен и тренер — два профессионала — понимают друг друга. Многие тренеры используют палочную систему, диктуют своим спортсменам:

— Никаких «нет», приходи, будем работать!

Они давят. И в результате проигрывают. Когда начинают анализировать свои ошибки, главных ошибок не видят, им кажется странным: вроде все правильно делали, а ничего не получилось.

Мишин прекрасно понимает, что ни с того ни с сего я не буду увиливать от тренировок, лениться. И если прошу паузу, значит, она мне действительно необходима.

Сейчас очень много фигуристов учится по системе Мишина. Но мы ее постоянно разрабатываем и совершенствуем.

Вообще-то мне не нравится, что российские тренеры работают с нашими соперниками по всему миру. Но их можно понять — ведь надо выживать, зарабатывать. В России раньше даже у прославленных тренеров такой возможности не было.

Однажды я предложил Алексею Николаевичу:

— Тренируйте иностранцев по какой-нибудь другой системе!

— Женя, я не могу! Когда работаю, я выкладываюсь полностью.

В результате с системой Мишина хорошо знакомы знаменитые фигуристки Саша Койн и Мишель Кван, а также мои соперники Стефан Ламбьель и Брайан Жубер.

15. Меня вычеркнули из списка

После Олимпиады в Солт-Лейк-Сити мой главный на тот момент соперник Алексей Ягудин ушел из любительского спорта в профессионалы. Я не испытывал к нему неприязненных чувств, он выиграл все, о чем только можно было мечтать. А для меня все начиналось сначала.

Но в какой-то момент я расслабился. Я забыл одну вещь: время идет и постепенно подрастают конкуренты. Дыхание в затылок, которое я ощущал на протяжении нескольких лет, исчезло. Но неумолимо приближалось чье-то новое, незнакомое дыхание, которого я еще реально не чувствовал.

Это произошло неожиданно. В 2004 году, на чемпионате Европы, я проиграл своему неожиданно подросшему сопернику, французу Брайану Жуберу. Тогда все газеты кричали о моем проигрыше.

И я понял, что расслабляться ни в коем случае нельзя, надо бороться дальше. Лучшим быть трудно. Если просто хороший спортсмен может позволить себе проиграть, мне нужны только чемпионские титулы, ведь за последние годы у меня уже выработался имидж победителя.

И спустя несколько месяцев я восстановил статус-кво, снова став чемпионом мира.

А потом случилась беда.

В 2005-м, за год до Олимпиады в Турине, я выиграл чемпионаты России и Европы. Все шло идеально.

Но уже на чемпионате Европы я почувствовал сильные боли в области паха. Подумал, что потянул мышцы или нанес себе легкую травму. Не обратил внимания, решил: пройдет как всегда.

После показательного выступления я поехал домой. Боли усилились, я даже перестал тренироваться. И начал ходить по врачам. Ничего путного мне не говорили, то предполагали растяжение, то микронадрыв связки. Точного диагноза почему-то никто поставить не мог. Меня начали колоть, чтобы снять боль, которая все усиливалась, становилась невыносимой.

До чемпионата мира оставалось две недели.

Соревнования проходили в Москве. Мы оба с Мишиным прекрасно понимали, что надо ехать и выступать. К тому моменту я был уже трехкратным чемпионом мира, но мне просто необходимо было в четвертый раз подняться на первую ступеньку

этого пьедестала. Тем более что чемпионат проходил в России — значит, и чемпионом должен был стать российский спортсмен!

Перед каждой тренировкой мне обкалывали пах, делали блокаду. Но боль прорывалась и через нее! Нормально тренироваться я не мог. Выходил на лед и прыгал максимум двойные прыжки, тройные уже не давались.

Я прекрасно понимал, что выступать на чемпионате мира с двойными прыжками нелепо.

До начала чемпионата мира оставалась одна неделя.

Надо было принимать решение — ехать или не ехать. Мы стояли на перепутье. С одной стороны, чемпионат мира по фигурному катанию впервые проходит в России, в Москве. С другой — боли адские, без уколов я не то что прыгать, почти не могу ходить.

Тогда Мишин предложил:

— Давай поедем в Москву, объясним ситуацию, скажем, что ты не можешь прыгать, и снимемся с соревнований.

И мы принимаем решение ехать.

До чемпионата мира остался один день.

Я вышел на тренировку. Боль чуть-чуть отпустила. Начинаю прыгать. Вроде бы все нормально. Получаются тройные прыжки. Получаются прыжки в три с половиной оборота. Четверные я даже не пробую. Это невозможно — левая, толчковая нога немеет от боли.

Мы побывали и в московской клинике, и у меня снова, кроме растяжения и микроразрывов, ничего не обнаружили.

Принимаем окончательное решение — я буду выступать на чемпионате.

Вечером звоню маме:

— Мы решили, что я буду выступать.

— Как выступать?! Ты же не катался! — Мама была в шоке.

— Надо выступить. Я попробую, мне делают обезболивающие.

Чемпионат мира. День первый.

Выхожу на квалификацию. Выполняю необходимые фигуры и прыжки.

Остается чуть больше минуты до конца, и я чувствую, что не могу дышать. У меня случился приступ межреберной невралгии: ни выдохнуть, ни вдохнуть. Я уже забыл про боли в паху. Еще чуть-чуть, и я просто потеряю сознание.

Я не могу дышать, а мне еще надо кататься — сделать вращение, потом дорожку по прямой, снова вращение. И я все это

сделал.

Выхожу к скамеечке, на которой спортсмены обычно ждут оценки, и буквально складываюсь пополам от боли.

Мишин замечает, что я чуть живой:

— Женя, все нормально! Только никому не показывай, что тебе плохо.

Я сел как ни в чем не бывало, даже, кажется, пытался улыбаться. Хотя сам еле дышал.

Чемпионат мира. День второй.

Я просыпаюсь и понимаю, что не могу ходить. Левая нога очень тяжелая, будто не моя. Но мы с Алексеем Николаевичем все равно принимаем решение, что я выхожу на лед.

В этот день — короткая программа. Меня снова обкалывают какими-то сильнодействующими препаратами.

Разминка. Обычно, когда выхожу на каток и смотрю на трибуны, я отчетливо вижу каждого зрителя. Во что они одеты, выражения лиц, я даже смотрю людям в глаза. В этот раз я никого не видел — только силуэты, в глазах все поплыло от боли.

Разминка проходит вроде нормально. Правда, четверной прыжок я даже не пробую делать. Мы снова решаем: я буду катать короткую программу.

Выхожу на короткую программу и падаю с четверного прыжка. Боли в паху дают знать о себе с новой силой, никакие обезболивающие уже не в силах с ними справиться.

Но все-таки я откатался. И после короткой программы стал третьим. У меня еще оставались шансы стать чемпионом мира-2005. Для этого нужно было выполнить тот же набор фигур и прыжков, который я уже продемонстрировал на квалификации.

Чемпионат мира. День третий.

В этот день все участники чемпионата выступали с произвольной программой. Я проснулся утром и понял, что не могу встать. Каждое движение — тяжелое испытание, боль пульсирует по всему телу.

Звоню маме:

— Мама, я не могу ни ходить, ни сидеть, ни лежать. Сегодня произвольная программа.

— Женя, не смей кататься! — Мама сразу поняла, что мне не просто плохо, что я буквально на грани между жизнью и смертью. — Ты уже выиграл три чемпионата мира! Я понимаю, что надо бороться за Россию, но если не можешь, надо отказываться и сниматься с соревнований. Береги здоровье, следующий год нам всем очень важен!

Мама туг же набрала номер Мишина:

— Алексей Николаевич! Вы как хотите, а я запрещаю ему кататься!

И все-таки мы до последнего ждали, что боль отпустит. Надеялись, вдруг произойдет чудо. Колоть себя я уже не давал — мне и так сделали слишком много уколов.

Никакого чуда не произошло.

Я написал заявление, что снимаюсь с чемпионата.

Так получилось, что чемпионом мира-2005, который проходил в Москве, стал швейцарец Стефан Ламбьель.

А мы с Мишиным вернулись в Петербург.

От болей ничто не помогало. А туг еще на меня набросились журналисты, газеты утверждали, будто Плющенко снялся с соревнований, потому что струсил. Мне было очень обидно, ведь я никогда и никого не боялся.

Мне очень не понравилась реакция некоторых сотрудников из федерации фигурного катания. Кое-кто перестал верить в меня. В кулуарах стали говорить, что я плохо катаюсь, что ничего у меня не болит, просто я не в должной форме. Что я вообще уже не тот…

От болей нет никакого спасения.

И вдруг Саша Кержаков, мой друг и знаменитый футболист, советует:

— Женек, у нас в клубе очень хороший врач. Поезжай к нему, он тебя посмотрит.

Вместе со мной поехали мама и Алексей Николаевич.

Врач посмотрел и сказал:

— Мне кажется, у тебя грыжа.

— Какая грыжа! — не поверил Мишин.

— Я созвонюсь с Германией. Там есть очень хороший доктор, я договорюсь, и тебя примут. Если доктор сочтет, что нужна операция, не задумывайся. Оставайся и делай. Доктор Мушавик — великолепный специалист по спортсменам.

Мы прилетели в Мюнхен. Нас встретили и привезли в больницу.

В палату заходят несколько докторов. И среди них — пожилая женщина. Именно она и оказалась тем самым легендарным доктором, который поставил на ноги многих спортсменов. Я был поражен. Потом мне рассказали, что фрау Мушавик не только делает фантастические операции и является прекрасным диагностом, она еще и спортсменка — каждое утро бежит на работу шесть километров!

Доктор Мушавик осмотрела меня и тут же поставила диагноз:

— У тебя две паховые грыжи размером с грецкий орех. Как же ты катался? Тебе срочно нужна операция. Все будет нормально, ты еще будешь кататься и выиграешь Олимпиаду!

Я очень боялся ложиться под хирургический нож. Вечером, оставшись вдвоем в палате, мы разговаривали с мамой:

— Мам, как же так?

— Женя, не переживай. Раз доктор Мушавик так говорит, значит, это правда, надо ей довериться.

На следующий день сделали первую операцию. Через день — еще одну. Грыжи вырезали и сфотографировали, эти снимки хранятся у мамы.

Доктор Мушавик давала рекомендации:

— Час проходит после операции — вставай. И начинай потихоньку двигаться, ходить. А через неделю начинай бегать.

У нее была своя методика — ни в коем случае не лежать. Мышцы надо укреплять, им нельзя давать расслабляться.

— Женя, ты обязательно выиграешь Олимпиаду, — улыбалась фрау Мушавик. — Я в тебя верю.

— Я постараюсь! — Я тоже в это верил.

Естественно, когда сделали операцию, ни о каком катании и речи быть не могло. Надо было восстанавливаться.

Я отправился в Индию. Эту страну я выбрал случайно. Мне хотелось уехать подальше, уединиться, побыть с самим собой. А там был подходящий для меня климат и теплое море.

Я бегал вдоль побережья. Начинал потихоньку — сначала по десять минут, потом постепенно увеличивал время. Стал подкачиваться — сначала пресс, потом спину.

Я решил доказать, что я еще боец и смогу достойно кататься.

Я хотел доказать это всем: зрителям, поклонникам, соперникам. И тем людям, которые в меня не верили и считали, что я уже не тот. Но прежде всего мне нужно было доказать это самому себе.

Вернувшись в Питер, я стал выходить на лед. Боли еще продолжались около двух с половиной месяцев, швы постоянно открывались и кровоточили.

Потом потихоньку, через боль, начал втягиваться в тренировочный процесс. У меня была цель — Олимпиада, золотая медаль, первая, и только первая, ступень пьедестала.

Конечно, после неудачного чемпионата мира было особенно тяжело, ведь до Олимпиады оставалось меньше года.

Многие тогда говорили:

— Плющенко сделали две операции, он теперь вообще не

встанет на коньки.

Первое Гран-при, в котором я должен был участвовать после операции, проходило в Петербурге. Все ставили на швейцарца Стефана Ламбьеля и француза Брайана Шубера. Мне было очень обидно.

Некоторые доброхоты звонили моей маме:

— Ну, Женя ведь после операции. Ничего страшного, если не выиграет.

— Он обязательно выиграет. Потому что он гражданин своей страны, он будет бороться за Россию. Мой сын не имеет права проиграть. Он должен победить!

В то, что я еще могу стать чемпионом, не верил почти никто. Только моя семья и тренер знали, что я смогу вернуться в спорт. И не просто вернуться, а стать лучшим в мире, фигуристом номер один.

А тогда про меня просто забыли. Почему-то, как только с тобой что-то случается, предыдущие заслуги легко забывают. Как будто их и не было вовсе, как будто и тебя больше нет. Тебя забраковали, списали, выбросили на помойку как отработанный материал. Все — ты умер.

16. Турин! Как много в этом звуке!

После неудачи в Солт-Лейк-Сити многие считали, что пик моей спортивной карьеры уже позади и что до следующей Олимпиады я не смогу продержаться в нужной форме; дальше я буду просто терять силы и через четыре года — в Турине — не смогу претендовать не только на первое, но вообще на призовое место.

И мы с Алексеем Николаевичем решили сделать контрвыход, на всякий случай предотвратить то, о чем все так много говорили.

Эти люди вышли на меня сами и предложили со мной поработать. К экстрасенсам они не имеют никакого отношения. Это психологи и психотерапевты, которым приходилось работать в очень серьезных структурах.

У них совершенно другие глаза. И с помощью взгляда, какой-то силы, невероятной энергетики эти люди способны делать нереальные вещи.

Мы работали вместе какое-то время. Мне было многое показано, рассказано, доведено до моего ума с помощью специальных тренингов и других способов, которыми владеют опытные психологи.

Благодаря им я стал более устойчив психологически, они же дали мне установку на победу. Нет, они не ездили в Турин и не гипнотизировали меня взглядом с трибун. Эта установка была дана задолго до открытия Олимпиады. Но возможно, она тоже помогла мне выиграть.

До Солт-Лейк-Сити я думал, что все рассказы о психологах и экстрасенсах — выдумки, сказки, истории из «Гарри Поттера»: борьба темных и светлых сил.

Но оказалось, что это не сказки, что всему этому есть место в нашей жизни.

Работа с психологами помогла мне не только стать более устойчивым в психологическом плане. Эти люди избавили меня от некоторых травм, причем без всякой медицины и хирургического вмешательства.

После Олимпиады-2002 у меня начались проблемы с менисками. Стало больно не то что кататься — просто ходить. Под коленом выросла косточка. Мы с моим агентом даже ездили в самую известную в Америке клинику, специализирующуюся на лечении менисков. Главный врач клиники рекомендовал безотлагательно сделать операцию.

Врачи рекомендовали ложиться на операцию.

Тогда, во время консультации, я спросил у доктора:

— А что будет потом?

— Мы, конечно, сделаем все возможное. Но не факт, что эта косточка не вырастет снова.

Естественно, что от операции я отказался.

А мои психологи здорово мне помогли. Делали точечный массаж, иногда просто держали руки на небольшом расстоянии от очага воспаления, и боль действительно ушла, а косточки не стало. До сих пор не знаю, куда она делась, — рассосалась, что ли? И как это объяснить.

О работе с психологами я не могу рассказывать подробно, хотя это было бы интересно. Но информация эта закрытая — она о том, как готовиться к самым главным соревнованиям в твоей жизни, чтобы выиграть их.

Меня многие спрашивают: открой секрет, как ты готовишься к самым важным стартам? Я пока не могу позволить себе открыть эту тайну. Именно поэтому я никогда не пускаю на свои тренировки ни журналистов, ни других посторонних. Пока эта дверь заперта на крепкий замок.

Турин. Сейчас это для меня — самый счастливый город на земле. Золотой город.

Все складывалось хорошо изначально. Сезон отличный: и Россия, и Европа — золотые медали.

У меня за плечами был уже 2002 год — моя первая Олимпиада. Тогда я сильно переживал, мне безумно хотелось выиграть. Меня все на Олимпийских играх удивляло, рассеивало мое внимание, впечатления сменялись с головокружительной скоростью.

Когда ехал в Италию, я уже знал, что такое Олимпиада. Знал, что такое олимпийская деревня и как протекает жизнь под ее крышами.

Я был абсолютно спокоен. Мне комфортно, настроение отличное, самочувствие идеальное. Федерация фигурного катания специально для меня сняла отдельную квартиру. Я следил за питанием, диетой, высыпался и соблюдал режим. Вместе с тренером и хореографом мы постоянно ходили гулять, дышали свежим воздухом. Мое состояние контролировал врач сборной России Виктор Аниканов, он был моей опорой на всех соревнованиях.

До Олимпиады в Турине мне часто снилось, что я прыгаю. Я выполняю на льду нереальные элементы, и зал ликует, взрывается овациями. Ощущение победы переполняет — наконец-то я добился того, о чем мечтал столько лет! Я поднимаюсь на

пьедестал почета, золотая медаль сияет и переливается в лучах прожекторов.

И сейчас, после Олимпиады, мне часто снится, что я продолжаю кататься и обязательно выигрываю.

В своих снах я никогда не падал, мне никогда не было больно. Иногда во сне у меня появлялось предчувствие, что я не смогу сделать какую-то фигуру или упаду во время сложного прыжка. Но оставались доли секунды и… я благополучно приземлялся. Я никогда не видел себя в падении. Всякий раз в последний момент я выравнивался, делал нужный каскад и с триумфом заканчивал выступление.

Странно, но в Турине я вообще не видел снов. Не знаю, может быть, я так крепко спал, что просто снов своих не запомнил.

Турин не остался для меня незнакомым объектом, этот город я хорошо знал.

В 2005 году именно здесь проходил чемпионат Европы, который я выиграл. И несколько показательных выступлений, в которых я принимал участие, были здесь же — на катке, спустя год ставшем олимпийским. Мой агент Ари Закарян специально договорился и организовал шоу.

С туринским льдом мы не раз уже встречались и стали приятелями. Я знал его качество, знал, как на нем следует кататься. Он был для меня тренировочным катком.

С Алексеем Николаевичем мы готовились к той олимпиаде так, чтобы гарантированно доехать до медали. Первая задача — в короткой программе выйти без всяких эмоций и оторваться от соперников на максимальное количество баллов. Так и получилось.

У меня были достаточно сильные соперники: Джонни Веер — трехкратный чемпион Америки, швейцарец Стефан Ламбьель — чемпион мира, француз Брайан Жубер — чемпион Европы, японец Дайдзуке Такахаши и канадец Джефри Баттл — призеры первенства мира.

И все они «посыпались» после моей короткой программы — я от них оторвался.

Но и на произвольной программе расслабляться было нельзя.

— Женя, пока не сделал все основные прыжки, пока не доехал до дорожки, никаких эмоций. Раскрепоститься можешь только после дорожки! — говорил мне Мишин.

И я это сделал!

К Олимпиаде в Турине и я, и Алексей Николаевич подошли профессионально и сумели получить достойный результат.

К Олимпийским играм у меня была подготовлена отличная программа.

Короткую я катался под «Тоску» Пуччини, а произвольную — под музыку Нино Ротто из знаменитого фильма «Крестный отец».

Специально для меня эти две композиции обработал и сделал уникальные скрипичные версии венгерский композитор Эдвин Мартон.

С Эдвином мы познакомились в 2002 году в Швейцарии на шоу «Art on Ice». Это уникальное шоу со звездами не только фигурного катания, но и музыки, продюсер которого — мой хороший друг Оливер Хенер. Я часто выступаю в этом шоу, где встретился с такими артистами и группами, как Глория Гейнер, Дзукеро, Сил, «Supertramp», «Moody Blue», «Fleetwood Mack». Он выступал на открытии, мне безумно понравилась его музыка и то, как он владеет скрипкой. Позже, на вечеринке, я подошел к нему и предложил поработать вместе.

С этой вечеринки началась наша дружба. Я приезжал к нему в Будапешт, в студию, он гостил у меня в Питере. Работая над олимпийской версией «Крестного отца», Эдвин подготовил более тридцати вариантов. Мы акцентируем внимание на прыжках, на каждой дорожке, на каждом шаге, на каждом выезде.

Когда работаем, я ничего ему не объясняю, просто начинаю танцевать. Движение пошло, и он начинает играть. Я прыгаю — музыка тоже прыгает. Второй, третий прыжок! Здесь я еду — и музыка едет вместе со мной. А вот пошла быстрая тема, затем медленная — здесь нужно пообщаться со зрителем, здесь отдохнуть.

У нас получился уникальный тандем, оказалось, что мы одинаково чувствуем музыку. Я — в движении, а он — в своей скрипке.

Мы стали первопроходцами. Никогда до туринской Олимпиады музыкант не выходил на лед вместе с фигуристом. В шоу такое случалось, а на соревнованиях — никогда.

Перед показательным выступлением я попросил организаторов, чтобы Эдвина пригласили на каток.

И мы вместе вышли на олимпийский лед. К подошвам его красивых ботинок надели специальные чехлы с шипами. Так что Эдвин мог совершенно спокойно передвигаться. Иначе, если бы он поскользнулся и упал, могла пострадать его уникальная скрипка, скрипка Страдивари.

Все танцевали в одиночку, а рядом со мной был друг, помощник, музыкант.

И в эти минуты на нас смотрели 500 миллионов человек во

всем мире. Это фантастика!

Эдвин — мой друг. У него очень легкий характер и отличное чувство юмора, он добрый и отзывчивый человек. Он хорошо играет в футбол и не очень хорошо водит машину. На коньках Эдвин стоит, правда, пока еще не научился тормозить. Но, я думаю, скоро научится. Мне с ним комфортно и душевно. За пять лет мы ни разу не поссорились, не поругались. Наоборот, наша дружба стала только крепче.

Во время Олимпиады произошел забавный случай. За сборную России по хоккею выступал спортсмен Дариус Каспарайтис, с которым мы уже были прежде знакомы.

Так получилось, что в олимпийской деревне нас постоянно путали. Вернее, его часто принимали за меня, особенно после того, как я уже стал олимпийским чемпионом. Мы действительно очень похожи. У нас практически одинаковые прически, светлые волосы, голубые глаза.

Стоило ему выйти на улицу, как на него накидывались гости Олимпиады, зрители:

— Плющенко идет! Евгений Плющенко! Женя, дай автограф!

Очень многие хотели с ним сфотографироваться и просили расписаться.

Бедный Дариус замучился всем объяснять, что на самом деле он никакой не Плющенко.

А ребята-хоккеисты посмеивались над его бешеной популярностью и на двери его комнаты написали крупными буквами: «Плющенко, ты молодец! Здорово сегодня попрыгал!»

Выступив на Олимпиаде, я сразу поехал в Питер — всего на несколько дней. Моя жена Маша была беременна, мне хотелось ее увидеть, поддержать. Хотелось повидаться с родителями.

Рано утром нас с Мишиным посадили в джип и повезли в аэропорт. Алексей Николаевич сел впереди, а я развалился на заднем сиденье и мгновенно заснул.

Разбудил меня пронзительный визг тормозов — я даже сначала подумал, что мне все это снится. Оглядываюсь, и в этот момент в нас врезается какой-то автомобиль. Мы догоняем машину, которая едет впереди, и врезаемся в нее. Она врезается в следующую…

Больше тридцати машин попало в ту аварию. К счастью, в нашем джипе никто не пострадал. Но многие из тех, кто сидел за рулем в других машинах, в то утро получили серьезные травмы — кто-то переломал ноги, руки, получил сотрясение мозга и черепно-мозговые травмы. По счастливой случайности никто

тогда не погиб.

Оправившись от удара, я вышел из джипа. Картинка жуткая: семь или восемь фур разломаны ровно пополам, остальные автомобили сплющились, стекла побились. Наша машина оказалась крепкой, только бамперы отвалились, других серьезных повреждений не было.

Причиной той массовой автоаварии стали туман и небольшой гололед: асфальт покрылся тоненькой пленкой льда. Итальянцы, как известно, народ темпераментный, носятся по трассе как сумасшедшие. Шипованную резину не надевают, поэтому гололед стал для них настоящим бедствием.

Нам, конечно, было не по себе. К тому же в аэропорту нас ждал чартерный рейс — самолет улетал через полтора часа, — мы выехали пораньше, чтобы оказаться в аэропорту заранее. В результате едва не опоздали, из-за нас даже пришлось задержать рейс.

Во время той памятной аварии мне не было страшно. За себя я вообще никогда не боюсь. Знаю, что я сильный и, даже если что-то случится, справлюсь.

Едва я вернулся после Олимпиады домой, как моя мама заболела. Ей внезапно стало плохо, и маму на «скорой» увезли в больницу. Вот тогда мне стало действительно страшно.

Мама очень переживала за меня, нервничала, очень хотела, чтобы я победил. Я стал олимпийским чемпионом, а она от переживаний слегла в больницу.

Мы с сестрой Леной и папой постоянно дежурили у ее постели. К счастью, все обошлось, и мама поправилась.

Олимпиада в Турине принесла много золотых, не только золотых, медалей.

Страна чествовала своих победителей. Нас, олимпийцев, принял президент России Владимир Владимирович Путин.

Спортсменов-победителей буквально осыпали золотым дождем. Давали премии, дарили машины и другие дорогие подарки.

Тогда Владимир Владимирович дал распоряжение правительству Петербурга выделить мне квартиру. И я благодарен за это и Путину, и Валентине Ивановне Матвиенко.

После этого в прессе появилось очень много публикаций о моих несметных богатствах. Будто у меня на самом деле десять квартир и миллионы в банках.

Мне противно и скучно все это читать. Я-то знаю, что каждый рубль, который у меня есть, я заработал своим трудом, потом,

травмами и нервами.

Но эта дареная квартира многих взволновала. Почему-то про других спортсменов, которым в разных регионах России давали премии и дарили квартиры, никто ничего не писал. Зато, как будто писать больше было не о чем, куда ни глянь — почему Плющенко дали квартиру?

А почему бы и нет? Почему бы не сделать это правилом и не давать всем олимпийским чемпионам квартиры? Это было бы здорово и справедливо.

Кстати, последняя Олимпиада действительно стала для спортсменов золотой. Таких подарков победителям никогда еще не давали.

А за квартиру огромное спасибо!

Сейчас я живу с моей семьей за городом, но в период интенсивных тренировок буду, конечно, жить в ней, ведь она расположена рядом с Дворцом спорта, где и находится мой тренировочный лед.

Прошло совсем немного времени после Олимпиады, и я узнал, что какой-то мальчик сделал программу, очень похожую на моего «Крестного отца». «Срисовал» ее прямо с телевизора, даже музыку скопировал, которую для меня обработал Эдвин Мартон.

Если не ошибаюсь, он катал ее на чемпионате мира.

Мне и в голову не приходило, что такое может быть. Ведь он не задумываясь воспользовался огромной работой, которую проделали мы с Эдвином. У нас ушла на эту программу уйма времени и сил. А потом появился какой-то мальчик и спокойно воспользовался результатами нашего труда.

Должен сказать, что так могут поступить только слабые спортсмены и тренеры, не уверенные в собственных силах. Для тех, кто реально на что-то претендует, такое поведение неприемлемо, ведь каждый уважающий себя фигурист обладает собственным стилем, да и катается он не просто так, а вдохновляясь какой-то своей идеей. Настоящий спортсмен — это прежде всего яркая индивидуальность.

С другой стороны, если мне подражают, может, это и неплохо. Если ее украли, значит, программа была действительно сильная.

Обезопасить себя от чего-то подобного впредь невозможно. Оформление эксклюзивных прав на музыку, на программу займет очень много сил, времени и денег. Я думаю, это не нужно, по крайней мере мне.

Кстати, тот мальчик, который откатал моего «Крестного отца», занял на соревнованиях одно из последних мест. Странно,

что он об этом не догадался: судьи запоминают самые яркие программы, особенно если их показывали лидеры фигурного катания.

После Олимпиады Международный олимпийский комитет предложил мне передать в Олимпийский музей какие-нибудь свои коньки и костюмы. Я обязательно это сделаю, вот только еще не решил, что именно выбрать.

Костюмов у меня очень много. Я их никогда не продавал, как это делают многие фигуристы. Почему-то мне не хочется с ними вот так расставаться. Для меня это — искусство, история из моей жизни, триумфальная или трагическая. Они все висят у меня в квартире — целый гардероб.

Самый первый костюм мне сшила мама: рубашечку из сиреневой шелковой сорочки и брючки из черного трико.

Второй костюм получился повеселей — белый, с красными лацканами, с воротником-стойкой и белой бабочкой.

С деньгами у нас было не очень, поэтому ткань для моих нарядов мама покупала в комиссионках. Распарывала ношеные вещи и шила мне новые рубашку и брюки. Изнаночная сторона становилась лицевой, и костюмчик смотрелся как новенький.

Мама шила очень быстро, за одну-две ночи.

Выкройки она делала очень оригинальным способом: укладывала меня на газету и так кроила.

Иногда поднимала среди ночи:

— Сынок, давай примерим!

Я, сонный, влезал в обновку и, не открывая глаз, стоял перед мамой, как оловянный солдатик. А она проверяла, всели в порядке.

В Петербургском дворце спорта «Юбилейный» мне выдавали костюмы напрокат. Когда из них вырастал, возвращал обратно.

Только потом, когда уже вышел на более профессиональный уровень, у меня появились мои собственные костюмы.

Появление каждого предварялось длительной работой. Сначала появлялись эскизы. Затем начинались примерки, долгие и мучительные. Страдали все: я, Мишин, стилисты, портные, мама. Обычно примерка проходила после тренировки и длилась два-три часа. Мне известно, что некоторые фигуристы во время таких мероприятий падают в обморок. Со мной подобного не случалось. Я, измотанный после прыжков, шагов, вращений и дорожек, во время примерки очень быстро начинаю нервничать и требовать, чтобы мои мучения поскорее закончились. Наверное, поэтому у меня нет нелюбимых костюмов. Они все выстраданные. Так же, как программы. Это твое детище: ты очень долго его

вынашиваешь, хочешь донести идею, смысл до зрителей, судей. Ты живешь своей программой. Приходишь домой и вспоминаешь: так, здесь что-то не то, здесь надо «троечку» сделать, а здесь — «скобочку». Вот тут — выдох, а в этом месте — более выразительный взгляд на судей. Важно, чтобы сочеталось все: музыка, пластика, костюм. Чтобы одежда, в которой выходишь на лед, была не просто блестящей и искрящейся оберткой, а подчеркивала силуэт фигуриста. Если это получилось, значит, костюм удался.

17. Звезды на льду

Еще до Олимпиады мне предлагали попробовать себя в роли ведущего развлекательных и спортивных программ. Но тогда это было невозможно — передо мной стояла цель, и от нее ничто не должно было отвлекать. Я сосредоточился на олимпийской победе.

А после Турина решил взять тайм-аут, отдохнуть от спорта.

В это время посыпались предложения.

Да, мне хотелось попробовать себя в роли ведущего — для меня такая деятельность была чем-то совершенно новым и непонятным, а это всегда интересно. И когда возник проект «Звезды на льду», а мне предложили его вести, я сразу же согласился.

Заранее было понятно, что такая программа, тем более после Олимпиады, где российские фигуристы взяли три золота и одну бронзу, будет пользоваться бешеным успехом. Так оно и получилось.

Картинка на экране действительно была очень красивая. А за кулисами шла другая жизнь, она была и веселая и яркая, но далеко не такая праздничная. Именно тогда, воочию увидев, что собой представляет эта работа, я телевизионщиков зауважал. В любом деле меня всегда восхищают профессионалы и их преданность профессии. Тут эти качества особенно востребованы. Ну и, конечно, крепкие нервы.

Мне было трудно. Но первые шаги даются с трудом не только на телевидении.

В фигурном катании, когда начинаешь готовить новую программу, поначалу ты тоже скован. Еще не отработаны движения, ты даже точно не знаешь, что в конечном результате из этого может получиться. Главное — не зажиматься и не бояться.

Не скрою, мандраж был. Я — абсолютный новичок в этом деле — приезжаю на съемки, до которых осталось полтора часа, а сценарий еще не утвердили! Ни для меня, ни для Иры Слуцкой. Я в шоке, ведь мне нужно время, чтобы подготовиться. А учитывая, что у меня такого опыта еще не было, мне на подготовку нужно гораздо больше времени, чем профессионалу.

Каждая программа снималась очень долго, по восемь — десять часов. Не раз получалось, что съемки нельзя было вовремя начать из-за какой-либо, на первый взгляд, мелочи. То свет не поставлен, то спортсмены не готовы, то зрители еще не пришли,

то кто-то встал не там, где нужно. Как мне потом объяснили более опытные товарищи, это был обычный съемочный процесс. При всем желании и опыте с первого раза трудно добиться от огромного числа занятых в шоу людей, чтобы они точно выполняли то, что от них требуется.

Предварительно нам с Ирой сказали, что во время записи программы мы сможем пользоваться электронным суфлером. Когда ведущие читают текст со специального экрана, они не сбиваются и ничего не путают, а если этот текст они хотя бы пару раз заранее прочли, то и интонацию держат ту, какая нужна. Каково же нам было, когда во время одной из репетиций вдруг объявили, что суфлера не будет!

— Будете учить текст, — поставили нас перед фактом.

Для того чтобы выучить свой текст наизусть, надо иметь специально тренированную память. А за час это сделать невозможно. Я уже не говорю об именах. Участники шоу постоянно менялись, иногда и в судейской бригаде появлялись люди, которых мы не знали и видели первый раз. К тому же когда программа снимается несколько часов подряд, к концу уже голова идет кругом, начинаешь путать даже те имена, которые прекрасно знаешь.

Помучившись с нами, постановщики шоу пришли к выводу, что нужен наушник, в который нам будут подсказывать наши слова. Наушники вскоре появились. Сейчас на вооружении у телевизионщиков уникальная техника, а нам с Ирой почему-то принесли какие-то музейные экспонаты. Они постоянно барахлили или в них звучало эхо, и чаще всего мы слышали не суфлера, а отзвуки собственных голосов…

Конечно, нам всем, и участникам, и ведущим, и съемочной бригаде было интересно вместе работать в этом проекте. У нас собралась уникальная команда. Мы перезнакомились и подружились. Артисты постоянно шутили — травили анекдоты, рассказывали всякие байки, прикалывались друг над другом. Когда в раздевалке собиралось трио Бутман — Носик — Башаров, все остальные буквально лежали от хохота.

Профессиональные спортсмены помогали артистам осваивать какие-то элементы, подсказывали, как добиться нужного результата, а иногда по-доброму подтрунивали над ними. Один раз олимпийская чемпионка по синхронному плаванию Маша Киселева, услышав смех фигуристов, не выдержала, подъехала к бортику:

— Смейтесь-смейтесь! Вот когда будут снимать шоу «Звезды в

воде», тогда и на нашей улице будет праздник!

В съемочном павильоне мы отмечали дни рождения Леши Тихонова, Лены Бережной, Антона Сихарулидзе. Выносили торт, виновникам торжества дарили подарки.

Конечно, это были не Олимпийские игры, не чемпионаты мира или Европы, где каждый спортсмен в себе и за себя. Здесь все старались помогать друг другу. Конкуренты на шоу, а в жизни супруги, тренер и спортсменка Александр Жулин и Татьяна Навка что-то друг другу подсказывали.

Замечательная спортивная пара Алексей Тихонов и Мария Петрова на съемочной площадке тоже оказались конкурентами. Но на репетициях все видели, как Леша опекает Машу и ее партнера саксофониста Игоря Бутмана, подсказывает им какие-то движения.

Но за первые места все боролись самоотверженно, со спортивным азартом и волей к победе.

Артисты очень волновались и постоянно репетировали. Делали прогоны программ. Подходили ко всему ответственно и серьезно. Иногда и меня просили посмотреть номер. Рома Костомаров с Катей Гусевой что-то показывали, Башаров с Навкой.

Самое веселье во время репетиций на льду, как правило, проходило без меня. Я прибегал на съемочную площадку, садился в уголок и внимательно изучал сценарий, репетировал. Я репетировал даже когда меня гримировали, мыли голову.

Одним из самых серьезных разочарований шоу «Звезды на льду» были для меня костюмы.

Еще до начала съемок я предложил организаторам и продюсерам:

— Я готов сам ездить по магазинам и выбирать себе одежду. У меня есть стилист, который может мне в этом помочь.

— Не переживай, — ответили продюсеры. — Мы костюмы вам предоставим.

— Хорошо, давайте мне хотя бы три варианта, чтобы можно было выбрать.

В результате вариантов было максимум два, и оба, как правило, мне не нравились, не шли, не подходили. Костюмы были неудачные, рубашки почему-то тоже, причем, не моего размера. И все делалось на скорую руку. Порой приносили неглаженые вещи. Это раздражало.

Иногда, например, давали костюм, забыв про брючный ремень.

Прошу костюмеров:

— Дайте ремень!

— А зачем?

— Я некомфортно себя чувствую.

— Да ничего страшного, и так нормально смотрится!

Ну не могу я без ремня! В результате несколько раз выходил к камере в своих брюках и своем ремне.

Конечно, я не просто был ведущим шоу «Звезды на льду». Еще я был болельщиком. Какие-то пары мне были более симпатичны, и я многим поставил бы 6,0.

Я часто не соглашался с судьями, которые, как мне кажется, ставили некоторым парам незаслуженно низкие оценки.

Считаю, что Лену Бережную и Александра Носика засудили. Может, Саша не особенно сильно катался, зато какая это была эффектная пара! С хорошим, добрым юмором.

Просто, похоже, кое-кто из судей их невзлюбил и пытался сделать все возможное, чтобы они поскорее из проекта ушли.

Бережная и Носик стали не единственными, к кому судьи, как мне кажется, придирались.

Классно смотрелись Антон Сихарулидзе и Глюкоза. Но их изначально оценивали недостаточно высоко. Потом Глюкоза ушла из проекта, объявив о своей беременности, и на ее место пришла гимнастка Юля Барсукова. Юля и Антон тоже смотрелись великолепно. Они выполняли такие поддержки, каких профессиональные пары не делают даже на международных соревнованиях. Но их тоже засудили.

Номер «Слепой», с которым выступили Александр Жулин и Ингеборга Дапкунайте, просто фантастический! Благодаря Жулину программа получилась удивительно красивой и профессиональной. Они должны были победить в тот день, но им почему-то самых высоких баллов не поставили.

Зато некоторые пары откровенно вытягивали.

Говорят, когда телеведущая Оксана Пушкина решила принять участие в проекте, она больше всего боялась строгости главного судьи этого шоу Татьяны Анатольевны Тарасовой. Это она зря. Опасаться ей было нечего, ведь Пушкина каталась с любимым учеником Тарасовой Алексеем Ягудиным.

Откровенно говоря, в самом начале проекта пара была слабая, но они уверенно прибавляли, к тому же их периодически вытягивали. В одной из первых программ у них был номер, сделанный на музыку из кинофильма «Однажды в Америке». Алексей спускается по трапеции сверху, делает акробатический

номер, потом подхватывает Оксану на руки и катает ее по катку.

Номер получился очень красивым, смотрелся здорово. Правда, две трети времени Ягудин работал один, а потом буквально катал Оксану по льду. Можно сказать, что тогда пары Ягудин — Пушкина, пожалуй, еще не было, хотя им и ставили высокие баллы.

Мне бы хотелось, чтобы в этом проекте у ведущих тоже было право голоса, чтобы они могли возражать, не соглашаться, когда, по их мнению, судьи не правы. Если бы и у нас, и у зрительного зала были кнопочки для голосования, было бы куда справедливей. Лично я был со многими оценками не согласен.

Но при этом должен сказать, что три пары, которые заняли первые места, действительно этого достойны. Алексей Тихонов и Анна Большова так подошли друг другу — и эмоционально, и по катанию, и по образам! Два спокойных взрослых человека. И катались они изумительно.

Александр Жулин и Ингеборга Дапкунайте — нет слов. Марат Башаров и Татьяна Навка — великолепно!

И наверное, правильно, что именно Башаров — Навка стали чемпионами. Все-таки паре, в которой профессионал мужчина, кататься легче, им проще подготовить выигрышный номер, который будет лучше смотреться хотя бы за счет сложных поддержек. А Башаров — талантливый актер, не фигурист. И на льду он сделал буквально невозможное.

Меня очень удивило, что одну из передач, уже в конце, вели Оксана Пушкина и Алексей Ягудин. Я считаю, что каждый должен добросовестно выполнять ту роль, на которую его пригласили. Кстати, Оксана появлялась в роли ведущей проекта и в самом начале, но потом со мной на лед вышла Ира Слуцкая. Мне очень приятно было работать с Ирой, она очень веселый и добрый человек, к тому же мы с ней отлично понимали друг друга.

На мой взгляд, было неправильно и некорректно, что в судейскую команду шоу «Звезды на льду» не пригласили моего тренера Алексея Николаевича Мишина. Позвали многих из тех, кто в разное время воспитал олимпийских чемпионов, а Мишина из списка вычеркнули.

Я подходил к продюсеру проекта, просил:

— Пригласите, пожалуйста, моего тренера. Он изъявил желание, он хочет участвовать в шоу и обязательно приедет.

— Ну… У нас уже приглашены гости, все расписано, наверное, не получится.

Я могу только предполагать, почему так получилось.

Во всем, что касается спорта, соревнований, у нас с Алексеем Николаевичем полное единодушие. На многое мы смотрим одними глазами, у нас одинаковые принципы. Поэтому если кто-то из тренеров не любит Мишина, то соответственно не любит и меня.

На шоу, поскольку я был не участником, а ведущим, показать эту нелюбовь не получилось. Напротив, мне порой расточались улыбки, комплименты, иногда в мой адрес звучала грубая лесть. Но я-то знаю, что это говорилось неискренне, и мне было неприятно участвовать в таком своеобразном спектакле.

Ощущение вселенской любви на шоу было, конечно, несколько наигранным. Там ведь работают профессионалы — звезды кино и шоу-бизнеса, известные тренеры и спортсмены, которые тоже не понаслышке знают, что такое телевидение. Но все они действительно самоотверженно тренировались, чуть ли не в ущерб основным своим занятиям. И это никого не могло оставить равнодушным.

После проекта «Звезды на льду» я ездил со своим шоу по стране. И в одном из городов ко мне подошла женщина, протянула записку:

— Женя, прочти обязательно и дай мне ответ. — А уходя сказала: — Пора творить добро!

Я ничего не понял. Читаю записку:

«Моей дочери 14 лет. Программу «Звезды на льду» мы смотрели всей семьей и поняли, что действительно за два месяца можно научиться фигурному катанию: прыгать, вращаться, делать сложные элементы. Мы купили дочери фигурные коньки. Женя, будьте тренером у моей дочери, только бесплатно. Пришло время творить добро».

Меня не смутило слово «бесплатно». Я провожу мастер-классы для детей в разных городах, где бываю. И считаю, что это здорово. Надо молодое поколение двигать в спорт, чтобы они не бегали по дворам и не торчали по подворотням.

Посмотрев программу «Звезды на льду», зрители легко поверили в то, что за два месяца действительно могут с нуля научиться кататься как профессиональные фигуристы. Со всей ответственностью могу сказать: это невозможно. Принимавшие участие в программе звезды действительно научились делать сложные вещи, но это, конечно, нельзя назвать полноценным фигурным катанием.

Не стоит забывать, что проект «Звезды на льду» — это шоу. А

в шоу все выглядит не совсем так, как на самом деле, таков уж закон жанра.

Хотя все передачи снимались заранее, ни одной из них я так и не посмотрел. У меня не получалось по времени: после телевизионных съемок я уезжал кататься в шоу, выступал в Японии и Америке, по городам России. Но мои родители записали все программы. Думаю, когда будет время, я обязательно их посмотрю. Мне интересно увидеть, как это выглядело на экране, вспомнить съемки, наши с Ирой переживания, волнение участников и судей.

Главным для себя итогом я считаю то, что и я, и Ира Слуцкая справились со своей задачей. И сейчас за работу на проекте «Звезды на льду» я ставлю нам твердую пятерку — разумеется, по пятибалльной системе.

После «Звезд на льду» был проект «Властелин горы». Я долго не соглашался: съемки занимали очень много времени, а в это время у меня был запланирован тур по Великобритании. Но потом меня убедили, и я все-таки дал свое согласие, а от участия в туре шоу отказался. И не только из-за денег. Интересно было посмотреть, что из этого получится.

Очень интересный и экстремальный проект. Все участники действительно шли до конца, боролись изо всех сил — мне это очень понравилось.

Правда, было очень много травм.

Мне очень жаль девочку из Украины. В первом конкурсе нужно было, держась за огромный шар и пытаясь им управлять, спуститься с горы.

Почему-то, когда репетировали, никакого трамплина не было, а на съемках задачу усложнили.

Оттолкнувшись от трамплина, участница взлетает в воздух метров на восемь, падает и ломает руку. И при падении прокусывает и разбивает себе губу! Ее тут же госпитализировали.

Участница из России порвала себе связки. В местном госпитале врачи, осмотрев девчонку, сказали, что ничего страшного не произошло. Но она снялась с соревнований, улетела в Москву, и там ей сделали операцию.

На проекте были очень сложные трассы и конкурсы. Мы спали по четыре-пять часов. Поэтому любую свободную минутку я старался покемарить.

Съемки проходили во Франции, в горах. Температура постоянно прыгала. Вроде бы только что было тепло — и вдруг появляются тучи, поднимается ужасный ветер. У нас рвется

кабель, и мы остаемся без освещения. Три часа бездействия. Зуб на зуб не попадает.

Я подошел к организаторам:

— Отпустите меня, пожалуйста. Пойду полежу.

У нас в гостинице была сауна. Зайдя туда, я снял с себя только куртку и ботинки. В двух толстых непродуваемых штанах и свитере я 25 минут сидел в сауне и дрожал, как осиновый лист — не мог согреться. А потом еще полчаса наслаждался теплом.

Но атмосфера на съемках «Властелина горы» была очень хорошая. На этом проекте у меня появилось много товарищей, мы и сейчас встречаемся и созваниваемся. Возникали паузы, и у меня появлялось время на общение. Мы боролись, катались на лыжах, я попробовал проехаться на сноуборде. 20 минут промучился и бросил — не пошло. Так что есть к чему стремиться — теперь мне обязательно надо покорить сноуборд. Я благодарен Первому каналу за то, что мне дали возможность попробовать себя в качестве ведущего шоу.

18. Шоу-мечта

«Золотой лед Страдивари» — это шоу моей мечты, я вынашивал эту идею несколько лет. С тех пор как познакомился с Эдвином Мартоном, мне хотелось соединить катание и живую музыку. Я много выступал в Америке и видел, в какое феерическое зрелище можно превратить фигурное катание, если соединить разные жанры.

У меня получилось собрать большую, профессиональную команду спортсменов и менеджеров. Я очень благодарен моему агенту Ари Закаряну, с которым мы вместе работаем одиннадцать лет, и Павлу Фенину, генеральному продюсеру «Ice-Vision». Именно благодаря этим двум людям, которые помогают мне в работе уже много лет, и стал возможен тур «Золотой лед Страдивари».

В нашем шоу было три главных героя — я, Эдвин Мартон со своей уникальной скрипкой Страдивари и Ира Слуцкая. С нами выступал кумир моего детства, талантливый фигурист Виктор Петренко, пара из Украины Елена Грушина и Руслан Гончаров, выступавшие в телепроекте РТР «Танцы на льду», пятикратные чемпионы Америки Наоми Ланг и Петр Чернышев.

Состав участников постоянно менялся, и в этом тоже была прелесть шоу. Было много артистов смешанных жанров. Ледовые акробаты и потрясающие актеры Владимир Беседин и Алексей Полищук. Когда на плазменных экранах крупным планом показывали их лица во время выступления, зал покатывался со смеху. Ледовый акробат Сергей Якименко — он единственный в мире, кто делает самые сложные акробатические прыжки на льду. Серебряные призеры Европы Юлия Обертас и Сергей Славное и подрастающее поколение Артур Гачинский и Никита Михайлов чередовались, поскольку им постоянно надо было то на сборы, то на тренировки.

График был очень напряженный: каждый день нас ждал новый город. А учитывая размеры нашей страны, можно себе представить, какие резкие перепады температур нас ожидали.

Мы улетали из Петербурга в Мурманск. У нас было +3 °С, а в Мурманске -33 °С. У всех от холода зуб на зуб не попадает, никто ничего не понимает. Но забавнее всех на жутком морозе смотрелся Эдвин Мартон, который прилетел в кедах. У него в Венгрии всегда тепло!

Перед началом шоу я должен был участвовать в церемонии открытия катка. Организаторы, должно быть, забыли нас

предупредить, что новый каток открытый. Приезжаем — а тут такая засада…

На фотографиях, которые мы сделали на том катке, изображение получилось размытым, словно в тумане. Когда мурманчане подходили ко мне за автографами, все они что-то говорили и у всех изо рта шел пар. Вот мы и получились на фотках, как ежики в тумане.

Но город меня потряс: столько солнца я не видел даже на юге.

— Слушайте, я же приезжал в Мурманск, и мне ваш город показался таким мрачным!

— Так вы в ноябре были, а это у нас разгар полярной ночи. А сейчас у нас полярный день.

Солнце, сопки, краски яркие — красота!

Из Мурманска мы рванули в Екатеринбург. В семь утра наш самолет сел на дозаправку в Сыктывкаре. Все вышли сонные и хмурые — накануне вечером мы выступали, ночь правели в самолете. Естественно, никто не выспался. Первое, что мы увидели, это выложенное огромными буквами на здании аэропорта: «Трижды орденоносная Республика Коми». Вторым впечатлением стал диктор с экрана телевизора — свежий и веселый: «Семь утра! Поздравляю вас с первым днем весны!»

Какая весна?! Сыктывкар, семь утра!

В Екатеринбурге было — 10 °С. Те, кто нашел в себе силы, в том числе Ира Слуцкая, отправились в аквапарк.

Из Екатеринбурга мы полетели в Вильнюс, там + 4 °С.

Я всегда думал, что литовцы — народ очень сдержанный. Но именно в Вильнюсе нас ожидали самые горячие овации. Люди стояли в проходах, бросали в нас цветами. Любой прыжок встречали аплодисментами, топаньем.

Кстати, в тот день в Литве отмечали День святого Казюкаса — литовский вариант святого Казимира, покровителя ремесел. По всему Вильнюсу его изображения, везде ярмарки, продавали поделки, мед, баранки. Было очень забавно.

После Вильнюса — Коломна.

Гражданин Венгрии Эдвин Мартон, обладатель бесценной скрипки Страдивари, обычно проходил таможню не так, как другие. Эта процедура всегда занимала у него много времени. Надо было заполнить декларацию, потом к нему подходил сотрудник Министерства культуры. Эдвин открывал свой чемоданчик, доставал лицензии, демонстрировал смычки — они у него не от Страдивари, но тоже очень хорошие и дорогие. Затем вооруженная охрана уносила скрипку в самолет.

По Сибири путешествовали на машинах.

В Новокузнецке мы узнали, что буквально за несколько часов до нашего приезда случилась страшная трагедия. В одной из шахт произошел взрыв, погибло более ста человек.

Мы готовы были отменить наше шоу. Но когда встретились с директором Дворца спорта, он сказал:

— Ни один человек не сдал билет, не было ни одного звонка, кто был бы против. Выступайте. Люди очень вас ждали.

Мы не знали, что нам делать, до вечера находились в подвешенном состоянии. Но все-таки приняли решение, что не вправе лишать зрителя нашего шоу, и вышли на лед. Только убрали из программы самые веселые номера.

Это выступление началось с минуты молчания. Потом мы выразили соболезнование близким погибших…

Когда выступление закончилось, к нам подходили жители этого города, плакали и благодарили.

С минуты молчания мы начинали свое шоу еще в двух городах — Новосибирске и Прокопьевске. Именно там многие знали погибших на шахте.

Потом в прессе появились высказывания наших конкурентов: «Как они могли?! Ради денег они готовы на все, даже в день траура!» А между тем сами они в день похорон Ельцина, когда вся страна была в трауре, свое шоу не отменили.

Неправда. Это было сделано совсем не ради денег, а ради тех, кто заранее готовился к нашему приезду, очень хотел посмотреть шоу. И мы готовы были отменить наше выступление в любой момент. Но тогда мы бы разочаровали людей, которые так нас ждали.

В Прокопьевске местные жители встречали наши автобусы прямо на въезде в город. Эти люди постоянно сталкиваются со смертью, но ведь жизнь продолжается, и они действительно заслужили, чтобы увидеть нечто такое, что запомнится надолго. Ведь одно дело — увидеть по телевизору и совсем другое — живьем.

По сибирским дорогам мы проехали почти две тысячи километров. А какие там дороги! Наш автобус, оборудованный по высшему разряду — со спальными местами и туалетами, — стабильно двигался со скоростью 20 километров в час, иногда — 40. Если удавалось разогнаться до шестидесяти, нам казалось, что мы летим.

У меня, в отличие от остальных артистов, была привилегия — время от времени я ехал на машине. Она двигалась быстрее, могла маневрировать и срезать какие-то особенно непроходимые участки пути. В машине у меня было оборудовано спальное место, и во время переездов я, естественно, дремал.

Просыпаюсь. За окном ночь. Машина стоит. Впереди — дорога, сзади — дорога, слева — лес, справа — поле. Март месяц, все в снегу. Мороз 10 градусов. Глушь, Сибирь.

— Чего стоим?

— Колесо пробило.

Колесо поменяли. Едем дальше. Вдруг снова незапланированная остановка. На этот раз пробило сразу два колеса.

Мобильный телефон в сибирских лесах не берет, автобус плетется где-то сзади, похоже, за сотню километров.

К счастью, водителям удалось кое-как залатать пробоины, и мы добрались до места.

Потом Эдвин Мартон рассказывал, как наш автобус спас на дороге девушку. Она попала в такую же ситуацию, что и я: у машины пробило колесо. Видимо, девушка экономила бензин, а потому сидела в холодной машине, ждала помощи. Замерзла страшно! Ей сказочно повезло, что в это время по Сибири путешествовали фигуристы. Ее пустили в автобус погреться, а наши водители тем временем починили ей колесо. Наш героический автобус спас эту девушку от лютой стужи, а то и от гибели.

Все это — и случай с девушкой, и случай с машиной, в которой я ехал, — произошло на одном, достаточно коротком отрезке пути. Наверное, место какое-то проклятое.

…Перед каждым выступлением мы играли в футбол. Организаторы и горожане, наблюдавшие за нашими матчами, делали большие глаза: ну надо же, фигуристы гоняют мяч!

На самом деле фигуристы перед тренировкой или выступлением всегда стараются поиграть в футбол, хотя бы минут 15–20, потому что это самая лучшая разминка, разминается сразу вся группа мышц!

Вот фигуристы и разминались в спортивных залах. А когда стало совсем тепло — например, в Ярославле, — прямо на улице, на траве.

Там же, в Ярославле, мы не увидели афиш своего шоу. Стали выяснять, оказалось, их сорвали.

Такое происходило и в нескольких других городах. Кое-что мы видели сами, иногда нам звонили наши агенты и сообщали, что афиши снова сорваны. Вот интересно, кому они могли понадобиться?

С шоу «Звезды на льду», также гастролировавшим по России, мы никогда не сталкивались. В каких-то городах выступали

раньше мы, в каких-то — они.

Правда, иногда возникали неприятные ситуации. Некоторые города отказывались принимать «Золотой лед Страдивари».

Мы приезжали выступать, а нам говорили открытым текстом:

— Мы не хотим, чтобы ваше шоу показывали в нашем городе. Мы работаем с Ильей Авербухом.

Мне приходилось встречаться с мэрами и губернаторами за столом переговоров. И, как правило, удавалось найти компромисс — мы привозили туда свое шоу.

Мы объехали 25 городов, и везде нам рукоплескали переполненные дворцы спорта. Нас ждали, нам радовались, о чем и сейчас приятно вспоминать.

В некоторых городах я проводил мастер-классы. Показывал детям движения, ставил руки. Это тоже очень важный момент.

Я хорошо помню себя в шесть-семь лет. Если бы тогда в Волгоград приехал Виктор Петренко и показал именно мне какое-нибудь движение, я был бы по-настоящему счастлив. О большем просто нельзя было бы мечтать. Поэтому по возможности стараюсь проводить такие встречи для маленьких фигуристов.

В перерывах между шоу я умудрялся решать другие дела. Между Челябинском и Казанью у нас образовалось окно в несколько дней. Я как раз стал депутатом Законодательного собрания Санкт-Петербурга, и мне нужно было получить мандат и принять участие в сессии.

Я со своим помощником сорвался в Петербург. Утром получил мандат, побывал на сессии и прямо оттуда махнул в аэропорт. Через несколько часов мы в Казанском аэропорту. Нас встречает машина, гоним по городу со скоростью 150 километров в час. Уже во Дворце спорта я буквально на ходу зашнуровываю ботинки и успеваю на шоу!

А в апреле и мае мне и еще нескольким участникам программы «Золотой лед Страдивари» нужно было кататься в американском шоу «Чемпионы на льду». И в перерывах между российскими городами мы умудрялись… летать в Америку!

В Москве «Золотой лед Страдивари» побывал дважды.

Нам хотелось подготовить для Москвы что-нибудь необычайно яркое.

У меня были контакты с Яной Рудковской, продюсером Димы Билана. И у нас родилась идея — объединить две звезды, Диму Билана и Евгения Плющенко. Артист поет на специально установленной сцене, а я танцую на льду. Он двигается — я двигаюсь, иногда делаем одинаковые движения.

За день до выступления, в Нижнем Новгороде, я получил

очень серьезную травму и практически не мог ходить. Вопрос о том, состоится ли шоу в Москве, стоял ребром. Но за час до начала мне сделали обезболивающий укол, и я принял решение выйти на лед. Тем более что у нас был полный зал, и на сцене меня ждал Дима Билан. Я катался, испытывая сильную боль, на прыжки уже сил не было. Но шоу получилось невероятно эффектным и было принято зрителями на «ура». На нас пришли посмотреть четырнадцать тысяч зрителей. Дима Билан — талантливый парень с потрясающей энергетикой и на редкость добрым сердцем. После этого шоу я очень сдружился как с Димой, так и с Яной. Задолго до нашего совместного проекта мне очень понравилась эта девушка, я восхищался ее трудолюбием и преданностью своему делу. В работе мы отлично понимаем друг друга.

Но потом мы снова выступали в Москве, и нужно было придумать что-то новое и оригинальное. И снова Яна Рудковская пришла мне на помощь в выборе звезд для моего нового шоу. Она предложила мне Тимати и Максим. Мне их творчество очень нравится, и я согласился. Конечно, мы выбрали лирическую песню «Плачут небеса», но припев там был боевой. Эта программа пользовалась успехом. Так же, как программы других фигуристов, составленные под композиции певицы Максим.

Мне бы очень хотелось в будущем выступить с Андреем Макаревичем, тем более что я уже катаюсь под его песню «Свеча», но пока как-то звезды не складываются.

Я убежден, что соединение фигурного катания и живой музыки — это наиболее удачная форма любых шоу. В Америке это практикуется уже давно. Там, в США, я выступал со многими певцами. Ты ведь и так катаешься под музыку. А когда приглашаешь звезд эстрады, они поют, а ты танцуешь — возникает совершенно другой эффект. И зрители уже иначе воспринимают номер. Получается, что они пришли не просто на фигурное катание, но и послушать хорошие песни.

И то, что мы делаем сейчас, — это только начало.

19. О любви

— Можно, я тебя поцелую?

— Мне мама не разрешает.

— А мне разрешает.

Мне пять лет, и я влюблен в Наташу Кузнецову, мы вместе занимаемся фигурным катанием и иногда ездим в одном троллейбусе от Дворца спорта.

Она очень красивая. Но очень строгих правил: если мама не разрешает, значит, целоваться не станет ни за что на свете.

С тех самых пор я влюбляюсь именно в красивых женщин.

Ведь когда знакомишься, ты еще совсем не знаешь эту женщину. И первым делом обращаешь внимание на ее внешность. А уже потом, когда начинаешь общаться, постепенно пролистываешь, читаешь этого человека, как книгу, изучаешь содержание. Потихонечку открываешь шкатулку и смотришь, что же там спрятано.

В женщинах я особенно ценю душевность и чувство юмора.

Раньше я очень легко знакомился. И каждый раз для меня важным было что-то другое. Ведь если ты хочешь пообщаться с женщиной и завтра ее уже не увидеть, это одно. Если же тебе кажется, что это твой человек, что ты хочешь идти с ним рядом по жизни, — это совершенно другое.

Не могу сказать, что я влюбчивый. Но красоту люблю.

Первой моей любовью стала Ульяна, о ней я уже рассказал.

А потом, уже после того как мы с Ульяной расстались, я встретил Машу.

Мы с приятелем ехали по Петроградке, по Каменноостровскому проспекту. Планировали добраться до Невского и там пообедать в каком-нибудь ресторанчике.

И вдруг я увидел, как по встречной полосе мчится кабриолет темного цвета. Скорость у машины — фантастическая! Аза рулем очень красивая темноволосая девушка.

У меня в голове что-то щелкнуло, переключилось, я развернулся и рванул за ней. Мы догоняли эту машину минуты четыре. А девушка делала вид, что нас нет, хотя скорость прибавила. Наконец мы поравнялись. Кабриолет притормозил. Я тоже.

Маша была с подругой. Подруга меня сразу узнала. А Маша… Потом она сказала, что якобы не узнала, но мне кажется, она

слукавила, на самом деле она сразу поняла, кто я такой.

Разговор начал мой приятель:

— Девчонки, давайте знакомиться!

Мы погоняли по городу. На таких быстрых машинах, как у нас, — это одно удовольствие. А вечером все вместе пошли ужинать в ресторан.

Перед тем как расстаться, обменялись телефонами. На следующий день Маша улетала отдыхать в Турцию, а я — в Болгарию, на тренировочные сборы.

У моего приятеля с Машиной подругой отношений не получилось. А мы стали общаться. Я звонил из Болгарии, мы подолгу болтали. А вернувшись в Петербург, сразу договорился о встрече.

Еще до знакомства с Машей мне хотелось завести семью и чтобы у меня было много детей. Я мечтал об этом, считая, что вполне готов к семейной жизни. Я всегда казался себе взрослее своих сверстников и в 22 ощущал себя окончательно сложившимся мужчиной. Я знал, что смогу нести ответственность и за любимую женщину, которая станет мне женой, и за детей, которые у нас появятся…

Именно в такой момент своей жизни я и увидел на Петроградке кабриолет и девушку за рулем — красивую, яркую, отчаянную.

У нас начались отношения. Мы постепенно узнавали друг друга. И чем больше времени проходило, тем отчетливее я понимал, что хочу быть рядом с ней. Меня к ней тянуло, казалось: вот она, та женщина, с которой я готов идти рядом по жизни, вместе воспитывать детей, вместе состариться.

Маша жила с родителями, а когда я возвращался с соревнований, переезжала в мой загородный дом, где жили я и моя семья. Мы прожили год до того момента, как подали заявление в ЗАГС.

И все это время мне казалось, что у нас все здорово, все хорошо. Хотя трудности возникали с самого начала, бывало, что ругались, причем всерьез. Но и мирились очень быстро. Я понимал, что у нее сложный характер, она отдавала себе отчет, что и у меня непростой. Если я на сто процентов уверен, что прав, уступать никому не буду, тем более женщине. Ссоры у нас возникали из-за недопонимания. Но я полагал, что, когда мы лучше узнаем друг друга, ссориться перестанем, будем чувствовать и понимать один другого с полуслова.

Когда ссоры затихали и в наших отношениях царил мир, мне снова казалось, что Маша — мой человек. Я считал, что мы

одинаково думаем, даже делаем одинаковые движения, как в парном катании. И полагал, что вместе мы будем счастливы.

Я сделал Маше предложение стать моей женой. Она согласилась.

Мои родители приняли Машу. В тот момент им тоже казалось, что рядом с ней я буду счастлив.

Против свадьбы был только Алексей Николаевич Мишин. Его можно понять, до главного старта — Олимпиады в Турине — оставалось меньше года. И мой тренер считал, что семейная жизнь может выбить меня из строя.

Он звонил моей маме:

— Татьяна Васильевна, какая свадьба?! Надо готовиться к Турину!

Но я уже принял решение. Я, напротив, чувствовал, что именно перед Олимпиадой мне нужно сменить образ жизни.

Свадьба у нас была шикарная.

Мы пригласили многих друзей и знакомых, всего человек двести. Естественно, во Дворец бракосочетания все бы не уместились. Поэтому некоторые гости подъехали позже.

Мы пригласили даже губернатора Санкт-Петербурга Валентину Ивановну Матвиенко. Хотя сами до последнего момента не были уверены, что она найдет время и придет. Но она сумела прийти. И это было приятно.

Свадьбу справляли в ресторане «Астория». И нам разрешили в самом центре Петербурга устроить фейерверк, в парке напротив Исаакиевского собора.

Вообще-то такое никому не разрешают. Обычно салюты в центре города случаются только по большим праздникам: в День Победы, на Новый год, в День города, ну и… в день свадьбы Плющенко! Не такой шикарный, как в новогоднюю ночь, конечно, но все равно было супер!

В первую брачную ночь мы с Машей остались в отеле «Астория», в президентском номере. И собирались проводить там каждую годовщину нашей свадьбы.

На следующий день мы бороздили по Неве на корабле. Смотрели на город, в кают-компании состоялся отличный банкет.

А на третий день гости собрались на нашей даче. Пришло огромное количество гостей, весь поселок гудел! Было здорово, весело, шумно.

Конечно, можно было организовать свадьбу еще шикарнее: пригласить звезд, снять какой-нибудь дворец. Но мне этого не надо. На моей свадьбе были только свои, атмосфера была

замечательная, дружеская, и время пролетело просто стремительно!

Я был счастлив, опьянен любовью, праздником и фейерверками.

Хотя на своей собственной свадьбе даже шампанского не пригубил, пил только сок.

До Олимпиады оставалось меньше года. А я ровно за год решил для себя: ни капли алкоголя. Ни вина, ни пива, ни шампанского. Это было осознанное решение, связанное с моей собственной программой подготовки к Олимпийским играм.

Некоторые друзья удивлялись и сочувственно спрашивали:

— Тебя что, подшили?

— Зачем мне подшиваться? Я молодой, управляемый. Спортсмен все-таки. У меня просто Олимпиада впереди.

Мы веселились три дня, а потом улетели с женой в Турцию, в свадебное путешествие.

Еще до свадьбы некоторые мои друзья, познакомившись с Машей, не советовали жениться:

— Женек, не надо. Это не твой человек.

Но эти люди тут же становились для меня далеки, я никого не слушал и не слышал. Ведь я принял решение, и мне казалось, что я никогда об этом не пожалею.

20. Развод и девичья фамилия

В первый раз я ушел от Маши через два месяца после свадьбы.

Я и сам-то человек ревнивый. Но Маша!.. Она просто изводила меня своей ревностью. И что же было с этим делать, ведь я публичный человек, ревновать меня к толпе поклонниц или трибунам со зрителями — занятие бессмысленное, так и свихнуться недолго.

После свадьбы мы жили в ее квартире. Ко мне Маша переезжать не захотела, и я пошел ей навстречу.

На почве ревности и возникали у нас скандалы. Сначала это случалось нечасто. Но со временем разговоры на повышенных тонах происходили все чаще. Машу раздражало мое постоянное отсутствие, словно до нашей свадьбы она не знала, что жизнь спортсмена складывается из тренировок, соревнований и выступлений. Нужно ли говорить, что с этим ничего не поделаешь, — к такому образу жизни надо или приспособиться, или… не жить с этим человеком.

Однажды мы в очередной раз поругались. И меня это достало.

Я приехал во Дворец спорта на вечернюю тренировку. Меня пришла повидать мама — после свадьбы мы с ней почти не виделись: Маша не любила ездить к моим родителям.

— Мама, сегодня я к вам поеду.

— А что случилось? — всполошилась мама.

— Не хочу я с Машей жить. Ухожу от нее, устал.

Уже из загородного дома позвонил Маше:

— Я не приеду.

Тогда она приехала сама — и мы помирились.

Наша жизнь была похожа на морской шторм. После короткого затишья и полного штиля море встает на дыбы и бурлит, вода темнеет и начинает пениться, а на поверхность всплывает какой-то мусор.

Я терпеливо ждал штиля. Я понимал, что Маше тяжело. Жить рядом с известным фигуристом, публичным человеком всегда непросто. Тем более что ей было всего двадцать лет, и жизненного опыта явно не хватало. Плюс взрывной темперамент, с которым она сама не могла справиться.

Но любому терпению приходит конец. Порой ее ревность меня буквально убивала. Мне казалось, вот сяду я на стул — она и к стулу будет меня ревновать. Я постоянно слышал упреки и обвинения в свой адрес. Маша кричала, что я ей изменяю. Но я ее

любил и изменять не собирался. Мне больно было получать оплеухи за то, чего я не делал, о чем даже не помышлял.

Я полюбил Машину семью, ее родителей. Мы дружили, часто ужинали вместе.

Но потом произошло событие, которое затмило все наши предыдущие ссоры и скандалы. Оказалось, что Маша беременна! Я был счастлив, я так мечтал о ребенке, о сыне!

Через какое-то время мы вместе отправились делать УЗИ.

— У вас будет дочка, — уверенно сказал врач.

Я немного расстроился. Маша это заметила, и я поспешил ее успокоить:

— Мне не важно, кто это будет, мальчик или девочка. Я уже очень люблю нашего ребенка, вне зависимости от пола.

Но в душе я, конечно, хотел пацана.

А на следующем УЗИ мы узнали, что врачи ошибались, — у меня будет сын!

Это стало известно незадолго до Олимпиады. И когда стал на соревнованиях первым, свою победу посвятил семье — Маше и моему будущему сыну. Я поцеловал обручальное кольцо и послал в телекамеру Маше воздушный поцелуй — еще одно признание в любви, которое видел весь мир.

Мы заранее договорились с роддомом, где Маша будет рожать, посмотрели палату.

Буквально через несколько дней едем в машине, вместе с нами моя мама. Я вспомнил роддом.

— Ну вот, Маш, палата хорошая, все здорово. Ты родишь, и мы все к тебе приедем! — Настроение у меня было в тот момент просто отличное.

— Кто это мы? — насторожилась Маша.

— Я, твои родители и мои.

— Ты — это понятно. Мои родители — тоже понятно. А почему твои? Я не хочу!

Я не ожидал такого поворота событий:

— Как это не хочешь? А если я не захочу, чтобы твои родители приезжали?

— Мои родители — это мои родители.

И все это было сказано при моей маме!

Но в тот раз я сумел замять разгорающийся скандал — все-таки моя жена была уже на серьезном сроке.

Я улетел в Америку участвовать в шоу. Вернулся в Петербург накануне родов. Наконец у Маши начались схватки, и мы поехали в роддом.

Маша рожает. А я нахожусь за стенкой, в соседней палате, в коматозном состоянии: я только что прилетел с другого континента, сказывается и перемена климата, и смена часового пояса.

Ко мне вышел врач:

— Женя, иди полежи. Как родится, мы тебя сразу же позовем.

Заснуть я так и не смог. А когда услышал крик моего сына, не дожидаясь, когда позовут, зашел в операционную. Я сам перерезал пуповину, и акушерка передала мне малыша. Я взял его на руки и… заплакал от счастья! Я понял, что в этот момент произошло что-то действительно серьезное, настоящее.

Еще до рождения нашего сына мы с Машей выбирали для него имя. Вначале мне хотелось назвать его Александром, но потом мы с женой решили дать ему другое имя — Кристиан. И первые несколько месяцев, пока малыша не зарегистрировали, так его все и называли. А потом мой сын стал Егором.

В родильном доме я провел с Машей три дня. Отлучался только на тренировку и снова возвращался в палату, к ней и сыну.

Потом мне нужно было уехать на день в Москву, а по возвращении мы планировали, что Машу и малыша выпишут и я заберу их домой. Я хотел встретить жену с цветами, снять этот важный момент — выписку из роддома — на камеру.

Но она все решила сама. Вечером, пока я был в Москве, Машу и сына забрали ее родители.

Тогда мне почему-то казалось — вот родится сын, и все будет по-другому. Ребенок объединит нас, мы перестанем ссориться и забудем, что такое скандалы.

Но ничего подобного не произошло. Стало только хуже.

Маша по-прежнему беспрестанно меня ревновала. Стоило нам появиться в публичном месте, она тут же дергала меня:

— Ты зачем на нее посмотрел?

— На кого?

— Я все видела!

Ни на кого я не смотрел, пока мы были вместе. Я даже не думал об этом!

Маша читала все сообщения, которые приходили мне на мобильный, давала советы, с кем общаться, а с кем нет, закатывала скандалы, когда наступала пора ехать и выступать.

— Пора заканчивать с фигурным катанием, хватит! — решила Маша. — У тебя сын, будешь заниматься с моим папой бизнесом.

Машин папа успешный бизнесмен, и может быть, вместе с ним я не знал бы проблем в бизнесе, но у меня были другие

планы.

Мне жаль, что Маша не понимала, что только я мог решить, завязывать мне с фигурным катанием — делом всей моей жизни — или нет. Она почему-то считала себя вправе распоряжаться моей судьбой.

Когда мое терпение лопалось, я от Маши уходил. Это случалось несколько раз. Я уходил и не находил себе места. Уйти от жены, когда ребенку всего несколько месяцев, очень сложно. Я скучал по сыну. Пробовал наладить наши отношения еще раз, потом еще и еще…

Когда меня пригласили сниматься в долгоиграющем шоу «Звезды на льду», отношения у нас были, мягко говоря, напряженные.

Я предложил жене поехать вместе со мной. В Москве я снял бы для нее и сына удобную квартиру и возвращался бы к ним после съемок. Но Маша наотрез отказалась.

Перед отъездом я решил навестить моих родителей. Маша и здесь не захотела меня сопровождать.

Буквально через час звонит:

— Ты где? Немедленно возвращайся!

Я, конечно, решил остаться — мне надоело, что мной постоянно командуют. Я от такого обращения устал.

— Знаешь, я останусь у родителей.

— Если ты сейчас же не приедешь, твои вещи будут на помойке!

— Ну на помойке, значит, на помойке!

На следующий день мы приехали за вещами. Я и мои родители остановились недалеко от дома. Набираю ее номер:

— Маша, открой дверь, пожалуйста. Я заберу свои вещи.

— Я не собираюсь тебя пускать. Вот приедут охранники, они соберут твои шмотки и выставят их на порог. Тогда и заберешь.

Вещи выставили. А паспорт она не отдает.

После долгих и унизительных переговоров паспорт мне удалось забрать.

На четыре месяца я уехал на съемки проекта «Звезды на льду».

Через некоторое время я узнал, что Маша без меня зарегистрировала ребенка.

Сначала она поменяла фамилию и снова стала Марией Ермак, как до замужества. А потом на эту же фамилию зарегистрировала нашего сына.

Это очень сильно меня огорчило и еще больше отдалило нас

друг от друга.

Через какое-то время я узнал еще одну новость: Маша без меня окрестила Егорку.

Да, мы собирались крестить сына. Но я тоже хотел в этом участвовать. Я хотел, чтобы крестным Егора стал мой друг из Москвы. Мы с ним познакомились, когда мне было всего четырнадцать и меня еще никто не знал. Он мне здорово помогал, поддерживал.

Крестным нашего сына, по желанию Маши, стал футболист Александр Кержаков. Я не против Саши, но почему я-то об этом ничего не знал. В тот момент я даже на него обиделся, не мог понять, почему он ничего мне не сказал. Еще друг называется!

Сейчас прошло уже достаточно времени. Напряжение спало, и я в состоянии оценить ситуацию несколько иначе. Скорее всего Саша просто не смог до меня дозвониться. Я как раз сменил номер телефона, его номер в памяти телефона не сохранился, и мы на время потеряли друг друга из поля зрения. К тому же сейчас он живет в Испании, играет за «Севилью». Он очень хороший человек и талантливый футболист. Я слежу по газетам за его спортивной карьерой, он молодец. И думаю, что в будущем мы обязательно восстановим наши искренне дружеские отношения.

Несмотря на то что был в душе глубоко травмирован, я решил сделать еще одну — отчаянную — попытку вернуться, хотя и понимал уже, что жить с ней не смогу. Своей ревностью, своими постоянными скандалами она убила во мне все чувства.

Но я все-таки хотел вернуться — не ради нее, ради Егора.

Мы договорились, что Маша вернет моему сыну его настоящую фамилию.

А потом случилась еще одна история.

Моя мама приехала повидаться с Егоркой. Они с Машей прогуливались вдоль дома.

— Маш, в спорткомитете меня попросили прислать копию свидетельства о рождении Егора, — сказала мама.

— Хорошо, я вам дам.

— А ты фамилию сыну уже поменяла? — Мама задала этот вопрос совершенно спокойно.

— Что значит: поменяла! Я и не собиралась!

— Но ты же обещала Жене!

Маша схватила коляску и убежала в дом.

Мне все это надоело. Я понял, что даже ради ребенка, когда уже нет ни любви, ни взаимопонимания, жить вместе не стоит. Склеивать наши отношения было бессмысленно. Да и отношений

уже давно никаких не было. Только раздражение, которое накапливалось с каждым днем, с каждым скандалом, с каждым нанесенным мне и моей семье оскорблением. Конечно, я понимал, что отчасти в том, что все так сложилось, была и моя вина. Что-то я сделал не так. Но уже невозможно было ничего исправить.

Я подал на развод. И тогда Маша запретила мне и моим родителям видеться с сыном.

Когда Егору исполнилось восемь месяцев, мы с мамой отправили ему по почте подарки. Ходунки, машинки, паровозики. Я привез из Америки очень много красивых вещей для сына. Получилось несколько посылок. Это, конечно, ненормально — жить в одном городе и отправлять посылки. Но у нас не было другого выхода.

Посылки вернулись назад, Маша их не приняла.

Когда между выступлениями наступала непродолжительная пауза и я возвращался в Питер, я всегда пытался увидеться с Егоркой, мне хотелось подержать его на руках, понянчиться. Я звонил Маше, но она была неумолима.

Я привык решать все вопросы мирным путем, по-хорошему. И мне не хотелось войны, я не мог понять: что все они — Маша и ее родители — могут выиграть с помощью бессмысленных запретов?

Все мои мысли были только о ребенке.

Мне хотелось одного — видеться с ним. Чтобы я и мои родители могли его забирать хотя бы ненадолго. Могли поехать с ним куда-нибудь, купить ему подарок, отдать ему наше тепло и нашу любовь.

И какое-то время эти мечты, увы, казались несбыточными.

Этот брак станет для меня серьезным уроком. Да, мы были молодыми, вспыльчивыми и не понимали друг друга, никто из нас не хотел другому уступать. Но эта история закончилась. И несмотря на ссоры и скандалы, мы с Машей смогли договориться. Да, мы разводимся. Но теперь — как цивилизованные люди. Мы забыли все плохое. Я благодарен ей за то, что она родила мне такого замечательного сына. Этот ребенок желанный для нас обоих, и он будет расти в любви, пусть даже его родители и не станут жить вместе. Маша — заботливая мать, она любит нашего ребенка, и я не сомневаюсь, что она и ее родители сделают для него невозможное. А Маше я желаю счастья, желаю встретить такого человека, с которым ей будет комфортно. Наверное, мы оба в будущем учтем уже совершенные ошибки и новую жизнь, новые отношения с другими людьми будем строить, оглядываясь назад и учитывая прошлый опыт.

Сейчас у меня есть девушка. Пока я не хочу даже называть ее имя, потому что слишком дорожу ее спокойствием и душевным состоянием. Но если у нас все сложится, я не стану ее прятать.

Отныне я регулярно вижусь с сыном.

Егорка, как и я, пошел в девять с половиной месяцев. У него такие же крепкие и сильные ноги, как у меня, его отца.

В десять месяцев он уже говорил два слова: «мама» и «баба».

15 июня 2007 года моему сыну исполнился год. Я заранее готовился к этому событию, закупил две машины подарков и за несколько дней до его дня рождения приехал к Егору. Он давно меня не видел и подзабыл. Расплакался и даже ко мне не пошел. Но потом освоился. И в его первый день рождения мы уже стали друзьями, он не слезал с рук, смеялся, повизгивал — Егор очень веселый и подвижный ребенок.

Я привез ему кучу подарков — самолет, паровоз, мотоцикл. Но самый главный подарок — это джип. Игрушечный, конечно, но выглядит как настоящий. Егор как истинный мальчишка оценил подарок. Залез в машину, начал рулить, жать на педали. Прокатился в своем джипе сначала с мамой, потом с папой.

Егорка очень спортивный мальчик. В свой годик он легко взбирается по лестнице на третий этаж, бьет мяч и правой, и левой ногой. Уже вовсю рисует, выводит какие-то каракули. Зарядил мне в глаз бутылкой — нечаянно, конечно, — и я потом два дня ходил с фингалом. Так что у него не только ноги сильные, но и руки.

Я думаю, что Егор вырастет очень спортивным ребенком. Хочу его отдать в футбол. Не исключено, что, когда придет время, поставлю его на коньки. Может, он будет заниматься фигурным катанием, может, хоккеем. Но то, что он будет сильным и спортивным, — это точно. И я обязательно и с огромным удовольствием буду в этом участвовать.

…А еще мой сын в свой первый день рождения сказал одно очень важное для нас обоих слово — «папа».

21. Я — депутат

Впервые я попал в Кремль в 1999 году после чемпионата мира. С нами, российскими фигуристами, тогда встретился премьер-министр Евгений Примаков. Он от души поздравил нас с победой.

Там же был президент Белоруссии. Он сразу же ко мне подошел:

— Женя — Плющенко, а я — Александр Лукашенко. Пора кататься за Беларусь!

— Да нет, спасибо. Я лучше за Россию покатаюсь.

Мандраж, конечно, был — Кремль все-таки. Сейчас я уже привык к таким встречам на высшем уровне. Это всегда очень ответственно, но какого-то нереального напряжения от подобных мероприятий я не испытываю.

С Владимиром Владимировичем Путиным в первый раз мы встретились в 2005 году на чемпионате мира по фигурному катанию в Москве. С тех пор виделись уже несколько раз — наш президент любит встречаться со спортсменами.

Были у меня встречи и с министрами, и с депутатами.

Но больше всего нас, спортсменов, удивило и порадовало внимание, которое было оказано нам президентом после Олимпиады в Турине — таких подарков нам никогда никто не дарил. Это приятно.

И встреча была очень теплая — за чашкой чая, без официоза.

Владимир Владимирович сам в прошлом спортсмен, и он прекрасно понимает, как важно поддерживать спорт и тех, кто сумел показать лучшие в мире результаты.

Летом 2007-го мы встретились с Владимиром Владимировичем на льду.

В Петербурге проходил Международный экономический форум. И в рамках форума было запланировано выступление фигуристов. Искусственный лед установили и закрепили прямо на Финском заливе.

Президент должен был подъехать на катере, и все боялись, что от катера пойдет волна, искусственный лед дрогнет и закачается, а фигуристов начнет штормить. К счастью, все обошлось, волн не было. Путин ступил на искусственный лед, прошел по ковровой дорожке, пожал мне руку, поцеловал,

спросил о делах и планах, поднялся наверх и стал смотреть наше шоу.

Это повелось еще с советских времен: после серьезных побед спортсменам, выступавшим за армейские клубы, присваивали следующее воинское звание. Случалось даже так, что можно было из лейтенанта в капитаны, а то и в майоры перепрыгнуть. Сейчас эта традиция остается. В восемнадцать лет, когда у меня наступил призывной возраст, я стал числиться в рядах Спортивного клуба армии — СКА Санкт-Петербурга. Должен сказать, что так обычно бывает со всеми многообещающими спортсменами: они проходят службу в армии без отрыва от тренировок. Считается, что они служат в спортротах. На самом деле все тренируются у своих тренеров и живут дома, но на соревнованиях выступают за СКА. Те, кто показывает хорошие результаты — становятся чемпионами или призерами, — автоматически освобождаются от службы в прямом понимании этого слова. В спортроты попадают только штрафники — те, кто отлынивает от соревнований или постоянно их проигрывает.

А чемпионы и призеры только время от времени ездят на военные сборы, делают то, что положено обычным солдатам и офицерам. Я, правда, в казарме никогда не жил — военные сборы всегда совпадали со спортивными сборами или соревнованиями. К тому же в 18–19 лет я как раз стал чемпионом России, Европы и мира. Все мои медали шли в зачет клубу СКА, и, естественно, никому и в голову не приходило отправить меня в роту, чтобы я там бегал кроссы, подтягивался и стрелял.

После того как армейский срок закончился, мне присвоили звание прапорщика и назначили помощником командующего СКА по тренерской работе.

Не могу сказать, что военная подготовка — нечто вовсе мне незнакомое. Я приезжал на военные сборы, участвовал в кроссах, мы играли в футбол, волейбол, просто общались. Я смотрел, как ребята-спортсмены работают на стрельбищах, разбирают на время оружие. В общем, все по уставу. Я и сам все это умею и, если возникнет необходимость, смогу и с пистолетом справиться, и с автоматом. Иногда, кстати, я езжу и на стрельбища.

Потом я стал лейтенантом, ну а уж после победы на Олимпиаде в Турине мне присвоили звание старшего лейтенанта, причем эти погоны с тремя звездочками мне вручал министр обороны Сергей Иванов.

Армия для меня — не пустой звук. Я постоянно общаюсь с ребятами из спецподразделения «Витязь», которые воевали в горячих точках, опекал нескольких раненных в Чечне солдат. У

этих девятнадцатилетних парней были очень тяжелые ранения, нужны были серьезные операции. И я, как мог, посодействовал тому, чтобы операции прошли успешно.

Но когда я стал депутатом Законодательного собрания Петербурга, из армии уволился. Теперь погоны старлея хранятся у меня дома.

Я давно уже был знаком со спикером Совета Федерации Сергеем Мироновым и, разумеется, с депутатом питерского ЗакСа и президентом Петербургской федерации фигурного катания Олегом Ниловым. Идея пойти в политику тоже возникла у меня не вчера. Я очень хорошо знаком с проблемами, которые постоянно возникают в спорте. Причем знаю их, что называется, изнутри. И я не случайно выбрал именно это направление деятельности: молодежь, спорт, туризм. Мне это интересно, и я действительно знаю, что в этой области надо сегодня делать.

Правда, все мы: и я, и мое окружение — полагали, что моя политическая карьера начнется гораздо позже. Но после Олимпиады в Турине наступил момент, когда я решил уйти из любительского спорта. Кататься в шоу мне было неинтересно, хотелось чего-то нового, какой-то настоящей деятельности, от которой будет польза не только мне и моим близким.

Так я пришел к решению баллотироваться на выборах в Законодательное собрание Санкт-Петербурга в 2007 году.

Я избирался по партийному списку. И поскольку был в тройке лидеров, в победе не сомневался.

Этот созыв в петербургском Законодательном собрании получился необычным, депутатами стали сразу три олимпийских чемпиона! Я, фигурист Антон Сихарулидзе и легендарная лыжница Любовь Егорова. А еще депутатом стала Лена Бережная, правда, не в Питере, а на Ставрополье.

После выборов ходили слухи, что я якобы намерен отозвать свою кандидатуру. Эти слухи усилились после того, как я не смог прийти на первое заседание, где всем вручали депутатские мандаты. В те дни я участвовал в шоу в Америке и по России. Но это вовсе не означает, что к своим депутатским обязанностям я отношусь халатно. Не для того я участвовал в выборах, чтобы просто так отказаться от своего депутатского мандата.

Где бы я ни был: в Америке, Европе или других городах России — я всегда в курсе того, что происходит в питерском

Законодательном собрании: какие вопросы там обсуждают, какие ставят на голосование.

Если меня нет в Петербурге, мы постоянно созваниваемся с моими помощниками и наставниками, обсуждаем позицию нашей партии, и я всегда оставляю за собой право иметь по каждому вопросу собственное мнение. Даже будучи за океаном, я принимаю участие в голосовании. Поскольку я очень часто нахожусь в разъездах, мы заранее составили доверенность, по которой мои помощники, руководствуясь моими указаниями, имеют право нажать кнопку, то есть проголосовать за меня. Такая форма участия в деятельности собрания совершенно законна, и ею пользуюсь не только я.

Приезжая в Петербург, я, естественно, бываю в ЗакСе. У меня даже есть там собственный кабинет.

Не могу сказать, что мне легко было сразу усвоить все мои депутатские права и обязанности. Это совершенно другая жизнь, отличная от знакомого мне до боли спорта. Но и такой вид деятельности меня вдохновляет. Я постоянно учусь, стараюсь вникать во все нюансы.

С депутатом Антоном Сихарулидзе мы, конечно, общаемся, хоть и состоим с ним в разных партиях. На заседаниях депутаты различных фракций спорят, не соглашаются друг с другом, сталкиваются лбами. Но мы с Антоном дружим. А как же иначе? Я знаю его с детства, мы столько лет в спорте, оба — фигуристы.

Когда люди болеют за общее дело, не важно, в какой партии они состоят. Надо находить общий язык и вырабатывать общее решение, чтобы от него была польза и городу, и петербуржцам, отдавшим за нас голоса, и стране.

Я учился в питерской школе № 91. Неплохая школа. Но спорт был у нас в совершенно запущенном состоянии. Маленький, душный спортивный зал. В школьном дворе — никакого намека на спортплощадку, никому и в голову не приходило поставить там хоккейную коробку или баскетбольные щиты с корзинами.

Правда, когда я зашел в свою школу уже будучи олимпийским чемпионом, я был приятно удивлен: площадка там все-таки появилась. Видимо, администрация решила: раз в этих стенах учатся будущие чемпионы, значит, спортивная площадка должна быть обязательно. И еще в моей школе появился спортивный класс. На моем примере все поняли, что юному спортсмену в общем потоке учиться невозможно. А образование

получать надо обязательно.

В Законодательном собрании я хочу продвигать именно это направление: чтобы в школах и во дворах строились спортплощадки, появлялись дворцы спорта. Не гигантские, зрелищные, а компактные, тренировочные.

Еще у меня есть мечта открыть школу-интернат, спортивный мини-комплекс, где будет несколько отделений: и фигурное катание, и футбол, и теннис, и хоккей. Чтобы ребятам после утренней тренировки не нужно было нырять в метро и ехать в общеобразовательную школу. Они примут душ и спокойно пойдут на уроки, которые будут проходить в той же школе.

В этом спортивном интернате должны быть столовая, гостиница, школа, площадки, массажные кабинеты, бассейн. Здесь будут готовить олимпийских чемпионов.

И если найду поддержку, я готов в этом деятельно участвовать.

Я очень хорошо помню свое детство. После тренировки я ехал в школу. Отсиживал уроки, снова ехал на тренировку. Все эти переезды отнимают очень много энергии. А в интернате появится больше времени, а значит, и запас сил, которые можно потратить более продуктивно. Вот такая у меня идея.

И учебный процесс следует строить иначе. Разъезжая по сборам и соревнованиям, спортсмены безнадежно отстают от одноклассников, а школьная программа не ждет отстающих. Необходим индивидуальный подход, и после возвращения к учебному процессу необходимо начинать с той темы, с того параграфа, на котором фигурист, хоккеист или теннисист остановился до отъезда.

Сейчас появилась замечательная идея: открывать дворцы спорта и катки в регионах, проводить семинары на местах, готовить в провинции своих тренеров и фигуристов.

Может быть, скоро откроются такие дворцы в Волгограде и Воронеже, которым, между прочим, собираются дать мое имя. Мне, конечно, это немного странно, но я прекрасно понимаю, что моя жизнь и мои спортивные результаты вполне могут стать тем положительным примером, который поможет новым поколениям спортсменов подняться на высшую ступеньку пьедестала на Олимпийских играх. Где и когда это будет — в 2014 году в Сочи или где-то еще, — в конце концов значения не имеет.

Спорт, и фигурное катание в том числе, необходимо популяризировать. В России есть громкие имена, которые знают во всем мире: Алексей Мишин, Тамара Москвина, Ирина Слуцкая, Алексей Урманов, Роман Костомаров и много других. Почему бы не открыть в разных городах нашей огромной страны спортивные дворцы и не назвать их именами великих тренеров и чемпионов?

У нас даже в Петербурге до недавнего времени был острый дефицит льда. И это в городе, где столько олимпийских чемпионов!

Ведь причина нашего конфликта, противостояния с Алексеем Ягудиным тоже частично заключалась в отсутствии тренировочного льда, в невозможности кататься по отдельности, чтобы друг другу не мешать.

Два сильнейших фигуриста планеты. Мало того что занимались у одного тренера, мы еще и на одном катке тренировались. Это, конечно, недопустимо.

В нашем городе существует замечательная традиция передавать свое искусство ученикам. Тамара Москвина вырастила олимпийского чемпиона Олега Васильева, Олег Васильев — олимпийских чемпионов Маринина и Тотьмянину. Может, и они в будущем начнут тренировать. Алексей Мишин был учеником Игоря Москвина, вырастил олимпийского чемпиона Алексея Урманова, теперь Урманов растит своих учеников. И всем нужен лед, нужно время.

Случалось такое, что наши тренеры и спортсмены, готовясь к крупным чемпионатам и олимпиадам, уезжали тренироваться в Америку. Это была не блажь, а вопрос выживания в спорте. И слава богу, что их там принимали.

Ведь еще и малыши должны кататься, чтобы составить достойную смену чемпионам. Сейчас, правда, значительно выросло число желающих заниматься фигурным катанием. А в начале девяностых был катастрофический недобор. Когда у родителей не хватает денег на еду, одежду, нечем платить за квартиру, им в голову не приходит вести своего ребенка в фигурное катание. Вот и образовался вакуум в те годы, а потому в секцию брали всех — слабый ребенок или сильный, растянутый или деревянный, это было не важно. Особенно мальчиков, которые во все времена были в большом дефиците, а в начале 90-х особенно. Вот мы и имеем сейчас печальный результат: смены нет.

Еще мне очень хочется, чтобы в Петербурге была школа танцев на льду, чтобы у нас появились перспективные девочки. Питер всегда славился только мужским и парным катанием, а Москва — женским катанием и танцами. Получился такой удивительный баланс.

Это просто здорово, что в Петербурге построили Академию фигурного катания — с просторными, прекрасно оборудованными тренажерным и хореографическим залами. Она единственная в мире! Когда к нам приезжают иностранцы и заходят в эти стены, все говорят в один голос:

— Ну, теперь понятно, почему у вас столько олимпийских чемпионов!

Иностранцам и невдомек, что эти олимпийские чемпионы выросли не здесь, а на одном льду, который им приходилось постоянно делить между собой во Дворце спорта «Юбилейный». Все олимпийские чемпионы из Санкт-Петербурга выросли именно на этом катке.

Мне приятно жить в моем городе, и я горжусь тем, что стал депутатом Законодательного собрания, потому что надеюсь сделать что-то хорошее для будущего нашей молодежи.

22. Группа поддержки

Что бы со мной ни случилось и как бы я ни катался, я всегда знаю, что есть люди, которые никогда в жизни от меня не отвернутся.

Это моя семья. Мои отец и мать, моя старшая сестра Лена.

Вместе мы преодолели очень многое. Когда-то нас разделяли сотни километров, мы с мамой жили в Петербурге, а папа с Леной — в Волгограде. Мой героический отец всех содержал. Было тяжело, иногда невыносимо тяжело. Но близкие верили в меня, в то, что в конце концов все встанет на свои места, мы снова заживем как прежде, и даже еще лучше.

Родители фигуристов — люди особенные. Если они отдали ребенка в большой спорт, то и сами посвящают себя этому спорту. Во многих семьях, где растут физически одаренные дети, которые подают серьезные надежды, возникают конфликты. И кто-то один из родителей, как правило, не выдерживает, семьи разваливаются. Мои родители сумели сохранить отношения, и наша семья вопреки всем трудностям, напротив, стала только крепче. У меня очень сильная мама и мужественный отец. Замечательная сестра Лена. В отличие от меня, спортсмена, она очень любила учиться — хлебом ее не корми, дай что-нибудь еще выучить. Она и со мной, маленьким, постоянно занималась. И сама умудрилась получить два высших образования.

У меня подрастает племянница Даша. Она вся в маму — тоже любит учиться. А вот с фигурным катанием дело у нее не пошло.

И я, и моя мама — ее бабушка — пытались поставить Дашу на коньки. Она встала. Но потом решила для себя, что для нее это слишком сложно, ей не понравилось, и она отказалась заниматься. Ну что же, я с пониманием отношусь к ее решению. Хватит в нашей семье и одного фигуриста.

Я по гороскопу Скорпион, как и все представители этого знака, бываю вспыльчивым и упрямым. Мама это знает лучше всех. Мы иногда спорим, я с ней не соглашаюсь, могу и вспылить. Но проходит совсем немного времени, и я понимаю, что мама, как всегда, оказалась права. Тогда я обычно прихожу к ней или звоню по телефону и обязательно прошу прощения.

У меня огромное количество знакомых по всему миру: и артисты, и юмористы, и политики, и военные, и, конечно, спортсмены. С некоторыми я подружился еще в детстве и с тех

пор поддерживаю с ними дружеские отношения.

Но настоящих друзей у меня не так много. Да ведь много и не бывает. У большинства людей, мне кажется, на всю жизнь остаются друзья детства. У меня таких нет. В школе я ни с кем не дружил, в фигурном катании, когда был пацаном, друзья тоже не появились. За исключением Саши Абта. Он старше меня и, когда мы встречались на сборах, как я уже говорил, обычно защищал от других спортсменов, которые меня обижали.

У меня вообще так почему-то сложилось, что все мои друзья старше меня. В Москве живет мой лучший друг Дмитрий, он бизнесмен и старше меня на двадцать лет. Мы познакомились случайно, когда играли в бильярд. Мне было всего 14, и я еще ничего серьезного из себя не представлял. Самым большим моим достижением была победа на чемпионате мира среди юниоров. И моего имени никто не знал. Дима мне очень много тогда помогал, и мы дружим, общаемся, созваниваемся почти каждый день. Еще мы очень дружим с акробатом Лешей Полищуком, мы часто встречаемся на разных шоу.

Встречи с людьми происходят случайно. А потом одни остаются в твоей жизни надолго, иногда — навсегда, а другие очень скоро исчезают.

Когда я был еще пацаном и пытался завоевать свое место под солнцем, чаще всего меня называли Плющом, особенно старшие фигуристы, с которыми мы делили лед. Кто-то зовет Женягой. Друзья и приятели, которые не имеют отношения к фигурному катанию, — Фигуристом. А несколько лет назад я получил почетную кличку Чемпион, или Чемп, что в принципе одно и то же.

Так меня называют ребята из других видов спорта и еще фигуристы-парники. Мои соперники, с которыми мне приходилось бороться на одном льду во время соревнований, Чемпионом меня не называли никогда.

Алексей Николаевич Мишин для меня не просто тренер. За столько лет совместной работы мы стали фактически родственниками, если не больше. Мы вместе прошли все: и огонь, и воду, и медные трубы. И проигрыш в Солт-Лейк-Сити, и операцию в Мюнхене. Даже в самых критических ситуациях мой тренер не переставал верить в меня. И эта вера помогла нам обоим победить в Турине.

Многие фигуристы и тренеры заключают контракт, согласно которому спортсмен отдает тренеру определенный процент от

своих призовых денег за выигранные чемпионаты Европы, мира и Олимпиады. У нас с Мишиным все держится на честном слове, никаких контрактов мы никогда не подписывали, потому что наши отношения проверены временем и мы доверяем друг другу.

Когда я был еще маленьким, Алексей Николаевич часто брал меня к себе в загородный дом. Мне там безумно нравилось, и я мечтал о таком же. Тогда мне казалось, что я всю жизнь буду о нем только мечтать.

Потом у моей семьи появилась просторная квартира, а я стал зарабатывать приличные деньги. И осуществил свою мечту. Выбрал очень хорошее, живописное место, купил дом, который мне понравился. Он не слишком большой, но уютный. Места там хватает всем: и моим родителям, которые там живут постоянно, и Лене с Дашей, и мне.

Моя любимая собака, как и дом, тоже появилась у меня с легкой руки тренера.

Алексей Николаевич собирался завести себе собаку. Приближался его день рождения, и я решил сделать ему такой подарок.

Купил американского бульдога — уморительного, хорошенького щеночка.

До дня рождения Мишина оставалось несколько дней, и я на всякий случай спросил:

— Алексей Николаевич, как вам такая порода — американский бульдог?

— Хорошая, Жень, порода. Мне нравится. Но мне не подойдет. Американский бульдог — собака гладкошерстная и за городом ей будет холодно.

В результате я подарил Алексею Николаевичу кавказскую овчарку, а «американца» мы оставили себе. Так он и появился в нашем доме. Я дал ему имя Голден, что в переводе с английского означает «золотой».

Мы с ним друзья. И он, верный пес, всегда ждет своего хозяина. Правда, мой американец страшный хитрец. Когда меня нет, Голденом занимается отец, гуляет с ним, кормит. И пес очень любит папу. Но как только появляюсь я, папа тут же отходит для него на второй план.

Сейчас у нас в загородном доме целых две собаки. Вторую — йоркширского терьера Боню — купила мама. Он крошечный, весит всего два килограмма. Но с моим Голденом они отлично ладят.

Все эти годы я чувствовал поддержку Федерации фигурного катания России. Так было и в самые трудные времена, но особенно наглядно она проявилась в 2006 году на Олимпийских играх в Турине.

Люблю праздники. Правда, на них не всегда удается подурачиться и повеселиться как следует.

У нас в Питере каждый год в День города проходит карнавал. Зрелище впечатляющее: десятки колонн идут по Невскому проспекту, все в костюмах. Карнавал проходит ярко, празднично, феерично.

Летом 2006-го, сразу после Олимпиады, меня выбрали королем карнавала. Я ехал по Невскому вместе с губернатором Петербурга, и весь город приветствовал нас. Кто-то аплодировал, кто-то кричал: «Женя! Ты молодец!»

Жаль, подурачиться было нельзя. Когда сидишь рядом с Валентиной Ивановной Матвиенко, приходится соответствовать моменту.

Еще люблю путешествовать: поваляться у моря, поездить по городам Европы, походить по музеям.

Иногда удается совмещать путешествия с работой. Меня как-то пригласили сниматься в рекламе чая. Это было на острове Шри-Ланка. Едем по удивительной дороге, вокруг красота: горы, чайные плантации, краски невероятно яркие и сочные. Ехали мы достаточно медленно, и я с огромным интересом смотрел в окно. А в это самое время в горах начался камнепад. Невероятных размеров каменная глыба должна была упасть аккурат на крышу нашей машины. Если бы мы ехали чуть быстрее, именно так все бы и произошло. Но камень — раза в два больше, чем наш автомобиль, — упал за полметра до нас, преградив нам дорогу.

Поскольку я смотрел не вперед, а по сторонам, то не сразу понял, что случилось, и даже не успел испугаться.

Позже наш гид рассказал, что на Шри-Ланке такое бывает довольно часто. Незадолго до нашего путешествия в этом районе прошла сильная гроза с ливнем, вот эта глыба и откололась…

О том, как я пробовал курить, я уже рассказывал. С алкоголем я тоже «познакомился» рано — лет в десять. После Всероссийского турнира по фигурному катанию мы со старшими спортсменами сидели в гостиничном номере, старшие выпивали и угощали меня.

В самый первый раз это было пиво, потом я попробовал и портвейн, и водку. Я был маленький и легковесный, так что мне много не надо — пьянел я мгновенно.

То, что, уезжая из города, в перерывах между соревнованиями старшие подпаивают младших, ни для кого не секрет. Когда рядом нет родителей, когда тренер постоянно отлучается, происходит много и других интересных вещей.

Тренер Маковеев об этой «традиции» знал. Случалось, после бокала пива или портвейна я садился к нему в машину, и мне, естественно, становилось плохо. Я просил остановиться. Но Маковеев никогда меня за это сильно не бранил. Большинство спортсменов через такое проходят, они рано узнают, что такое алкоголь. И кто-то сразу останавливается, а кого-то затягивает.

Есть спортсмены, которые выиграли все мыслимые награды и… стали алкоголиками. Что только с ними ни делали — и подшивали, и к экстрасенсам возили. Но их ничто не спасло.

Мне такая судьба не грозит, к тому же ни портвейн, ни тем более водка мне никогда не нравились.

Не могу долго сидеть на одном месте. И если появляется свободное время, всегда знаю, чем себя занять. Например, обожаю боулинг. Я играю со своей девушкой, это она меня втянула. Нынешним летом мне удалось установить личный рекорд, я набрал 234 очка и даже от усердия стер себе палец. Теперь моя фамилия украшает турнирное табло в одном из боулинг-клубов. Хочу заняться боулингом серьезно: купить шары, позаниматься с тренером. Так, для себя. Тем более что у меня это получается.

Еще я обожаю экстремальное вождение и картинг. Даже купил себе специальную раллийную машину и теперь наслаждаюсь скоростью. Мечтаю купить мотоцикл. Хоть и говорят, что это очень опасно, но если ездить на мотоцикле с умом, включая голову, думаю, это ничуть не опаснее, чем все остальные виды транспорта.

Но все это, как и многое другое, приходится пока откладывать на потом, когда у меня появится достаточно свободного времени.

23. Еще одна победа

Сейчас уже все в мире знают, что зимние Олимпийские игры-2014 пройдут в нашем Сочи. В ночь с 4 на 5 июля 2007 года, когда глава Международного олимпийского комитета Жак Рогге объявил эту новость, ликовала вся наша страна. Город Сочи не спал, миллионы жителей других городов России сидели у телевизоров и с волнением ждали объявления результатов. Я в это время был на другой стороне земного шара, в Гватемале, где и решалась судьба Олимпиады-2014.

Мне посчастливилось стать участником презентации, членом российского заявочного комитета. Пока мы не приехали в Гватемалу, я даже не подозревал, насколько это ответственно, и, конечно же, не думал, что я, спортсмен, выступавший за свою страну на многочисленных чемпионатах Европы и мира, прошедший две Олимпиады, буду так волноваться.

В Гватемалу наша делегация приехала за десять дней до исторической презентации. Но подготовка к ней началась гораздо раньше. Я еще выступал в американском шоу, а нам уже шили костюмы, в которых мы вышли на сцену, чтобы представить наш проект «Сочи-2014». Для нас рисовали эскизы, мы сообщали дизайнерам свои размеры. Ведь мы должны были не только блестяще выступить, но и отлично выглядеть. А костюмы в этом деле играют не последнюю роль, уж я-то знаю.

Российская делегация выглядела сногсшибательно. Синие строгие костюмы, белые рубашки и галстуки в сине-бело-красную полоску — под цвет Российского флага. На мне костюм сел идеально, только брюки пришлось немного укоротить — видимо, те, кто шил, опасались, что за то время, пока мы собирались в Гватемалу, пока репетировали, я могу подрасти.

Нас поселили в древней столице Гватемалы — городе Антигуа. Мы жили в монастыре XV века, который в XVIII веке разрушило землетрясение, а после он был отреставрирован и превращен в гостиницу. Было необычно и… жутковато.

Как-то вечером я вышел из своего номера в коридор. Ни одного человека, ощущение такое, будто, кроме меня, в этих развалинах больше никого нет. Звучит странная музыка — какие-то местные напевы. Всюду статуи святых. Возле моего номера — статуя, разрезанная пополам, со вскрытым животом. Я не робкого десятка и в принципе ничего не боюсь, но в тот момент мне стало не по себе, по телу побежали мурашки, и я даже решил вернуться

в свой номер.

Чуть позже я узнал, что в подвале монастыря находятся древние захоронения монахов. Получается, что мы жили практически на кладбище.

Гватемала — страна удивительная. Очень много монастырей, половина из которых разрушена землетрясением. Несколько действующих вулканов. Великолепная природа: горы, холмистый ландшафт и огромное число попугаев.

Мы готовились в специальном зале, точной копии того, где и проходила 119-я сессия Международного олимпийского комитета. Так же были расставлены столы и стулья, так же расположены мониторы на стенах, даже бутылки с водой стояли точно так же. Обстановка с первого дня была накаленная — все нервничали и переживали страшно.

Нам помогали произносить речь на английском, учили правильно интонировать, расставлять акценты. Каждое наше движение отрабатывалось: как встать, как сесть, как идти к главному микрофону. Учитывалось все — мимика, жесты, улыбки. Нас даже учили правильно дышать!

Речь каждого члена делегации переделывалась по нескольку раз. Предложения становились более емкими и эмоциональными. Каждое слово мы учились проговаривать десятки раз.

До презентации я считал, что неплохо говорю по-английски, но, когда приехал в Гватемалу, понял, что речь у меня, мягко говоря, не очень.

С нами работали солидные люди, те, кто готовит речи для руководителей государств. И в конце каждого дня нам выставляли баллы.

Например, Светлане Журовой, олимпийской чемпионке по конькобежному спорту, в первый же день хотели поставить четыре, но передумали. Побоялись, что она расслабится и не будет стараться; в результате строгая экзаменационная комиссия поставила ей три с плюсом. А мне в первый день решили поставить кол, но потом подумали, пожалели и ограничились двойкой. Я оказался способным учеником, и в конце концов все, кто участвовал в презентации, заработали по твердой пятерке. В общем, на репетициях я чувствовал себя как в школе. И мне, так же как и другим, очень хотелось получить хорошую оценку.

В Гватемале нам пришлось провести несколько мастер-классов. Со Светой Журовой мы проехались на роликовых коньках по городу в окружении нескольких десятков гватемальских ребятишек. У них это очень серьезный вид спорта, есть даже

специальная спортивная школа по катанию на роликах. Дети потом долго нас расспрашивали о том, как выглядит лед и можно ли попробовать на нем покататься. У них получится — ведь с роликов легко перейти на наши, «зимние» коньки.

На одной из презентаций я познакомился с местными футболистами и с удовольствием поучаствовал в их тренировках: хотелось как следует размяться. Они разрешили погонять с ними мяч на тренировке.

Не все футбольные поля в Гватемале готовы к тому, чтобы на них играли в футбол. Мне довелось наблюдать за игрой местных команд в городе Антигуа. Это было даже не поле, а просто площадка с футбольной разметкой. Рядом свалки, возле которых тусуются собаки. Время от времени они тоже выбегают на поле и носятся за мячом вместе с футболистами. С другой стороны поля — рынок, где продается всякая дребедень. Мяч улетает на рынок. Оттуда его подает какой-нибудь торговец или покупатель, вооруженный автоматом…

В Гватемале разрешено иметь оружие всем жителям. Поэтому все ходят вооруженные до зубов, по городу носятся джипы с пулеметными гнездами. Каждый магазин, даже самый маленький, охраняют несколько человек с помповыми ружьями или автоматами. Такое ощущение, будто в стране идет война.

Гватемала — действительно опасная страна. Нас, российскую делегацию, предупредили сразу: на улицу в позднее время не выходить, могут напасть и ограбить. А кто предупрежден, тот вооружен. Вот мы по ночам и сидели все в своем монастыре.

Кстати, в Гватемале русских знают и очень хорошо к ним относятся. У нас был отличный персонал в гостинице: улыбчивые, работящие ребята. Мне вообще кажется, что вся Гватемала болела исключительно за нас.

Тем более что русские умеют удивлять. Когда в тропический город привезли ледовый каток, местные жители были в полном восторге. Площадка из искусственного льда находилась на территории «Русского дома», в шикарном ресторане под открытым небом, который временно стал российским представительством. Впервые потомки индейцев майя воочию могли увидеть хоккей и балет на льду.

В хоккейном матче российская делегация разделилась на две команды, играли почти все: и Герман Греф, и Александр Ткачев, и, естественно, Вячеслав Фетисов. Играли мы теннисным мячиком. Настоящую шайбу взять не решились: все-таки мы вышли на лед в футболках и джинсах, без защиты, а шайбой можно запросто покалечить друг друга или попасть по зубам

кому-нибудь из зрителей. Тем более что ни щитов, ни бортов не было. Но играли мы здорово, от души.

Всех желающих «Русский дом» вместить, конечно, не мог. Поэтому на наше хоккейное шоу могли посмотреть только свои. Многие местные жители столпились возле ресторана, заглядывали в окна, щелочки. Всем хотелось хоть одним глазком увидеть чудо — настоящий лед в знойной Гватемале!

А потом выступал наш питерский «Балет на льду». В это время пошел тропический ливень. Ребята вымокли до нитки, лед — мокрый, но никто даже не подумал прекратить выступление. Пока звучала музыка, наши танцевали на коньках и… улыбались.

Наконец наступило 4 июля — день презентации. Мы, русские, должны были первыми представлять свою страну. За нами шли Австрия и Южная Корея.

Так я не волновался ни на одной Олимпиаде. Я всегда катался только за себя, работал за себя, думал за себя. Если бы у меня что-то не получилось, это была бы только моя вина. А тут — целая команда. Победа зависит от нашей сыгранности, и подвести команду нельзя ни в коем случае.

Мы сидим за столами. Волнение зашкаливает, мандраж жуткий, нервозность. Но ничего этого показывать нельзя — мы прекрасно понимали, что на нас смотрит весь мир, за нас болеет вся Россия.

Чтобы поддержать друг друга, стали переписываться. Переговариваться нельзя — перед каждым стоит микрофон. На крошечных листочках мы рисовали друг другу смешные рожицы, смайлики, писали: «Мы победим!», «Улыбаемся». И все улыбались.

Когда к главному микрофону вышел Владимир Владимирович Путин, мы поняли, что теперь победим точно. Это было что-то: Путин выступил на двух языках, ярко, эмоционально! Меня потрясла эта речь, добавила адреналина. И когда пришел черед выступать нам со Светланой Журовой, я уже не так нервничал. Хотя колени все равно тряслись.

Светлана обычно волнуется перед выступлением, а когда выходит выступать, волнение исчезает, и какие-то вещи она начинает делать чисто интуитивно. У каждого спортсмена свой способ добиться необходимого настроя. В отличие от Светланы, я волновался и во время выступления, и после, и когда объявляли результаты. Но выступили мы все отлично.

Конечно, во многом наша победа была обусловлена приездом в Гватемалу Владимира Владимировича. Он обаял Международный олимпийский комитет. Поддерживал членов

делегации, когда нас трясло от волнения. Ничего особенного он не говорил. Какие-то общие фразы: все будет хорошо, мы работаем, боремся до конца.

Он настраивал нас на победу, давал нам эмоциональный заряд. А что еще может сказать тренер непосредственно перед соревнованиями, когда уже всему научил спортсмена? Только пожелать удачи.

Уже позже кто-то спросил меня:

— Ну вы ведь знали, что победите?

Да, мы все верили в победу. Но до последнего мгновения не знали результатов.

Готовясь услышать результаты голосования, мы взялись за руки. Руки были напряжены, ладони у всех — влажные.

И когда глава МОК Жак Рогге достал из конверта листочек и показал его нам, мы взорвались! На листочке крупными буквами было написано: «SOCHI-2014»!!!

Мы вскочили, стали прыгать, обнимать и целовать друг друга! На меня набросился с объятиями Герман Оскарович, я тоже всех обнимал: Фетисова, Ткачева, Жукова. Все плакали и смеялись от счастья. Как дети! Восторг, ликование неописуемые! Ничего подобного я не испытывал ни на одних соревнованиях.

Рядом с нами сидели представители заявочного комитета из Кореи. Они расстроились, кто-то плакал. Но никакой жалости у меня к ним не было. В спорте такое просто недопустимо — жалость к своему сопернику. Здесь надо побеждать, а побеждает всегда сильнейший.

Что такое для нас «SOCHI-2014»? Лично для меня, как и для страны, — это будущее нашей России, будущее наших детей, моей матери, моего сына, всех моих родных, друзей. У нас самое большое число олимпийских чемпионов! Кто как не мы? Тем более мы все так ждали этого события. Мы это заслужили.

У нас уже сейчас есть кому ехать на эту Олимпиаду. Теперь главное, чтобы федерации по всем видам спорта начали готовить из нынешних молодых спортсменов будущих олимпийских чемпионов. К 2014 году мы должны будем собрать мощную команду, самую сильную в мире. И не только по фигурному катанию. Я думаю, все это понимают и будут делать все возможное.

А спортсменам должны помочь родные стены. Правда, выступление в своей стране накладывает определенную ответственность, напряжение колоссальное. Но зато когда

выступаешь у себя дома, чувствуешь огромную поддержку своего народа. Хотя в последние годы наши болельщики умудряются оказывать такую поддержку и на чужих стадионах. Например, на последней Олимпиаде в Турине за российских спортсменов болело столько зрителей, что в какой-то момент мне показалось, будто я катаюсь в России. Тогда в Италию смогли приехать очень много русских. А в Солт-Лейк-Сити болельщиков из России, наоборот, было совсем мало.

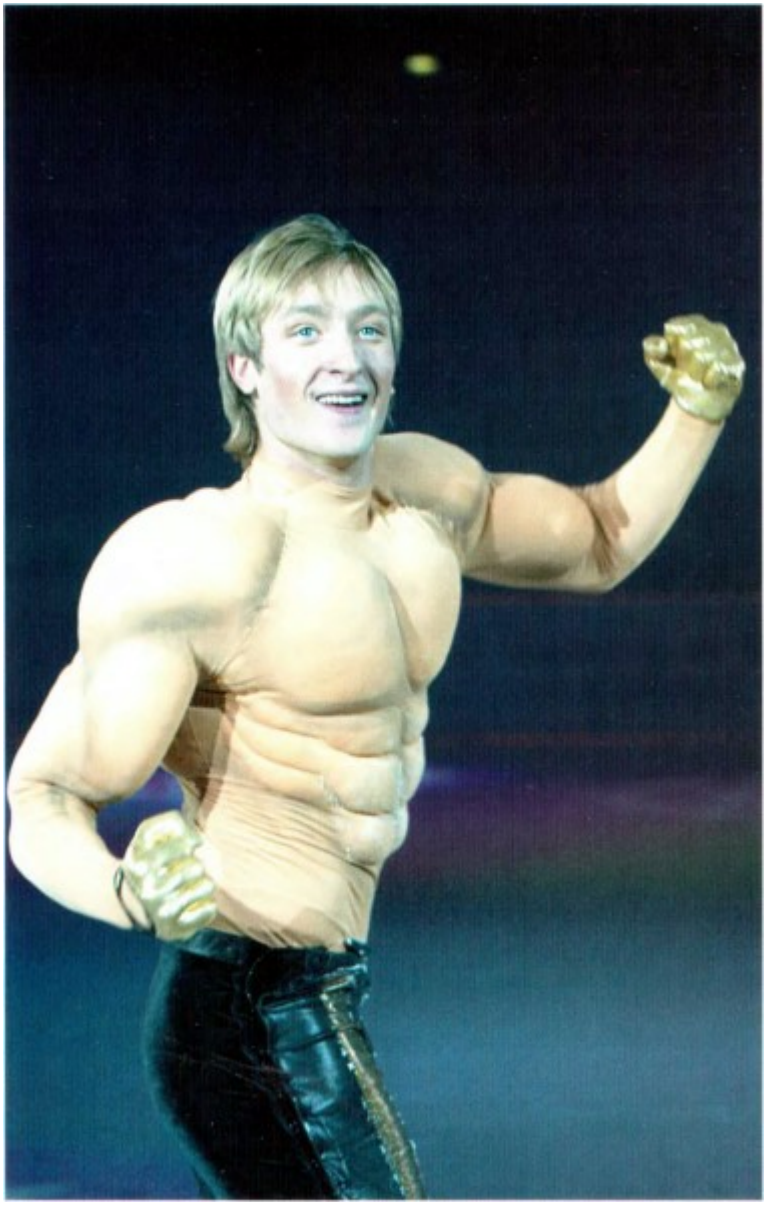
Для меня особенно важно слышать, что в зале сидят наши и болеют за российских спортсменов. Это всегда помогает, настраивает на победу. Сразу ловишь кураж и побеждаешь.

Я обязательно буду на этой Олимпиаде. Правда, пока не знаю, в каком качестве. Мне к тому времени исполнится всего 31 год, и, может быть, я еще не уйду из спорта и буду продолжать выступать за свою страну. А может, приеду в Сочи в качестве тренера или в каком-то другом качестве. Но я там буду обязательно! И скорее всего, возьму с собой своего сына Егорку, ведь ему к тому времени исполнится уже семь лет.

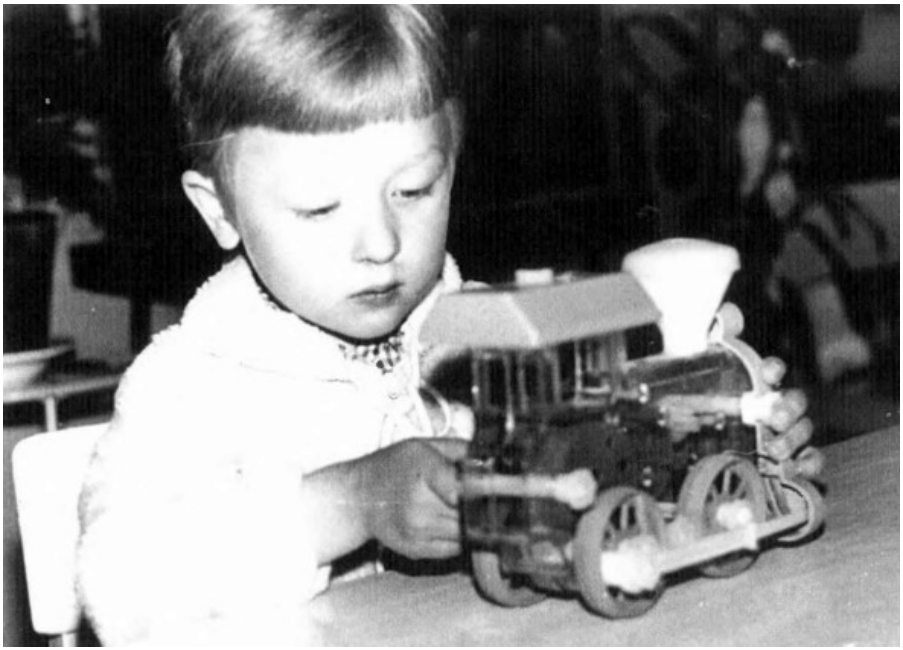
Олимпиада-2014 должна еще больше прославить нашу страну. Я мечтаю о том, чтобы все наши спортсмены могли подняться на олимпийский пьедестал почета. И фигуристы в том числе. Ведь фигурное катание — это не только спорт. Это искусство, кино, балет, театр, акробатика, экстрим.

Временами я мысленно возвращаюсь к тому дню, когда мы с мамой встретили на прогулке женщину с ее плачущей дочкой, и думаю: если бы мы не пришли в секцию фигурного катания, как могла сложиться моя судьба? Мне кажется теперь, что я все равно стал бы спортсменом. Возможно, из меня получился бы хоккеист или теннисист, а может быть, я стал бы серьезно заниматься футболом. Но точно знаю: какому бы виду спорта я ни отдал предпочтение, все эти годы я готовил бы себя к победе и обязательно стал Чемпионом.

Иллюстрации



Номер «Секс-бомб», один из самых ярких, смешных и запоминающихся, возник абсолютно случайно.



Мне 3,5 года. Я хожу в детский сад, и скоро мне подарят первые коньки.

Волгоград. Мне 9 лет, я чемпион всероссийских соревнований.

Мне 12 лет. Мы с тренером Мишиным на семинаре за границей. Я заработал денег и купил себе дорожную сумку на колесах.

13 лет. Я — восьмиклассник.

Мне 18. Я принимаю присягу.

Мои любимые родители.

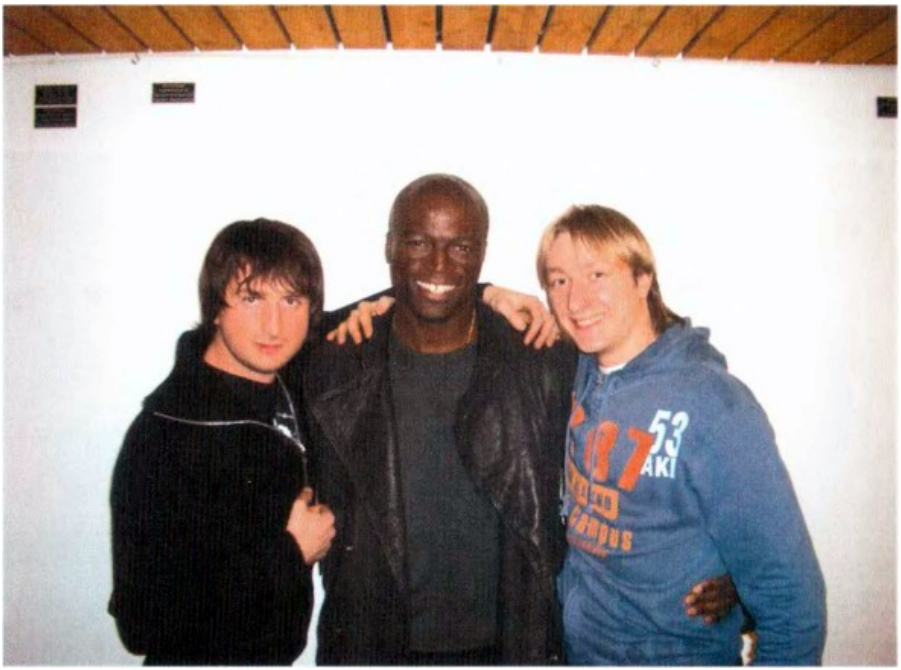
Я, мама, Лена и моя племянница Даша.

Мы с Ульяной в Испании. Уля была моей первой настоящей любовью.

Чемпионат мира 2004-го: еще одна победа.

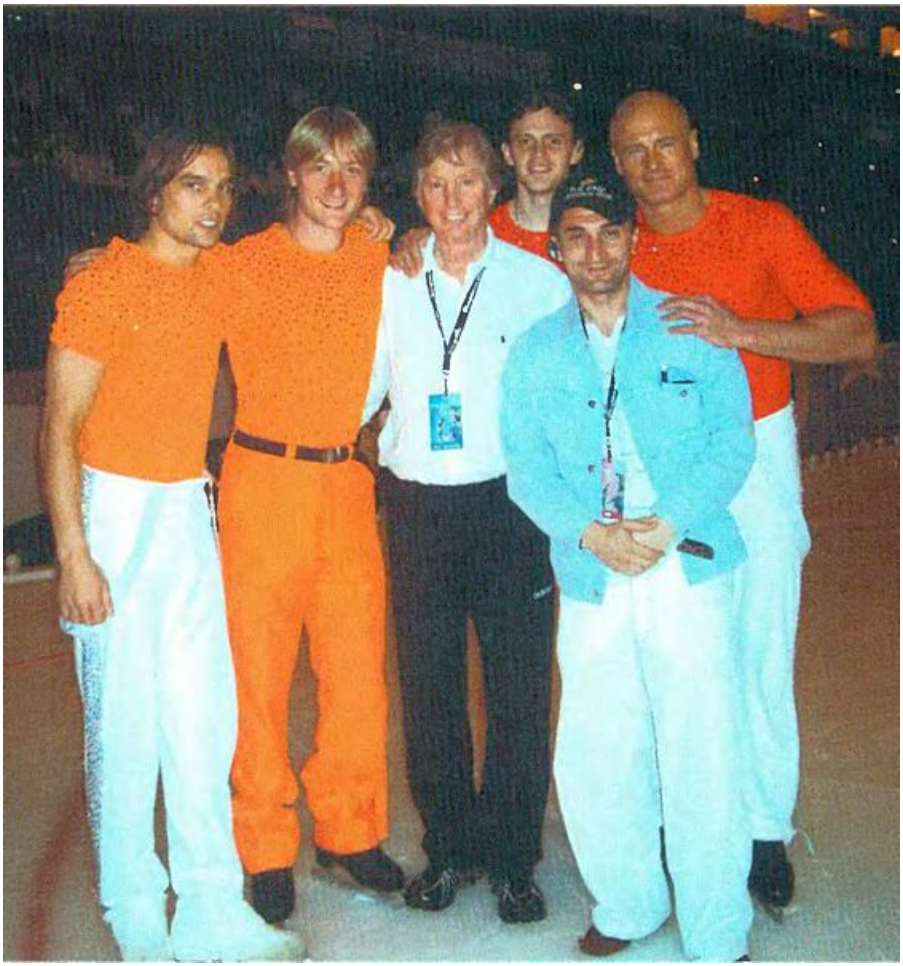
На прогулке с американским бульдогом Голденом. Он — мой верный друг, который всегда ждет своего хозяина.

Моя свадьба. Тогда казалось, что с Машей проживем счастливо всю жизнь.



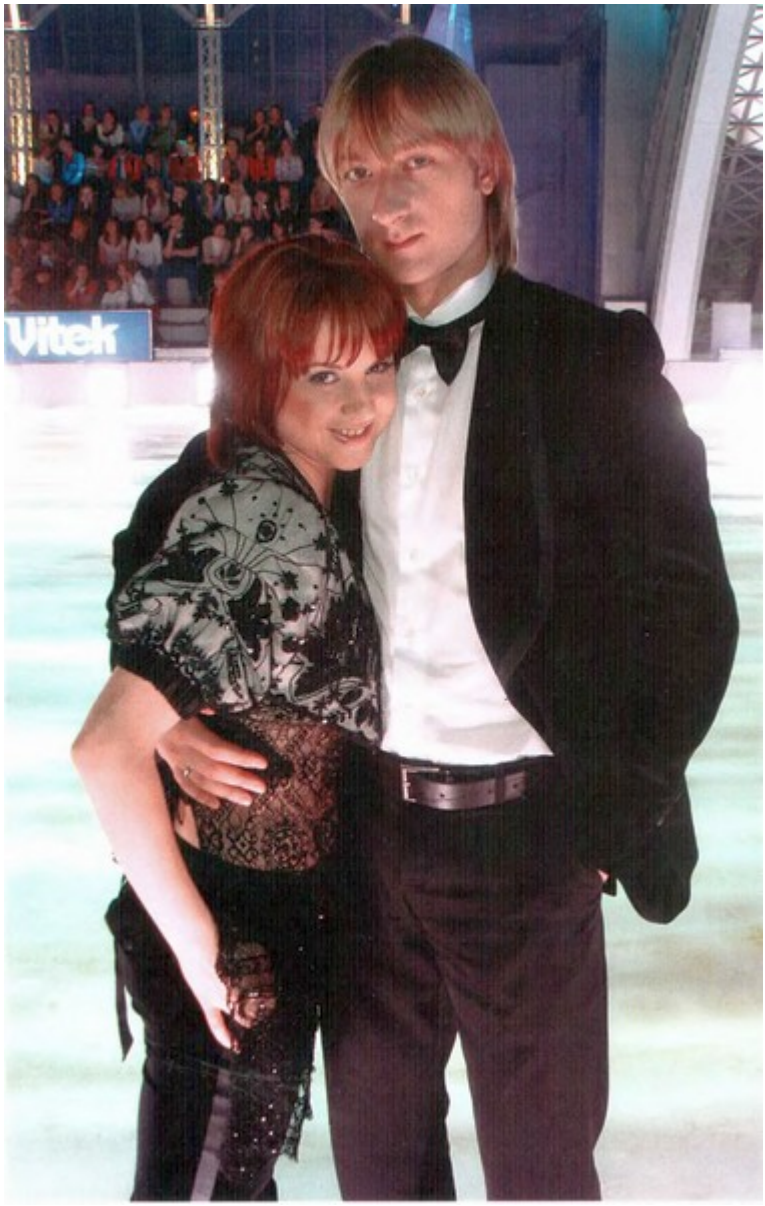
С Эдвином Мартоном и певцом Силом на шоу «Art on Ice» в Швейцарии.

Турин-2006. Я, мама и японские журналистки.



С продюсером шоу «Чемпионы на льду» Томом Коллинзом.

На съемках шоу «Властелин горы». Спали мало, работали много, но было здорово.



Я и Ирина Слуцкая, ведущие шоу «Звезды на льду». За работу на этом проекте мы с Ирой поставили себе по твердой пятерке.

Однажды ко мне в Петербург приехали сразу двадцать две японки.

Автомобили — моя слабость. Обожаю скорость.

Июль 2007-го. Гватемала. Через несколько дней станет известно, что Олимпиада-2014 пройдет в Сочи. Мы со Светланой Журовой репетируем свое выступление.

Гватемала. С моим агентом Ари Закаряном, музыкантом Игорем Бутманом и губернатором Краснодарского края Александром Ткачевым.

Мы поиграли в хоккей и провели мастер-класс на роликах с гватемальскими мальчишками.